

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Изданіе въмѣхъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографии вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1833.

**Печатано
по Высочайшему повелѣнию.**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Г. 1169 – 1174.

Области Андрея. Набѣги Полоццевъ. Возвращеніе Мстислава въ Киевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новынгородомъ. Миръ. Набѣгъ Полоццевъ. Кончины Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владимира. Киевъ опидалъ Смоленскому Князю. Сайгашъ или профен Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Свора Андрея съ Роспиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убієніе Андрея. Мышежъ въ землѣ Сузdalской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Золтый Епіскопъ. Населеніе Вяшки.

Андрей власпноваъ шогда въ чепырехъ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; от-¹¹⁶⁹ части въ Новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагалъ областію Киевскою; повелѣвалъ Киль-^{Области} ями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими¹; но Черниговскіе и Галицкій оспавались независимы: Новгородъ пакже.

Томъ III.

Мстиславъ Андреевичъ, упвердивъ дядю на престолъ Киевскомъ, спѣшилъ поздравить опца съ симъ важнымъ завоеваніемъ. Оставленный союзниками, Глѣбъ съ беспокойствомъ услышалъ о множествѣ Половцевъ, вспупившихъ въ область Днѣпровскую. Изъявляя миролюбіе, Послы ихъ говорили: «Мы «не хотимъ спрашивать васъ; не хотимъ и «васъ спрашиваться. Присягнемъ же другъ «другу въ любви и согласіи!» Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами Половцевъ на лѣвой споронѣ Днѣпра, чтобы скорѣе удалишь опасность отъ двѣнадцатилѣтняго сына своего, Владимира, княжившаго въ Переяславль: въ то самое время другія полты сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ Десятинному храму Богоматери. Глѣбъ, не имѣя гоповаго войска, хопѣлъ съ малымъ числомъ гнапься за разбойниками, которые уже бѣжали къ спасибою своимъ; но Берендеи не пустили его. «Государь Киевскій «(сказали они) не выходитъ въ поле безъ «сильной рапи и безъ союзниковъ. У тебя «есть менѣшій братъ и мы, вѣрные слуги.» Князь Михаилъ Георгіевичъ, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендеевъ, наспѣхъ Половцевъ; умершвиль ихъ спражу, и началь бишву. Берендеи и тушь оказали усердіе: схватили за узду коня Михайлова и говорили сему доспойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оспавляя его за

собою какъ твердую опору. «Враги (по словамъ Лѣтописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копіе Русское было десять Полоцкихъ.» Знаменоносецъ Михаиловъ палъ въ рядахъ, и непріятели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода Княжескій, напінувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а преизпимъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдиль и привель въ Киевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжитъ спокойно. ВозИзгнанный изъ Киева Мстиславъ Изяславичъ, вѣршевіе гордый, воинственный подобно родителю, Мстислава въ Кіевѣ счищалъ свое изгнаніе минутнымъ безвремяниемъ и думалъ шагъ же управившися съ ево. сыновьями Долгорукаго, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя, Владимира Андреевича, ему измѣнившаго⁹. Владимиръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жителей тысячами опровергали въ плѣнъ; въ чистль ихъ попался въ руки непріятелю и знаменишпый пѣспунъ Княжескій, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣщанного вспоможенія отъ Глѣба, несчастный Владимиръ умеръ, и разоренная область его доспалась Владимиру

Мспиславичу, споль извѣстному въролом-
ствомъ. Сей недоспойный внукъ Монома-
ховъ, ознаменованный спыдомъ и презрѣні-
емъ, опровергенный Князьями и народомъ,
долго спранспивовалъ изъ земли въ землю,
былъ въ Галичѣ, въ Венгріи, въ Рязани,
въ спепяхъ Половецкихъ; наконецъ прибѣ-
гнулъ къ великудушию своего гонищеля,
Г. Мспислава; вымолилъ прощеніе, и съ его
1170. согласія въѣхалъ въ Дорогобужъ, давъ обѣть
вдовспивующей Княгинѣ и шамошнимъ Боя-
рамъ не касаться ихъ имѣнія. На другой же
день онъ преступилъ клятву, опиняль у нихъ
все, что могъ, и выгналъ гореспиную не-
вѣспку, которая, взявъ пѣло супруга, по-
везла оное въ Киевъ. Туда шель и Мспи-
славъ, усиленный дружинами Князей Город-
ненскими, Туровскою и Владимира Мспи-
славича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время
свѣдавъ о кончинѣ Владимира Андреевича и
приближеніи Мспислава, отправилъ Игумена
Поликарпа вспрѣпить гробъ первого и
спѣшиль уѣхать въ Переяславль, ибо со-
мнѣвался въ вѣроности Киевлянъ. Но Давидъ
бодрствовалъ въ Вышегородѣ. Къ нему при-
везли пѣло Дорогобужскаго Князя, оспав-
ленное Боярами, которые не смѣли явинь-
ся въ Киевѣ, где они не давно злодѣйство-
вали вмѣстѣ съ Сузальцами. Игumenъ Лав-
ры, Поликарпъ, потребовалъ воиновъ у Да-
вида, чтобы веспи за гробомъ коней Кня-
жескихъ и держать знамя надъ онымъ. «Мер-

«пвымъ нѣтъ нужды ни въ чеспи, ни въ «знаменахъ,» опицпствовалъ Князь: «непрія-
«щель идеть; моя дружина готовишся къ
«бипвѣ: даю тебѣ шолько Игуменовъ и
«Священниковъ.» Зная, что Мстиславъ уже
близко и что народъ волнуетсѧ въ Киевѣ,
Давидъ не пуспилъ шуда гореспной супру-
ти Владиміровой, для ея безопасоспи; самъ
выжегъ окресщиости своего города, и ждалъ
непріящеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія вошелъ въ
Кievъ. Граждане сполицы и Берендѣи встрѣ-
тили его какъ друга: первые искренно, впо-
рые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не
теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ
Вышегороду; спаль предъ Златыми вра-
щами, въ садахъ; бился съ утра до вечера,
не жалѣя крови; хотѣль непремѣнно взять
крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Во-
вода Галицкій объявилъ мнимое повелѣніе
своего Князя щадить людей и не сбоять
долго подъ Вышегородомъ. Другіе такжে
охладѣли въ усердї; а Берендѣи и Торки
начали коварствоватъ явно. Видя ежедневно
уменьшеніе войска, силу непріящеля, и слы-
ша, что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Kievу,
Мстиславъ снялъ осаду; удалился въ Во-
лынію съ гореспю, однакожъ не безъ надежды
быть впередъ счастливѣ. Онъ дѣй-
ствительно не замедлилъ снова ополчить-
ся, узнавъ, что его племянникъ, Василько
Ярополковичъ, разбитый Половцами, пѣс-

нимый въ Михайловъ (близъ Кієва), и принужденный искать мира, выѣхалъ въ Чернитовъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матеріи); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основания городокъ Михайловъ, испрѣбляя всѣ памятники Мстиславова княженія въ странахъ Днѣпровскихъ. Но внезапная болѣзнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ Ульевъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Власия умнаго, бодраго. Лѣтописцы Польские, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго.

Кончины Мстислава

Россія съверная въ то же время была єеашромъ важнаго происшествія. Могущество спасеннаго Андрея, покоривъ древнюю южную спoliцу Государства, думалъ смиритъ Новгорода съ вогородцевъ и превозилъ ихъ чиновниковъ, которые ъздили собирать подати за Онегого. Первые непріятели дѣйствія еще больше возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣльозерѣ сильный опрядъ Сузальскій и взяли дань съ Андреевой области. Тогда Великій Князь рѣшился однимъ ударомъ сразить ихъ гордыню. Князья Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій, впорично сединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная

Война Андрея съ вогородцами

льпами, уже не пытала воинскимъ славо-любіемъ: онъ не хопѣлъ самъ предводицель-спроводить рапшю, и въ надеждѣ на счастіе или мужество сына своего, Мстислава, сно-ва ввѣрилъ ему начальство³. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпрія-тия грознаго, справедливаго по мнѣнію со-временниковъ безприспастныхъ. «Правда» (говорили они) «что Ярославъ Великій, же-«ляя изъявилъ Новгородцамъ вѣчную bla-«годарность за ихъ усердіе, даровалъ имъ «свободу избирать себѣ Князей изъ его до-«спойнѣйшихъ потомковъ; но сей Князь без-«смертный предвидѣлъ ли всѣ злоупрѣблѣ-«нія свободы? предвидѣлъ ли, что народъ, «упоенный самовластіемъ, будеши ругаться «надъ священнымъ саномъ Государей, вну-«ковъ и правнуковъ своего незабвенного bla-«готвориша; будеши давашь клятву съ «намѣреніемъ преступить оную; будеши «заключашь Князей въ племницу, изгоняши «ихъ съ безчестіемъ? Злоупрѣбленіе уни-«чожаешъ право, и Великій Князь Андрей «былъ избранъ Небомъ для наказанія вѣро-«ломныхъ⁴». Читая въ лѣтописяхъ такія разсужденія, можемъ заключить, что совре-менники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству Князей Россійскихъ, уничижаемыхъ тогда Ново-городцами; другіе, можетъ быть, опѣз-висши къ избытику и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Киева предвѣщало

гибель и Новогородской независимости: шло
тоже войско; попть же Мстиславъ велъ
оное. Но Кіевляне, пріученные мъняти Го-
сударей и жершовать побѣдителю побѣ-
жденнымъ, сражались ишько за честь Кня-
зя; а Новогородцы за права собственныя,
за успавы опіцевъ, копорые бывають не
всегда мудры, но всегда священны для на-
рода.

Вмѣсто шого, чибы грозить казнью
однимъ главнымъ виновникамъ послѣдняго
мяшежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ
собою не дѣйствуешь) или врагамъ изгнан-
наго Святослава, за коего Великій Князь
вспупался: Мстиславъ Андреевичъ въ обла-
спии Новогородской жегъ села, убиваль зем-
ледѣльцевъ, браль женъ и дѣшей въ раб-
ство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль,
опчаяніе невинныхъ жерпъ воспламили
кровь Новогородцевъ. Юный Князь ихъ, Ро-
манъ Мстиславичъ, и Посадникъ Якунъ взя-
ли всѣ нужныя мѣры для защиты⁶: укрѣ-
пили городъ тыномъ; вооружили множество
людей. Непріятели, на трехъ спахъ вер-
спахъ оспавивъ за собою одинъ пепель и
шрупы, обспутили Новгородъ, требуя,
чибы мяшежники сдались. Несколько разъ
25 съ обѣихъ сторонъ съѣзжались чиновники
для переговоровъ и не могли согласиться;
въ четвертый день началася битва, кро-
вопролитная, ужасная. Новогородцы напо-
минали другъ другу о судьбѣ Кіева, опу-

спошеннаго союзнымъ войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ, о святыняхъ и древноспияхъ похищенныхъ; клялися умереть за вольноспь, за храмъ Софіи, и бились съ османенiemъ. Архіепископъ Іоаннъ, провождаемый всѣмъ Клиросомъ, вынесъ икону Богоматери и поставилъ на вѣшнемъ деревянномъ укрѣплениіи или осцрогѣ: Игумены, Іереи пѣли святыя пѣсни; народъ молился со слезами, громогласно восклицая: Господи помилуй! Сирѣлы сънались градомъ: рассказываютъ, что одна изъ нихъ, пущенная воиномъ Сузdalскимъ, ударила въ икону; что сія икона въ то же мгновеніе обратилась лицемъ къ городу; что слезы капались образа на фелонъ Архіепископа, и что гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ на полки осаждающихъ. Новогородцы одержали блестящую, совершенную победу, и приписывали ону чудесному заспупленію Маріи, успавили ежегодно торжествовать ей 27 Ноября праздникъ благодарности⁶. Чувство живой Вѣры, возбужденное общимъ умиленіемъ, святыми церковными обрядами и ревноспицымъ содѣйствіемъ Духовенства, могло весьма естественнымъ образомъ произвести сіе чудо, что есть, вселившъ въ сердца мужество, копорое, изумляя врага, одолѣваешъ его силу. Новогородцы видѣли въ Андреевыхъ воинахъ не только своихъ злодѣевъ, но и святопашцевъ богопропивныхъ: мысль, что за насть Небо, дѣлаешь

храбраго еще храбръе. Побѣдители, умертвивъ множесиство непріятелий, взяли сполько плѣнныхъ, чпо за гривну отдавали десять Суздалъцевъ (какъ сказано въ Новогородской лѣтописи), болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ деньгахъ. — Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою люпость: воины его на возвратномъ путь не находили хлѣба въ мѣшкахъ опускоженныхъ ими, умирали съ голода, отъ болѣзней, и древній Лѣтописецъ говориша съ ужасомъ, чпо они тогда, въ Великій постъ, ёли мясо коней своихъ.

Казалось, чпо Новогородцы, споль озлобленные Боголюбскимъ, долженствовали на вѣки оспасться его врагами; но (къ удивленію современниковъ), чрезъ иѣсколько мѣсяцевъ изгнавъ Князя своего, Романа, они вовмѣшили въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо терпѣли недоспашокъ въ хлѣбѣ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Чешверть ржи споила тогда въ Новгородѣ около рубля сорока шрехъ копѣекъ нынѣшними серебряными деньгами⁷. Довольные славою одержанной побѣды, не желая новыхъ бѣдствій войны и щадя народъ, чиновники, Архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, по тогдашнему выраженію, на всей волѣ своей, то есть, не уступая правъ Новогородскихъ: Великій Князь принялъ оный,

съ шѣмъ условіемъ, чтобы, вмѣсто умершаго Свѧтослава, княжилъ въ Новѣгородѣ брашь его, Рюрикъ Роспиславичъ, копорый господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны, и единспвенно въ угодность Андрею Августу выѣхавъ отпушуда, приказалъ сей Удѣль Волынскій брату Давиду.

Сѣверныя обласпи успокоились: въ южныхъ снова свирѣпствовали Половцы, ко-^{бѣгъ} шторые на сей разъ пришли изъ за-рѣки Бу-<sup>Полови-
га, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Кіев-
скій, опягченный болѣзнию, не могъ защи-
щить бѣдныхъ землемѣльцевъ; но храбрый
Михаиль и юный братъ его, Всеволодъ Ге-
оргіевичъ, съ Торками и Берендѣями разби-
ли хищниковъ. Воевода Михаиловъ, Воло-
диславъ, даль Князю совѣтишь умертвить
плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей
были еще впереди. Сія жеспокость казалась
шогда спасительною мѣрою безопасности.
Освободивъ 400 Россіянъ, сыновья Георгі- Кон-
вы возвратились оплакать кончину Глѣба,^{чина} Глѣ-
благонравнаго (по сказанію Лѣтописцевъ), ба.
вѣрнаго въ словѣ и милосердаго⁸.</sup>

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Роспиславичи, Давидъ и Мспиславъ, послали въ Волынію задяею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чѣобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствую только именемъ. Будучи союзникомъ

Г Ярослава Луцкаго и сыновей его браша, Влади-
1171, Февр. димиръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ
45. Дорогобужа, и быль возведенъ племянника-
ми на Киевскій пресполь, къ неудовольствію
гражданъ и Боголюбскаго, который хопя
унизилъ сю сполицу, однакожъ думаль, что
Князь, славный только върломсивъ, не
доспойти именоваться наслѣдникомъ ея древ-
нихъ Самодержцевъ⁹. Досадуя внутренно и
на Роспиславичей, самовольно призвавшихъ
10 Маля. дядю, Андрей велѣль ему немедленно выѣ-
Смер. хать изъ Киева; но Владимириь, княживъ ме-
вѣро- нѣе прехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный кри-
лом- водущіемъ и всѣми презираемый: ибо не
наго Вла- имъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и
дини- мужества, коими другіе Князья, споль ча-
ра. стпо ему подобные въ вѣрломсивѣ, закра-
шивали свои пресипуленія. Тогда Андрей,
коединя честолюбіе съ благороднымъ без-
корыстіемъ, и какъ бы желая великудуші-
емъ успыдить Роспиславичей, объявиль
имъ, что они, давъ слово бысть ему по-
слушными какъ впорому ощиу, имъюуть
право ждать отъ него милости, и что онъ
Кievъ успупаєшъ Киевъ брашу ихъ, Роману Смолен-
оп- скому. Довольный сею особенною благосклон-
данъ носпію Великаго Князя, Романъ поручилъ
Смоленскъ сыну Ярополку и вѣхалъ въ спо-
лицу Киевскую при изъявленіяхъ всеобщей
Кня- радости жителей, любившихъ въ немъ до-
зю. бродышели ощиа его: справедливость и не-
Юль. злобіе. Онъ торжествовалъ вмѣстѣ и свое

восшествіе на престолъ и побѣду, одержанную Игоремъ Свѧтославичемъ Съверскимъ (близъ урочища Олшавы и рѣки Ворсклы) Сайн- надъ Кобякомъ и Кончакомъ, Ханами Поло- гашъ вецкими. Юный Игорь самъ вручилъ ему про- или сайдатъ или профей, въ знакъ уваженія; феи Поло- былъ одаренъ Роспиславичами и весело праз- вец дновалъ съ ними въ Вышегородѣ день Свя- кіе. пыхъ Бориса и Глѣба¹⁰.

Не уважая Кіева, Андрей спарался подчинить себѣ Новгородъ, уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ не долго былъ шамъ Княземъ: выгнавъ Посадника Жирослава (ушедшаго къ Боголюбскому), онъ Сынъ Ане могъ жиць съ гражданами въ мирѣ, и дре- скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто есь въ Новѣ- Андрей съ удовольствіемъ далъ Новогород- горо- цамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ дѣ- рѣшиль ихъ важиція дѣла гражданскія, но коимъ Архіепископъ Іоаннъ ъздилъ на со- вѣтъ къ нему въ Владимиръ. Народъ, въ угодность Великому Князю, снова призналъ Жирослава главнымъ своимъ чиновникомъ; а Великій Князь, въ угодность народу, со-гласился чрезъ годъ на избрание другаго По-садника.

Въ то время Андрей имѣль опиять войну Войша съ Болгарами, желая ли опимститъ имъ за какія обиды, или обогатиться добычею въ странѣ торговой. Рязанцы и Муромцы соединились съ его сыномъ, Мспиславомъ, на устьѣ Оки и зимою пришли къ берегамъ

Камы, но въ маломъ числѣ: ибо люди опѣбывали опѣз зимняго похода, труднаго въ мѣспахъ большою часпю ненаселенныхъ, гдѣ лежатъ глубокіе снѣга и часпю свирѣпствуюопѣ мяпели. Главный Воевода Андреевъ, Борисъ Жидиславичъ, взявъ шеспь Болгарскихъ деревень и седьмый городокъ, умерпивъ жищелей, плѣнивъ женъ и дѣтей, совѣтовалъ Князъямъ иппи назадъ. 6000 Болгаровъ гнались за ними и едва не настigli Мстислава близъ границы, верспахъ въ 20 опѣ устья Оки. Сей Князъ, возвращаясь въ столицу, кончилъ жизнь въ юности. Пользуясь довѣренносپю опца въ дѣлахъ рапныхъ, онъ безъ сомнѣнія опличался мужествомъ.

Скора
Ан-
дрея
съ Рос-
тисла-
вича-
ми.

Гореспиній Андрей, оплакивая смерть доспойнаго сына, не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, ни властолюбія. Вѣроятно, что Рюрикъ, принужденный опказаться опѣ Новагорода, винилъ въ шомъ не одну спрошшивость его жищелей, но и хищность Великаго Князя, столь охоппи взявшаго на себя бытъ ихъ Главою. Вѣроятно, что и Великій Князъ, извѣдавъ гордость Роспиславичей, въ особенности Давида и Мстислава, искалъ случая унизишь оную безъ явнаго нарушенія справедливости. По крайней мѣрѣ счастливое согласіе между ими не продолжалось. Вѣря, искренне или притворно, какому-то ложному внушенію, Андрей далъ знать Роспиславичамъ,

что Глебъ умеръ въ Кіевѣ не естественною смертию, и что шайнымъ убіицею его былъ Вельможа Григорій Хоповичъ, коего они, вмѣстѣ съ другими участниками сего злодѣянія, должны прислать къ нему въ Владіміръ для казни¹¹. Романъ не сдѣлалъ таго изъ жалости къ людямъ невиннымъ, безсовѣсно оклеветаннымъ; а гибній Андрей, велѣвъ Роспіслявичамъ выгнать изъ обласпей южныхъ, опдалъ Кіевъ храброму Михаилу, княжившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не спорилъ и возвратился въ Смоленскъ; но его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мспиславъ, жаловались на сию несправедливость, и видя, что Великій Князь презираєтъ ихъ жалобы, вступили ночью въ Кіевъ, захватили памъ Всеволода Георгіевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Ярополкомъ¹²; осадили Михаила въ Торческѣ, и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ спoliцу Кіевскую, где Рюрикъ, возведенный братьями на ея престоль, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея. Въ сіе время жилъ у Михаила юный Князь Галицкій, Владіміръ Ярославичъ, сынъ его Проспры, Ольги Георгіевны. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, имѣвъ Ганемъ Анастасію, не любилъ супруги, и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе Бояре Галицкіе, доброопитвя имъ, дернули на явный бунтъ: вооружили па-

родъ, умершили нѣкоторыхъ любимцевъ Княжескихъ, сожгли Анастасію, започили ся сына и невольно примирili Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами и злодѣйствомъ, не могъ быть искреннимъ: усмиривъ или обуздавъ мятежныхъ Бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависши къ Княгинѣ Ольгѣ и къ Владміру заставивъ ихъ впорично уйти изъ Галича. Владміръ искалъ покровительства Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщавъ имъ со временемъ возвратить Волынскіе города, Бужскъ и другіе; но Князь Галицкій требовалъ, чтобы они выдали ему сего несчастнаго, и грозился опустошить пламенемъ всю область Луцкую¹⁵. Тогда Владміръ прибегнулъ къ своему дядѣ, Михаилу; а Михаиль, не пустивъ его ни къ Святославу Черниговскому (шестию Владмірову), ни къ Андрею, велѣлъ ему, въ угодность Роспиславичамъ, друзьямъ Князя Галицкаго, возвратиться къ опицу, гоповому проспить сыша. За то Рюрикъ освободилъ Всеволода Георгіевича, удержавъ одного Ярополка пленникомъ въ Кіевѣ: ибо Роспиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хотѣли имѣть важнаго аманата въ рукахъ своихъ. Братъ Ярополковъ, высланный ими изъ Триполя, долженъ былъ уѣхать въ Черниговъ¹⁴.

Святославъ Черниговскій и всѣ Олеговы внуки радовались междуусобію Мономахова попомства. «Не уже ли не вспушишся за

«чеснъ свою!» говорили ихъ Послы Великому Князю: «враги швои сущь наши; мы «всъ гоновы къ войнѣ.» Андрей, еще более подвигнувшись ими на злобу, отправилъ Княжескаго Мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: «Вы мяшежники. Обласнъ «Кievская еспнь мое доспояніе. Да удалишся «Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату, а Давидъ «въ Берладъ: не хочу терпѣть его въ зем- Свой «ль Русской, ни Мспислава, главнаго винов- спво «ника злу.» Сей послѣдній, какъ пишутъ Мспис- современники, навыкъ опть юности не бо- слава яться никого, кроме Бога единаго¹⁵. Въ пылкой досадѣ онъ велѣль остерничъ голову и бороду Послу Андрееву. «Теперь иди къ «своему Князю,» сказалъ Мспиславъ: «по- «впори ему слова мои: досель мы уважали «шебя какъ отца; но когда ты не успы- «дился говорить съ нами, какъ съ швоими «подручниками и людьми проспымъ, забывъ «нашъ Княжескій санъ, то не спрашивай «угрозвъ; исполнни оныя: идемъ на судъ Бо- «жій.» Съдавъ безчестіе своего Посла и сей гордый опившись, Андрей, по выраженню Лѣтописца, омрачился гнѣвомъ, и собравъ 50,000 воиновъ Сузdalскихъ, Бѣлозерскихъ Новгородскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ, вручилъ предводительство юному Георгію Новгородскому, ~~шоша~~ уже единственному его сыну, и ~~Белобѣжъ~~ Форцсу Жидиславичу. Онъ велѣлъ ~~и~~ изгнать Рюрика съ Дави- домъ, а ~~другаго~~ Мспислава привесніи въ

Владиміръ. Рать, столь многочисленная, была еще усиlena дружинами всѣхъ иныхъ Князей, подчиненныхъ Андрею: Кривскихъ или Полоцкихъ, Туровского, Городненского, Пинского, даже и Смоленского: ибо Романъ не смѣлъ ослушаться Великаго Князя, сколь ни любилъ братъевъ. Всѣ полки соединились въ Черниговской области, и старшій изъ Князей, Святопославъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное начальство. Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ премиа племянниками, вспрѣпили ихъ на берегу Днѣпра. Они вспутили въ Киевъ безъ сопротивленія: ибо Рюрикъ удалился опшуда въ Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ заключился въ Вышегородѣ; самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичъ требовать вспоможенія отъ Ярослава Владимира. Взявъ съ собою еще множества Киевлянъ, Берендей, Торковъ, Святопославъ Черниговскій и болѣе двадцати Князей осадили Вышегородъ. Шумный необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей Днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстю людей, казалась цѣллю недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осаждающихъ не доспывало ни усердія, ни согласія. Одни Князья не любили самовластия Андреева, другіе юнарства Святопославова; нѣкоторые тайно доброжела-

Осада
Вы-
шего
рода

шельствовали Роспиславичамъ. Спояли девять недель, отъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ обеихъ споронъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидаль Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій, такжে союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ ходилъ столицы Киевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вспомнилъ въ шайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно согласились на всѣ его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ спорону и съ полками своими двинулся къ Бѣлогороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, спасъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной превоги и наконецъ всеобщаго бѣгства. Не слушая ни Воеводъ, ни Князей, малодушные вѣтили: «мы гибнемъ! Ярославъ измѣнилъ, «Берендеи измѣнили, Галичане идутъ; будемъ окружены, побиты на голову!» и ночью бросались топками въ рѣку. Герой Мстиславъ спояль на спѣнѣ: при свѣтѣ утренней зари видя сіе непонятное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъ-естественною силою гонимаго, низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ — поднялъ руки къ небу; восхваливъ святыхъ засступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; сѣлъ на коня и спѣшилъ довер-

шипъ ударъ; шопшль, пльнялъ людей; взялъ спанъ непріятельскій, обозы — и съ того времени счипался храбрѣйшимъ изъ Князей Россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мспислава, означенованнаго чудеснымъ покровителемъ Неба въ ратоборствѣ съ сильными.

Ярославъ Луцкій въѣхалъ въ Киевъ, а сынъ Andresвъ возвратился въ Сузdalьскій Владіміръ съ неописаннымъ спыдомъ, безъ сомнія весьма чувствительнымъ для отца; но умъя новелъвашь движеніями своей души, Андрей не изъявилъ ни горести, ни досады, и снесъ униженіе съ крѣпостю Христіанина, приписывая оное, можетъ быть — равно какъ и бѣдственную осаду Новагорода — гнѣву Божію на Суздалцевъ за опуслошеніе святыхъ церквей Киевскихъ въ 1169 году. Сія мысль смирила, кажеся, его гордость. Онъ не хотѣлъ упорствовашь въ злобѣ на Роспиславичей, не думаль испинить Ярославу за измѣну и не мѣшаль ему спокойно власшвовать въ Киевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего ис-

Г.
1174
Ко-
вар-
ство
Чер-
нигов-
скаго
Князя.

чтобы ссоринъ Мономаховыхъ попомковъ. Сей Князь, не имъя надежды вооружить Андрея, началъ требовать Удѣла отъ Ярослава, говоря: «Ты обѣщалъ подъ Вышегородомъ дать мнѣ область, когда сядешь

«на пресполѣ Свѧтаго Владіміра; нынѣ, «сидя на ономъ — право ли, криво ли, не «знаю, — исполни обѣщаніе. У насъ одни «предки: я не Ляхъ, не Угринъ.» Ярославъ сухо опровергъвалъ, что онъ · господ- спиуетъ въ Кіевѣ не по милосердіи Ольго- вичей, и что родъ ихъ долженъ искать Удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь Черниговскій замолчалъ; но въ ти- шинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Яро- слава, пѣниль его жену, сына, Бояръ, и ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне осхватились равнодушными зрищелями сего разбоя, въ ожиданіи, чѣмъ захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и ду- мая, что они сами шайно призвали Свѧто- слава, обложилъ данію всѣхъ гражданъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцовъ, Ка- шполиковъ¹⁶. «Миѣ надобно серебро, чтобы «выкупить жену и сына,» говорилъ озло- бленный Князь, и наказавъ Кіевлянъ, ви- новныхъ единственно своею къ нему холод- ностію, заключилъ миръ съ Свѧтославомъ, копорый жегъ тогда обласпь брашна, Оле- га Съверскаго.

Сей миръ казался Роспісловичамъ мало- душіемъ, а шагоспна дань, возложенная на Кіевъ, несправедливоспю. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ спарѣшаго изъ Князей, доспойнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшес и взаимнымъ искреннимъ

согласіемъ успокоиши южную Россію: для того хотѣли, чтобы Великій Князь, какъ ея законный покровитель, спова успушилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя высланіе оттуда Ярослава, нелюбимаго народомъ и неспособнаго блюстри древнюю спoliцу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщалъ пословъшоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеиволодомъ; писать къ нимъ въ Торческъ, и не дождался опівъша, кончивъ жизнь отъ руки своихъ любимцевъ.

Убіє-
ніє Ап-
дрея. Великій Князь, женатый — по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ¹⁷ — на дочери убіеннаго Боярина Кучка, осыпалъ милостями ея брачьеъ. Одинъ изъ нихъ приличился въ какомъ-то злодѣйствіи, и заслужилъ казнь. Другой, именемъ Іоакимъ, возненавидѣлъ Государя и благопвориша за сіе похвальное дѣйствіе правосудія; внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ будеши со временемъ пакая же участіе; что надобно умереть или умрѣшиши Князя, ожесточеннаго спаростію; что безопасность есть законъ каждого, а міщеніе должностіе¹⁸. Двадцать человѣкъ вступили въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ лично оскорблена Княземъ; многіе пользовались его довѣреностію: зять Іоакимовъ, Вельможа Пепръ (у коего въ домѣ собирались заговорщики), Ключникъ 29 Аиба¹⁹ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Монзовичъ. Въ глубокую полночь они пришли ко

дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селъ въ 11 верстахъ отъ Владимира), ободрили себя виномъ и крѣпкимъ медомъ въ Княжескомъ погребѣ, зарѣзали спражей, вломились въ сѣни, въ горницы, и кликали Андрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его Опроковъ. Услышавъ голосъ Великаго Князя, злодѣи отбили дверь ложницы или спальни. Андрей напрасно искалъ меча своего, шайно унесеннаго Ключникомъ Анбаломъ: сей мечъ принадлежалъ нѣкогда Святому Борису¹⁹. Два человѣка бросились на Государя: сильнымъ ударомъ онъ сшибъ первого съ ногъ, и товарищи въ племнопѣ умертвили его вмѣсто Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорилъ извергамъ: «зачто проливаете кровь мою? «рука Всевышняго казнишь убийцъ и неблагодарныхъ!» . . . . наконецъ упалъ на землю. Въ спрахѣ, въ замѣшательствѣ, они схватили тѣло своего товарища и спѣшили удалившись. Андрей въ безпамятствѣ вскочилъ, бѣжалъ за ними, громко спеная. Убийцы возвратились; зажгли свѣчу, и съдомъ крови Андреевой дошли въ сѣни до сполна лѣсицы, за коимъ сидѣлъ несчастный Князь. Пепрѣ отрубилъ ему правую руку; другіе воини мечи въ сердце: Андрей успѣлъ сказать: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» и скончался.

Умертвивъ еще первого любимица Княжескаго, Прокопія, заговорщики овладѣли каз-

ною государевою, золотомъ, драгоцѣнными каменьями; вооружили многихъ *Дворянъ*², пріяшелей, слугъ, и послали объявить Владимірской дружинѣ или шамошинѣ Боярамъ о смерти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками. «Нѣшъ,» опровергнули Владимірцы: «мы не были «и не будемъ участниками вашего дѣла.» Но граждане Боголюбскіе взяли спорону убійцъ; расхитили дворецъ, серебро, богатыя одежды, пиканы. — Тѣло Андреева лежало въ огородѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный слуга несчастнаго Государя, спояль надь онимъ и плакалъ. Видя Ключника Аибала, онъ пребовалъ ковра, чтобы прикрыть обнаженный трупъ. Аибалъ оплакалъ: «мы гонимъ его на съденіе позамъ.» *Извергъ!* сказалъ сей добродушный слуга: *Государь взялъ тебя въ рубищъ, а нынѣ ты ходишь въ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова.* Ключникъ бросилъ ему коверъ и манишю. Козма оплескъ и шло въ церковь, где крилошане долго не хотѣли опиреть дверей: на прептій день опирѣли его и вложили въ каменный гробъ. Чрезъ шесть дней Владимірскій Игуменъ Феодулъ привезъ оное въ Владиміръ и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери.

Неуспройсиво, смягченіе господствовали въ областяхъ Сузdalскихъ. Народъ, какъ бы обрадованный убіеніемъ Государя, вездѣ

грабиль домы Посадниковъ и Тіуновъ, Оп-
роковъ и Мечниковъ Княжескихъ; умерш-
виль множество чиновниковъ, предавался ^{шешъ въ}
всякаго рода неисповѣству, шакъ, что Ду-
ховенство, желая возстановить ^{земль Суз-}шичину, ^{дмь-}
прибрѣгнуло наконецъ къ священнымъ обря-
дамъ: Игумены, Іереи, облаченные въ ризы,
ходили съ образами по улицамъ, моля Все-
вышнѧго, чтобы Онъ укропилъ мяпежъ.
Владимирцы оплакивали Андрея, но не ду-
мали о наказаніи злодѣйства, и гнусные
убийцы торжествовали.

Однимъ словомъ, казалось, что Государство
освободилось отъ шира: Андрей же, нѣко-
гда вообще любимый, по сказанію Лѣтопис-
цевъ, бытъ не только набожень, но и благо-
творищеленъ; щедръ не только для Духов-
ныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ:
слуги его обыкновенно развозили по улицамъ
и племницамъ медъ и брашна спола Кня-
жескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ
Лѣтописцами народу легкомысленному, не-
благодарному, мы находимъ объясненіе на <sup>Непа-
вистъ къ Ан-
дрею.</sup>
сію странность: *вы не разсудили* (говоряще
они современникамъ), что Царь, *самый доб-
рый и мудрый, не въ силахъ искоренить*
зла человѣческаго; что гдѣ законъ, тамъ
и многія обиды. Слѣдствіено общее неудо-
вольствіе происходило отъ худаго исполне-
нія законовъ или отъ несправедливости суд-
дей: споль нужно вѣдать Государю, что
онъ не можетъ бытъ любимъ безъ спро-

таго, бдительного правосудія; чи то народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидить Царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убийцы Андреевы знали сю ненависть, и дерзнули на злодѣяніе.

Впрочемъ Боголюбскій, мужественный, превзывъ и прозванный за его умъ вторымъ Соломономъ, былъ конечно однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Полипики, или той науки, коя пора утверждала могущество государственное. Онъ явно спремился къ спасительному Единовластию, и могъ бы скорѣе доспигнуть своей цѣли, если бы жилъ въ Киевѣ, уніяль Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствие въ мѣстахъ облагодѣтельствованныхъ Природою, издавна обогащаемыхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствую на берегахъ Днѣпра, Андрей пѣмъ удобнѣе подчинилъ себѣ знаменитые сосѣдственныя Удѣлы: Черниговъ, Волыніо, Галичъ; но ослѣпленный приспрапашіемъ къ сѣверо-восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать шамъ новое сильное Государство, нежели возстановить могущество древняго на Югѣ²¹.

Лѣтописцы всего болѣе хвалить Андрея за обращеніе многихъ Болгаровъ и Евреевъ въ Христіанскую Вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану Духовныхъ. Подражая Святому Князю, крестившему Россію, онъ на-

Свой-
ства
его.

дѣмилъ въ Владімірѣ новую Епіскопскую Соборную церковь Богоматери (имъ въ 1158 году заложенную) помѣстями и купленными слободами²²; опідалъ ей такжে десѧтую часть изъ торговыхъ доходовъ своихъ и Княжескихъ спадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чтобы украсить ону великолѣпно; и драгоценные сосуды ея, златыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатые оклады иконъ, осѣпаныхъ жемчугомъ, были тогда предметомъ удивленія для Россіянъ и купцовъ иностранныхъ. Въ семъ новомъ Десѧтинномъ храмѣ стоялъ Палладіумъ Великаго Княженія Сузdalского: образъ Богоматери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ въ 1164 году Болгаровъ. Не менѣе славилась великолѣпіемъ церковь Боголюбская, украшенная золотомъ и финифтью. Такую же хоптымъ Андрей соорудилъ и въ Кіевѣ, на Дворѣ Ярослава — въ память, какъ говорилъ онъ, древнему отечеству его предковъ; уже оправилъ туда зодчихъ, спроизвшихъ Владімірскія Златыя враша, но не успѣлъ исполнить своего набожнаго обѣща. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что сей Великій Князь думалъ учредить Митрополію въ Владімірѣ, но что Наприархъ Цареградскій отказалъ ему въ томъ, желая оставить Кіевскаго Митрополита единственнымъ въ Россіи.

Со временъ Владимира Свяшаго до Георгія Долгорукаго миръ и спишица царствовали въ нѣдрахъ Россійской благословенной Церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ Епископовъ о посвященіи Митрополита Клименса: при Великомъ же Князѣ Боголюбскому открылась первая ересь въ нашемъ опечествѣ, важная по мнѣнию тогдашнихъ Христіанъ. Росповскій Епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корыстолюбіе и грабежъ, утверждалъ, что ни въ какие Господскіе праздники, буде они случаятся въ Среду или Пятницу, не должно есть мяса²⁵. Новый Епископъ Суздальскій, Феодоръ, въ присутствіи Великаго Князя опровергалъ Леона, которыи рѣшился искать суда въ Греціи. Послы Кіевскій, Андреевъ, Переяславскій и Черниговскій отправились въ слѣдь за нимъ, и въ спавкѣ Императора Мануила, бывшаго тогда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ Свяшинель Болгарскій, Адріанъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Императоръ думалъ согласно съ Адріаномъ; но Леонъ пропиворчилъ, и споль дерзко, что Вельможи Греческіе схватили нескромнаго еретика и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Митрополитъ Россійскій и Черниговскій Епископъ Антоній держались мнѣнія Леонова: за что Князь Святославъ Всеволодовичъ изгналъ Антонія изъ Чернигова. Сие спранное прѣ-

Пер-
вый
ересь.

ніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и со-
вѣстъ людей просподушныхъ.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе шо , чѣпо
Лѣтописцы разсказываютъ намъ о другомъ
Росповскомъ Епископѣ. Великій Князь , при-^{3-ю}
знавъ Монаха Феодора доспойнымъ Святымъ-^{дѣлъ}
Епипонельскаго сана , посыпалъ его спавимъ скопъ.
въ Кіевъ²⁴; но Феодоръ , уже принявъ на се-
бя званіе Епископа , не хопѣлъ вхапть къ
Митрополиту . Сего мало : будучи корыстпо-
любивъ и злобенъ , онъ мучилъ людей въ
подвластныхъ Епископу селахъ , Июковъ ,
Игуменовъ , Священниковъ ; бриль имъ го-
ловы и бороды ; даже распиналь нѣкопо-
рыхъ , выжигалъ глаза , рѣзалъ языки , един-
ственno для того , чтобы присвоить себѣ
ихъ доспояніе . Князь терпѣль изверга , до-
вольствуясь , можетъ бытъ , одиѣми угро-
зами . Еще болѣе шѣмъ озлобленный , лже-
паспышъ вздумалъ наконецъ запереть всѣ
церкви въ Владимірѣ , и взялъ опять нихъ
ключи . Народъ взволновался . Великій Князь ,
низвергнувъ Феодора , предалъ его на судъ
Митрополиту , кошорый вѣль опрѣзашъ
ему языкъ , опѣсь правую руку и выко-
лонъ глаза : « ибо сей ерепикъ » (прибавля-
ютъ Лѣтописцы) « злословилъ Богоматерь ! »
Такія происшествія могутъ бытъ изъясне-
ны однимъ тогданимъ невѣжествомъ и
грубостію нравовъ .

Къ послѣднему году княженія Андреева
относится любопытное извѣстіе Хлынов-

Населеніе скаго Лѣтописца о первомъ насленіи Вятки Россіянами²⁵. Въ 1174 году нѣкоторые жители обласпи Новогородской, отчасти наскучивъ виупренними раздорами, отчасти пѣснимыя возраспающими многолюдствомъ въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества, и Волгою доплыть до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что да-лѣе къ Сѣверу обитаютъ народы дикіе въ спранъ лѣсной, изобильной дарами Приро-ды, многіе изъ сихъ выходцевъ отправи-лись вверхъ до устья Осы; обратились къ Западу; дошли до Чепцы, и плывя ею внизъ, покорили бѣдныя жилища Вопяковъ; нако-нецъ вошли въ рѣку Вятку, и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красный городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣсто полюбилось Россія-намъ: они захотѣли овладѣть имъ и навсе-гда шамъ оспаться; нѣсколько дней говѣли, молились, и призвали въ помошь Святыхъ защищниковъ своего отечества, Бориса и Глѣба, на память ихъ, Іюля 24, взяли го-родъ²⁶. Жители скрылись въ лѣсахъ. Сie укрѣпленное селеніе называлось *Болванскимъ* (вѣроятно, отъ капища, шамъ бывшаго): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между тѣмъ оспавленные на Камѣ со-товарищи — можешъ быти, опасаясь сосѣд-ственныхъ Болгаровъ — рѣшились такжѣ искать другаго жилища; пришли на судахъ

къ устю Вятки, плыли сею рѣкою вверхъ до Черемисского города Кокшарова (нынѣ Копельница), и завладѣли онимъ. Упвердясь въ спранѣ Вятской, Россіяне основали новый городъ близъ устя рѣчки Хлыновицы, назвали его Хлыновымъ, и съ удовольствіемъ принялъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, сославши маленькую Республику, особенную, независимую въ теченіе двухъ сорока семидесяти-осми лѣтъ, наблюдая обычаи Новгородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и Духовенству. Первобытные обитатели земли Вятской, Чудь, Воляки, Черемисы, хоща набѣгами беззоконили ихъ, но были всегда опражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ бывъ долго хранилась шамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку железнья стрѣлы, кои были оружіемъ Чуди или Воляковъ, и напоминали побѣду Россіянъ²⁷. Новгородцы также опть времени до времени спарались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли проспить имъ шого, что они хотѣли жить независимо.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Г. 1174 — 1176.

Въче въ Владимірѣ. Добролушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончины и свойства сего Князя. Междуусобіе въ южной Россії.

Г.
1174. Скоро по кончинѣ Великаго Князя съѣхались Ростовцы, Сузdalцы, Переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на Въче, слѣдя примѣру Новогородцевъ, Киевлянъ и другихъ Россійскихъ знаменинныхъ гражданъ, которые, по словамъ Лѣпописцевъ, издревле обыкли рѣшить дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ, и давали законы житѣлямъ городовъ уѣздныхъ⁸. «Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ «мы лишились Князя», говорили Бояре на Въчѣ: «онъ не оставилъ дѣшей кромѣ сына, княжащаго въ Новъгородѣ. Братья Андreeвы въ южной Россіи. Кого же изберемъ въ Государи? Кто защищить насъ «опь состояніиныхъ Князей, Рязанского и «Муромскаго, да не будемъ жерповою ихъ «королства или силы? Обратимся къ зятю «Ростислава Георгіевича, Гльбу Рязанскому; «скажемъ ему: Богъ взялъ нашего Князя: «зовемъ шурьевъ твоихъ на престолъ Ан-

«дреевъ: отецъ ихъ жилъ съ нами и поль-
зовался любовию народною.» Сія мысль бы-
ла внушена Боярамъ Послами Рязанскими²⁹:
граждане одобрили оную; утвердили вы-
боръ креспнымъ цѣлованіемъ, и согласясь
съ Глѣбомъ, отправили посольство въ Чер-
ниговъ, гдѣ находились тогда Ярополкъ и
Мстиславъ Ростиславичи³⁰, племянники Ан-
дреевы. Обрадованные честію такаго из-
бранія, но желая быть великодушными, сіи
два Князя предложили дядямъ своимъ, Миха-
ила спаршимъ, увѣрили другъ друга кляш-
овою въ искренности союза и цѣловали креспъ
изъ рукъ Епископа Черниговскаго. Обрядъ
безполезный! Ярополкъ, по совѣту Роспов-
цевъ, недовольныхъ прибытиемъ Михаила,
оспавивъ его въ Москвѣ, тайно уѣхалъ въ
Переяславль Залївскій, собралъ Бояръ, вои-
новъ, и взялъ съ нихъ кляшву вѣрности.
Росповцы призвали шуда и 1150 Владилір-
цевъ; но сограждане сихъ послѣднихъ, ко-
торые оспавались дома, опровергли ворота
Михаила и съ радостію назвали его Княземъ
своимъ, помня, чию Георгій Долгорукій хо-
тѣлъ отдать Сузdalское Княженіе ему и
Всеволоду. Началось междуусобіе. Ярополкъ
осадилъ Владиліръ; союзники его, Муром-
цы, Рязанцы, жгли села въ окрестностяхъ.
Семь недѣль граждане крѣпко спояли за
Михаила и мужественно оборонялись; нако-

нець, изнуренные голодомъ, объявили Князю, чиобы онъ даль имъ миръ или самъ удалился. Храбрый, добродушный Михаиль не думалъ укорять ихъ. «Вы правы,» сказалъ онъ: «могу ли желать вашей погибели?» и немедленно выѣхалъ. Граждане, проводивъ сего доспойного Князя съ искренними слезами, вступили въ переговоры съ Ярополкомъ и Мстиславомъ; увѣяли ихъ въ своей покорности, но боялись злобы Ростовцевъ, которые, завидуя новой знаменитости Владимира, желали его унизить. Города счищались тогда между собою въ лѣтахъ, какъ роды дворянскіе въ покольняхъ: Гор-достѣ Ростовцы славились древностю; именовали Ростомъ пригородомъ, его жителей своимъ-дѣвь. ми каменьщиками, слугами, недоспойными имѣть Князя, и хотѣли дать имъ Посадника. Владимиры напротивъ того утверждали, что ихъ городъ, основанный Владимиромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость. Обнадеженные Ярополкомъ и брашномъ его въ справедливой защищѣ, они вскирѣтили ихъ со крестами и ввели торжественно въ храмъ Богомашери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ Княземъ Владимира-скимъ, а Мстиславъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Народъ успокоился, однако же не надолго.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственного правления, скоро утратили любовь народную. Опроки, при-

шедши съ ними изъ южной Россіи, сѣла-Корылись Посадниками; опягощали гражданъ су-^{что} любіе дебными налогами; думали о корыстніи гора-Боярь. здо болѣе, нежели о расправѣ. Князья зави- сѣли опть Боярь и во всемъ исполняли ихъ волю; а Бояре, наживаясь сами, совѣтовали и Князямъ обогащаться. Яропоикъ опияль у Соборной церкви волосы и доходы, дан- ные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего взялъ ключи опть сего бо- гатааго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото, и дерзнулъ накопецъ самую побѣдоносную Вышегородскую икону Маріи отдать зяпю, Глѣбу Рязанскому. Общее не- годованіе обнаружилось. «Мы не рабы» (го- ворили Владимірцы) «и приняли Князей до- «бровольно; они же грабяще пасть какъ ино- «племенныхъ, опустошаща не только domы, «но и святыне храмы. И такъ промышляй- «те, братья!» Слово важное: оно значило, что надобно Князей унать или сбыть съ рука. Видя же, что всѣ Бояре держатъ спорону слабыхъ Государей — видя, что Ро- сповцы и Сузdalцы нечувствительны къ народнымъ обидамъ или терпѣливы до из- лишества — граждане Владимірские пайло призвали Михаила изъ Чернигова. «Ты внукъ «Мономаховъ и спарий изъ Князей его ро- «да,» говорили ему Послы: «иди на пре- «сполъ Боголюбскаго; а ежели Росповъ и «Сузdalъ не захочиять тя, мы на все го- «ловы, и съ Божію помощию никому не

Г.
1175.

“уступимъ.” Михаилъ съ братомъ Всеvolodомъ и сыномъ Князя Черниговскаго³¹ былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные Владимирцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерти отца принужденный выѣхать изъ Новагорода): тогда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасности; хотѣль вспрѣтишь Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ, и написалъ къ брату, Мстиславу Суздальскому: «Михаило «боленъ; его несущь на носилкахъ: спѣши «опразити малочисленныхъ непріятелей отъ «Владимира; я пльню ихъ задній опрядъ.» Михаилъ, будучи дѣйствительно весьма не- здоровъ, приближался къ Владимиру, когда полкъ Суздальскій, выступивъ изъ-за горы въ блестящихъ латахъ и распустивъ знамя, съ воплемъ успремился на его дружину. Успроенная Михаиломъ, она изгощовилась къ сраженію; спрѣлки съ обѣихъ споронъ начали битву; но Суздальцы – изумленные спройнымъ ополченіемъ непріятелей – вдругъ обратили штыль,бросивъ хоругвь Княже- скую. Лѣтописцы говорятъ, что ни тѣ, ни другіе воины не отличались никакимъ особыеннымъ знакомъ, и что сіе обстоятель- ство спасло многихъ Суздальцевъ: ибо по- бѣдители не могли распознавать своихъ и непріятелей. Михаилъ съ торжествомъ вѣхалъ въ городъ Владимиръ: предъ нимъ ве- ли плѣнниковъ. Духовенство и всѣ жители вспрѣтили его съ живѣйшою радостию.

Іона
15.
Тор-
же-
ство
Миха-
ила.

Ярополкъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Святославъ, послѣ Георгія Андреевича); но мать и жены ихъ оспались плѣнницами въ Владимирѣ³².

Скоро Послы отпѣ Суздаля и Роспова явились во дворцъ Михаиловомъ и сказали именемъ всѣхъ гражданъ: «Государь! мы ибо «душею и сердцемъ. Одни Бояре, преданы «нѣе Мстиславу, были ишебѣ врагами. По- «велѣвай нами какъ отецъ добродушный!» Такимъ образомъ Михаилъ наследовалъ Великое Княженіе Андреево; объѣхалъ разныя обласпи; вездѣ учредилъ порядокъ; вездѣ пекся о народномъ спокойствіи. Осыпанный дарами Сузальцевъ и Росповцевъ, награжденный за свой трудъ благословеніями довольноихъ гражданъ, онъ возвратился въ Владимиръ, оставивъ Всеволода княжину въ Переславль Залѣскому.

Народъ требовалъ месопи: Глѣбъ Рязанскій пользовался слабостію шурьевъ, обиралъ ихъ, обогащался драгоценностями и святыми храмовъ Владимирскихъ. Михаилъ наказалъ его: но Глѣбъ, не дерзая оправдываться, требовалъ милосердія; прислали Вышегородскую икону Богоматери, всѣ драгоценности, даже книги, имъ похищенные, и иѣмъ обезоружилъ Великаго Князя. Народъ, съ восхищеніемъ вспрѣшивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ соборной церкви Владимирской: Михаилъ воз-

врашилъ ей помѣстья, оброки и десятины.

Торжество Владимира было совершиено: городъ ихъ сдѣлался опять споличнымъ, и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счастіе ему благопріятствовало. Они хвалились своимъ выборомъ, и говорили, чио Богъ, унизивъ гордость древняго Ростова, прославилъ новый Владимиръ, означеновавъ его жишелей мудростю въ совѣтѣ и мужествомъ въ дѣлѣ; чио они, вопреки Боярамъ, даже вопреки народу Суздальскому и Росповскому, единогласно въ вадеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ Князей и выбрать Михаила, благонвориша земли Русской³³. Къ несчастію, сей Государь власновалъ шолько одни годъ, и скончался, оставивъ въ лѣтописяхъ память своей храбости и добродѣтели. Живъ въ къ суровомъ, мяшежломъ, онъ не запяниналъ себя ни жесшокоссю, ни вѣролюбствомъ, и любилъ спокойствіе народа болѣе власнїи. Новѣйшіе Лѣтописцы уверяютъ, что Михаиль казнилъ многихъ убийцъ Андреевыхъ³⁴; по современныи не говорятъ о поумѣ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще испытать въ сердцѣ своеемъ не-пріятное воспоминаніе сей обиды; и иѣмъ больше доскоинъ хвалы, ежели дѣйствитель-но наказалъ злодѣевъ.

Г.
1176,
Іюня
20.
Кон-
чила
и свої-
иша
Миха-
ила.

Михаилъ, занимаясь единственно благомъ Междуречья или Владимира Княжества, не ходилъ или не имѣлъ времени думанія о Россіи южной, гдѣ господствовало между собою и въ южной Россіи. Олегъ Сѣверскій, зять и союзникъ си. Ростиславичъ, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Киевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытие Романа Смоленского, и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на Киевский престолъ, слабый Ярославъ Изяславичъ не захотѣлъ подвергнуть себя спыду изгнанія и добровольно уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, опять зависши и козней Святослава. Имѣятайныя сношенія съ Кіевлянами и съ Черными Клобуками, волнуя умы леспію, злословіемъ, и скоро обрадованный несчастіемъ бывшою сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ множеству лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловатьсь на Давида. «Я ничего «не требую, кроме справедливости,» говорилъ онъ Роману: «Бранить швой, помогая «Олегу, жегъ города мои. Согласно съ предвижимъ успавомъ Бояринъ въ винѣ оправиша «спиуеніе головою, а Князь Удѣломъ. Изгой «ни же безноконаго Давида изъ обласней «Днѣпровскихъ.» Не получивъ удовлетворенія

нія, Святославъ прибѣгнуль къ оружію и къ измѣнникамъ. Зять его, сынъ Владимира Мстиславича, внука Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ Триполѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ, и предаль сей городъ Переяславъ. Узнавъ еще измѣну Берепдѣевъ, Романъ удалился въ крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ брашневъ. Хотя Князь Черниговскій, болѣе власнополюбивый, нежели храбрый, занявъ Кіевъ, малодушно бѣжалъ отъ нихъ и перепопилъ часину своего войска въ Днѣпрѣ; однакожъ Роспиславичи, свѣдавъ о впаденіи Половцевъ, призванныхъ Святославомъ, добровольно уступили ему древнюю сполицу, уже незавидную. «Господствуй въ ней» — сказали они — «но съ согласія нашего: не на-«силіемъ и не обманомъ; мы не хотимъ «пѣшихъ иночлененныхъ варваровъ между-«усобіемъ.» Романъ возвратился въ Смоленскъ⁵⁵.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III
ГЕОРГІЕВИЧЪ.

Г. 1176 — 1242.

Вѣромѣшво Ростовцевъ. Воїна съ Княземъ Рязанскимъ. Ослыменіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣромѣшво Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомствы. Осада Торжка. Поміщикъ Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Липовскій. Война съ Полоцкими. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владимира. Герой Всеволодъ. Торки и Беренцы. Междоусобіе въ Рязани. Добротыши Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Ки. Владимира. Власилюбіе Романа. Вѣромѣшво Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владіміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добротыши Владимира Гальбовича. Безнокойствія въ Смоленскъ и Новгородъ. Скора съ Віянамъ. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Итмци въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Князжа Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиръ въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польщѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Поміщикъ Всеволода. Спрогости и веледуніе Давида. Война съ Полоцкими. Всеволодъ подчиняется съ бѣ Новгороду. Слава и шираштво Романа. Опушощеніе Кіева. Поспраженіе Рюрика. Посольство Чапы къ Роману. Опѣвъ Романовъ. Характеръ ~~чего~~ Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Конспанінъ въ Новгородѣ. Князья Съверскіе гостепріимъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чернаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хицростъ Всеволода. Жесцокость Вел. Князя. Смѣлость М.ши-

слава. Мпър съ Ольговичами. Мятежи въ Галицъ. Не повишовеніе Константина. Кончина и характеръ Все-воюда Великаго. Мудрость Великой Княгини. Посиринги. Князь Россійскій въ Грузії. Разныя бѣдствія. Взятие Цариграда. Иѣны въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Мечепослѣвъ. Духовная властъ въ Новгородѣ.

Г.
1176. Въро-
лом-
ство
Ро-
шов-
цевъ. Владимицы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ Государя любимаго, собралися предъ Златыми вратами и присягнули его бранцу, Все-володу Георгіевичу, исполняя шѣмъ волю Долгорукаго, копорый назначалъ обласить Сузdalскую въ Удѣль меныши мъ сыновьямъ⁵⁰. Но Бояре и Росповцы не хотѣли Все-волода. Еще при жизни Михаила они шайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника, изъ Новагорода, и сей Князь, оспавивъ шамъ сына своего, уже находился въ Росповѣ; собралъ многочисленную дружину, Бояръ, Гридиней, такъ называемыхъ *Пасыниковъ* или Опроковъ Боярскихъ, и шель съ ними ко Владимиру⁵¹. Жители сего города пытали ревностно сразиться; но Все-володъ, умрѣнnyй, благоразумный, предлагалъ миръ. «За тебя Росповцы и Бояре,» говорилъ онъ Мстиславу: «за меня Богъ и Владимицы. «Будь Княземъ первыхъ; а Суздалцы да по- «винуются изъ насъ, кому хотятъ.» Но Вельможи Росповские, надменные гордоспію, сказали Мстиславу: «мирися одинъ, если «тебѣ угодно; мы оружіемъ управимся съ «чернило Владимирскою.» Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переяславскую, Все-володъ объявилъ вошамъ о непримири-

мой злобъ ихъ врага общаго. Всъ единодушно отвѣтствовали: «Государь! мы же «лаль добра Мспиславу, а Мспиславъ ищетъ «головы твоей, и не давъ еще исполнить «ся девяни дніять по кончинѣ Михайловой, «жаждешъ кровопролитія. Иди же на него «сь Богомъ! Если будемъ побѣждены, то «пушь възмутъ Росповцы женъ и дѣтей «нашихъ!» Всеволодъ, оставивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевскаго поля ударили на непріятеля, разсѣяли его и съ торжествомъ возвратился въ сполицу. Дружина ^{Юны} Княжеская и Владімірцы вели связанныхъ ^{27.} Вельможъ Росповскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними гнали множесіво коней и скота, взятоаго въ салахъ Боярскихъ. Сузdalъ, Росповъ, покорились Всеволоду.

Мспиславъ напрасно желалъ бытие впрочемъ Княземъ Новогородскимъ. «Нынѣ!» сказали ему жители: «мы ударили пятою «Новгородъ: иди же опять наасъ вмѣстѣ съ «сыномъ!» Они искали дружбы побѣдителя, и требовали себѣ Князя опять Всеволода, ко-торый отправилъ къ нимъ племянника своего, Ярослава^{58.} Мспиславъ, убхавъ къ зя-ти, Глубу Рязанскому, склонилъ его къ не-счастной войнѣ, бѣдственной для нихъ обо-ихъ. Сія война началась въ концѣ лѣта по-Война жарами: Глубъ обратилъ въ пепель Москву ^{съ} Кня-и всѣ окрестныя слободы. Зимою пришли земль союзники ко Всеволоду: племянникъ его, Владіміръ Глубовичъ, Князь южнаго Переясл-^{Рязан-скими.}

вля, и сыновья Святослава Черниговскаго⁵⁹. Новогородцы объщали ему также дружину вспомогательную, называя его своим опицемъ и Власищелемъ; однакоже не сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, Великій Князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязанскій, навязъ Половцевъ, съ другой стороны всчушилъ въ область Сузальскую, взялъ Боголюбовъ, ограбилъ шамъ церковь, богато украшенную Андреемъ, жжетъ селенія Боярскія, плаваетъ въ крови беззажиныхъ, опдаєтъ женъ и дѣшей въ плѣнь варварамъ. Такимъ образомъ междуусобіе Князей открыло путь симъ иноzemеннымъ хищникамъ и въ съверные земли Россіи... Всеволодъ сошелся съ непріятелими; но прѣ и другое споюли праздно цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи мороза: рѣка Колокша находилась между ими и не перепускала ихъ; ледъ ея былъ слишкомъ тонокъ. Раздраженный злодѣйствами Глѣба, Великій Князь отказался отъ мирныхъ его предложеній, и наконецъ — видя, что рѣка замерзла — отправилъ на другую сторону обозъ свой съ часпію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ, и первый обратился въ бѣгство: Глѣбъ также, смятый полкомъ Всеволода. Дружина Великаго Князя гналась за малодушными, и пленивъ самого Глѣба, сына его Романа, Мстислава, множеству Бояръ, испребила Половцевъ. Въ числѣ пленниковъ находился старый Воевода Андрея Боголюб-

Г.
1177.

скаго, Борисъ Жидиславичъ, который держалъ спорону Мстислава. Всъ они были предметомъ народной ненависти, и граждане Владимирскіе, посвятивъ два дни на общую радость, хотѣли озnamеновать третій злобною месцію: обспушили дворецъ Княжескій и говорили Всеvolоду: «Государь! «мы рады положить за тебя свои головы; «но казни злодѣевъ, или осѣпіи, или выдай «намъ въ руки.» Изъявляя человѣколюбіе, Всеvolодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣль заключить ихъ въ темницу, чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заспунниковъ. Будучи ему зяпемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣстѣ съ горестною своею шещею убѣжалъ Свѧш послава Черниговскаго, какъ Всеvolода союзника, освободить пленниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, Черниговскій Епископъ,ѣздилъ для того въ Владміръ. Глѣбу предложили свободу, съ условіемъ отказатьсь навсегда отъ княженія иѣхань въ южную Россію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: «лучше умру въ неволѣ» — и дѣйствительно умеръ чрезъ нѣсколько дней⁴⁰. Когда же Рязанцы, успрашенные бѣсправiemъ ихъ Князя, въ угодность Всеvolоду взяли подъ спражу Ярополка Роспиславича въ Воронежъ и привезли въ городъ Владміръ, тогда мяпежъ возобновился. Бояре, купцы пришли съ оружіемъ на дворъ Княжескій, разметали племницу, и, къ горести Великаго зей,

Ослѣдніе
августъ
Князя

Князя, ослѣпили его племянниковъ, Ростиславичей. Онъ только уступилъ народному оспервененію, по словамъ Лѣтописца Владимира, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе Россіяне заимствовали отъ просвѣщенныхъ Грековъ); другіе же Лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо¹¹; но Великій Князь, не наказавъ злодѣевъ, за-
служилъ подозрѣніе, безславное для его па-
Сен-
тилябрія
15. мятии. Чтобы оправдать себя великодуші-
емъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ тюрьмы Глѣбова сына, Романа. Несча-
стные слѣпцы были также освобождены, и на пущи въ южную Россію, къ общему удивленію, прорыли въ Смоленскѣ, съ усер-
діемъ молясь въ Смидынской церкви Св. Гла-
ба, по извѣстію Лѣтописцевъ.

Чудо разгласилось и благопріятствовало власнопомѣбю сихъ Князей: Новгородцы при-
звали ихъ какъ мужей богоугодныхъ; осна-
вили Мстислава начальствовать въ споди-
цѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго Князя своего, Ярослава, также Всеволода

Г.
1178. Апрѣль
20. племянника, послали управлять Волокомъ Ламскимъ. Мстиславъ чрезъ ивѣсколько мѣ-
сяцевъ умеръ: Ярополкъ засипнулъ его мѣ-
сино, но скоро былъ изгнанъ народою, въ угодноснѣ Великому Князю, которыи захва-
тилъ многихъ купцовъ Новгородскихъ, съ неудовольствиемъ видя злодѣя своего Гла-
вою сей обласни. Всеволодъ еще не былъ

обезоруженъ: приспушилъ къ Торжку и требовалъ дани. Граждане объявились заплашить онуу; но воины сказали Великому Князю: «мы пришли сюда не за пѣмъ, что- «бы цѣловать ихъ и слушать пустыя кля- «пивы;» сѣли на коней и взяли городъ: за- ^{Дека- бря 8.} жгли его, пѣнили жипелей. Всеволодъ съ опборною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашелъ шамъ одного племянника своего, Ярослава⁴²; испребилъ огнемъ пустые дома, самый хлѣбъ въ окрестностяхъ, и сею безразсудною жестокостью такъ озлобилъ Новгородцевъ, что они рѣшились не имѣть съ ^{Г.} ^{1179.} никакого дружелюбнаго союзенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленского. Попомки Св. Владимира все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣтамъ, и прельщались знаменистопостію древнѣйшаго въ Государствѣ Княжества.

Романъ власпивовалъ шамъ не долѣе мѣсяціи своихъ предмѣстниковъ; по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровольно и съ честію. Тогда Новгородцы, желая имѣть Князя извѣстнаго воинскою доблестью, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, споль знаменишаго мужесивомъ, что ему въ цѣлой Россіи не было имени кромѣ Храбраго. Онъ колебался, отвѣтствуя ихъ Посламъ, что не можетъ разстаться ни съ вѣрными братьями, ни съ земною своею отчизною; по братьямъ и дружина сказали Мстиславу: «Новгородъ есмь никакое пивое опиесеніво»

— и сей бодрый Князь поехалъ искать славы на ипомъ оеатрѣ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась одними

Славо-великими дѣлами⁴⁵. Весь Новгородъ, чинов-любіе Мстислава. Бояре, Духовенство съ крестами вышли къ нему на вспрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревноспло блюстїи чеснѣ, пользу Новагорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что Эспонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не престаютъ беспокойть границъ, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ, и веселяся предводительствомъ рати споль многочисленной, непрерывливо ходиль битвы; но Эспонцы, думая шолько о спасенії жизни, скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря, взявъ въ добычу множество скота, плѣнниковъ, Г. 1180. Мстиславъ на возвращеніи пути усмириль во Псковъ мяшежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и гонилъ къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадѣль Всеслава Полоцкаго ограби. Софійскую церковь въ Новъгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревноспный випязь Новогородской чеснѣ, вздумавъ опи-мстить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку. Едва Ромашъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ опѣчтливовашь за прадѣда, давно

исплѣвшаго во гробъ; что воспоминаніе обидъ древнихъ не доспойно ни Христіа-
нина, ни Князя благоразумнаго. Мѣспиславъ
уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ
Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ
и дружинѣ новымъ походомъ навсегда сми-
ришь Ливонію. Но среди блестящихъ на-
деждъ пылкаго славолюбія и въ силѣ муже-
ства сраженный внезапною болѣзнію, онъ
увидѣлъ суету гордости человѣческой, и
живъ Героемъ, хопѣлъ умереть Христіа-
ниномъ: велѣль неспи себя въ церковь, при-
частился Святыхъ Таинъ послѣ Литургіи, Ко-
и закрылъ глаза навѣки въ объятіяхъ не-
упѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣ-
шней, въ особенности юнаго Владимира, сво-
имъ брашьямъ. Такимъ образомъ Новгород-
цы въ два года погребли у себя двухъ Кня-
зей: чего уже давно не бывало: ибо не-
престанно мѣняя Власишилѣй, они не да-
вали имъ умирать на пронѣ. Бояре и гра-
ждане изъявили прогадельную чувстви-
тельность, оплакивая Мѣспислава Храбраго,
всѣми любимаго, величая его красопу му-
жественную, побѣды, великодушнаго намѣ-
ренія для славы ихъ отечества, младенче-
ское добродушіе, соединенное съ пылкою
гордостію сердца благороднаго. Сей Князь,
по свидѣтельству современниковъ, былъ
украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали
для корысти: онъ только для славы, и пре-
зырая опасности, еще болѣе презиралъ зо-

лопо, опадаваю всю добычу Церкви или воинамъ, коихъ всегда ободряль въ битвахъ словами: *за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра: умремъ же съ честію.* — «Не было никакой земли въ Россіи (говорить Лѣтописецъ), кошорая не хопѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы обѣ немъ не пла-«кали.» Народная любовь къ сему Князю была споль велика, что граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ отсупствіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича⁴⁴; но Мстиславъ согласился власновать надъ ними един-ственно для того, чтобы усмирить ихъ и возвратиши престоль спаршему братшу. Но-вгородцы погребли Мстислава въ гробни-цѣ Владимира Ярославича, строителя Со-фійской церкви. Надлежало избрать преем-ника: въ досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжиню Владимира, сына Святославова, изъ Чернигова.

Сей юноша не за-долго до того времени госпиль у Всеволода и женился на его пле-мянницѣ, дочери Михайловой⁴⁵. Святославъ имѣль случай оказывать услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя Удѣла, и не дерзая требовать онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонипеля. Между тѣмъ, какъ Ми-хайль и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола Владимира, су-пруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія

Авт.
стї
17

Раз-
деръ
Вел-
каго
Киї-

дружба, основанная на одолженияхъ, благо-^{зя} съ дарности и свойствъ, не успела пропасть Чернигов-^{нигов-} обояндаго властолюбія. Святославъ, охоп-^{скими.} но пославшій сына господствовашъ въ Новѣ- городъ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ пѣмъ оскорбїтся, считая сю область за- коннымъ достояніемъ Мономахова рода. Но выя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшие сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на спар- щаго брата, Романа, Святославова зятя: го- ворили, что онъ, слѣдуя внушенію шестия, опинимася ихъ Удѣлы и презираетъ Вели- каго Князя. Всеволодъ, уже не доброхоп- ствя Князю Черниговскому, вступился за нихъ; вспрѣченный ими въ Коломнѣ, пль- нили памъ Святославова сына, Глѣба⁴⁶; раз- били передовой отрядъ Романовъ на берес- гахъ Оки, взяли городъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и браты его признали Всеволода общимъ ихъ покро- вителемъ, довольные Удѣлами, которые онъ назначилъ для каждого изъ нихъ по вер- ховной волѣ своей.

Князь Черниговскій, раздраженный пль- ниемъ сына, хотѣлъ не только отмстить за то, но и присвоить себѣ, счастливымъ успѣхомъ оружія, лестное первенство меж- ду Князьями Россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою; не имѣлъ и силы Боголюбскаго: ибо Смоленскъ, область Крив-

ская и Новгородъ не помогали ему. Свято-
славъ надѣялся смиришь его, по желаль
прежде выпѣснить Рюрика и Давида изъ
обласпи Кіевской, чтобы господствовашь
въ ней единовласно. Смерть Мспислава
Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зяпя,
казалясь ему случаемъ благопріятнымъ¹⁷:
увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братъ-
евъ, Игоря и Всеволода; выдавъ племянницу
за Князя Переяславскаго, Владимира Глѣбови-
ча, и называясь покровителемъ сего юноши,
онъ дерзнулъ на гнусное коварство, разсу-
ждая, чпо всѣ способы вредить Мономахо-
вымъ попомкамъ согласны съ успавомъ правед-
ной меспи, и чпо ближайшie изъ нихъ дол-
жны быти ея первымъ предметомъ. Не имъя
въ самомъ дѣлѣ никакихъ причинъ жаловавшися
на Роспиславичей — которые жили съ нимъ
мирно и вмѣстѣ отпразднили набѣгъ Хана Поло-
вцкаго, Кончака — Святославъ вздумалъ схва-
тишь Давида на звѣриной ловлѣ въ окрести-
ностяхъ Днѣпра; сказалъ о шомъ единспен-
но женъ и главному изъ любимцевъ, име-
немъ Кочкарю; шайно собралъ воиновъ и
нечаянно удариль на спанъ Давидовъ. Сей
Князь, изумленный злодѣйствомъ, бросился
въ лодку съ супругою, и едва могъ спасши-
ся, осыпаляемый съ берега спрѣлами. Онъ
ушелъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику; а Свято-
славъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ,
призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ
въ Черниговъ.

Вѣро-
лож-
ство
Свя-
тосла-
ва.

«Вижу теперь горестную необходимость «войны,» сказалъ ему Игорь Свѣрскій: «но мы могъ бы прежде сохранить миръ. «Впрочемъ мы головы повиноваться тебѣ, «какъ нашему отцу, желая усердно швоего «блага.» Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, что Свѧтослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сю спо-лицу, требовалъ помощи отъ Князей Волынскихъ, и вельможа Давиду Фхаппѣ въ Смоленскъ къ Роману, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужные мѣры для безопасности сего Княженія. Но Давидъ уже не засталъ брата живаго: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, что онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе; терпѣль отъ гражданъ Смоленскихъ многія досады и испытывалъ только благодѣяніями; не обманывалъ Князей, нѣжно любилъ брачье вѣнца, славился набожностью: соорудилъ великолѣпную церковь Св. Иоанна, украсилъ ону золотомъ и фианитомъ. Давидъ наследовалъ престоль Смоленскій.

Въ надеждѣ управиться и съ Росписла-
вичами и съ Великимъ Княземъ, Свѧто-
славъ, наявъ множеству Половцевъ, оста-^{Г.}_{1181.}
вилъ часть войска съ братомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать прошивъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ областъ Сузаль-
скую, соединился съ Новгородцами на устьѣ

Тверцы, опустошиль берега Волги и шель къ Переславлю⁴⁸. За 40 верстъ отъ сего города спояль Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими, въ спанъ укрепленномъ Природою: между крушо-берегою Вленою, ущельями и горами. Непріятели видѣли другъ друга и пускали черезъ рѣку спрѣлы. Воины Святославовы желали битвы, Суздальские такжে: постыдніе были удерживаемы Великимъ Княземъ, а первые неприспособленіо мѣста. Прошло больше двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать тревогу въ спанъ Черниговцевъ, Всеволодъ послалъ Князей Рязанскихъ ударить на нихъ съ боку. Внезапноспѣль нападенія имѣла успѣхъ шолько мгновенный: братъ Игоря Сѣверского принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и взялъ у нихъ не малое число пленниковъ. Напрасно ожидалъ новаго нападенія, Святославъ опправилъ къ Великому Князю своего Духовника съ такими словами: «Братъ и сынъ мой!

«имѣвъ искреннее удовольствіе служить

Упреди «тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли я ожидать?»
Всеводъ «дашь споль жестокой неблагодарности?»
«Въ возмездіе за сіи услуги ты не успы-
«дился злодѣйствовать мнѣ и схватилъ мо-
«его сына. Для чего же медлишь? я близъ
«тебя: рѣшимъ дѣло судомъ Божіемъ. Вы-
«спути въ поле, и сразимся, на той или
«другой споронѣ рѣки.» Всеволодъ не от-
«вѣспивовалъ, задержалъ Пословъ и велѣлъ
опрезини ихъ въ Владимиръ, желая, чтобы

Князь Черниговский въ досадѣ своей опровергълся на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не прогоралъ съ мѣста. Весна наступила: боясь распутья, онъ рѣшился оставить часть обоза и спасти въ добычу непріятелю, впрочемъ не ходившему за нимъ гнаться; сжегъ Дніпровъ, мѣсто Всеволода рожденія, и прибыль всновашъ въ Новгородъ, где жищели вспрѣпили его какъ побѣдителя, называя имъ немъ *Великаго*. Ярополкъ прежде изгнанный ими въ удовольствіе Всеволоду, находился съ Черниговскимъ Княземъ: они впорочно приняли его къ себѣ и дали ему въ Удѣль Торжекъ, чтобы охранять ихъ вос точные области.

Святославъ, извѣдавъ воинскую оспорожность Всеволода, уже не ходилъ возобновить непріятельскихъ дѣйствій въ Великомъ Княжествѣ Сузальскомъ: онъ велѣлъ брату, Ярославу, выступить изъ Чернигова, и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, где Васильковичи, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, вмѣстѣ съ другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава⁴⁹; каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Липшу и Ливонцевъ. Роспиславичи и Кіевъ были предметомъ сего оподченія. Одинъ Князь Друцкій, Глѣбъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, который думалъ защищить его, но видя

превосходную силу враговъ, удалился отъ битвы. Святославъ обратилъ въ пепель вѣшняя укрепленія Друцка и, не теряя времени,�елъ къ Кіеву, сопровождаемый шолпами Половцевъ. Сие-то гибельное обыкновеніе, въ войнахъ междуусобныхъ дружились съ иночленными хищниками и призывашь ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра Государства, всего болѣе обезславило Князей Черниговскихъ въ нашей древней Испорѣ, и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, которые дотолѣ гнушались онимъ (если исключимъ Георгія Долгорукаго), и слѣдя за наслѣдственнымъ правиламъ, отличались великодушiemъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защищить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣль внезапно разбить Половцевъ, предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользовался робоспію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣшимъ; отказался отъ Кіева, удержавъ за собою всѣ другіе города Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей, съ условиемъ, чтобы они, подобно ему, служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнить Христіанъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ спарался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подаль имъ и способъ прекратить оную.

Ярополкъ, ненавида Всеволода, не могъ жить Осада спокойно въ Торжкъ и беспрестанно прево- Торж-
жиль границы Суздальскія. Всеволодъ оса- ка.
дилъ его. Предвида свою участь, граждане оборонялись мужественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, пипались кониною: наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаваться. Ярополкъ, раненный спрѣлою во время осады, былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ впо-
рично; жителей отшели плѣнниками въ Влади-
міръ. Войско Новогородское находилось то-
гда съ Святославомъ въ землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ, защищать собствен-
ную. Но чиновники и граждане, перемѣнивъ мысли, уже хотѣли искать милости Все- Поро-
волововой. Разсуждая, что дружба Государя липпи-
сосѣдственнаго, юного, могущественнаго, ка Но-
швердаго душою, выгоднѣе дружбы Черни- ваго род-
говскаго Князя, слабодушнаго, легкомыслен- цевъ.
наго и припомъ удаленнаго отъ предѣловъ Новогородскихъ; они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволодъ, оспа-
вивъ вражду, далъ имъ Правицеля. Онъ не-
медленно возвратилъ свободу плѣннымъ жи-
щелямъ Торжка, и своякъ его, Ярославъ Влади-
мировичъ, внукъ Мстислава Великаго, прѣхалъ изъ Суздаля княжить въ Новго-
родъ⁵⁰. Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей — то есть, присоединивъ область Но-
вогородскую ко владѣніямъ Мономахова До-
му — Всеволодъ съ честію отпустилъ Глѣба Святославича къ опцу, не мѣшаль послѣд-

нему господствоваша въ Кіевъ, и возобновивъ спарую съ нимъ дружбу, выдалъ своячину, Княжну Ясскую, за его меньшаго сына; а Глѣбъ Святославичъ женился на дочери Рюриковой.

Внушреннее междуусобіе прекрасилось: начались войны виѣшия. Подобно Андрею смотря съ зависшію на цвѣпущую художествами и торговлею Болгаріо, Всеиволодъ желалъ овладѣть ею, и звалъ другихъ

Г. 1182. Князей къ содѣйствію. Война съ невѣрными Врачіи. Болга- казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливовою⁵¹: Святославъ приспалъ сына своего, рамп. Владимира, къ Великому Князю, радуясь,

чи то онъ замыслилъ дѣло споль благопріяпное для чеснї Россійскаго оружія. Князья Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ пѣла Волгою до Казанской Губерніи, оставилъ ладіи близъ устья Цивили, подъ спражею Бѣлозерскихъ воиновъ, и шла далѣе сухимъ пушемъ. Передовыій опрядъ, увидѣвъ вдали конницу, гонился къ битвѣ; но минные непріятеліи оказались Половцами, которые также вели Болгаріо, и хотѣли служить Всеиволоду. Вмѣстѣ съ ними Россіяне осадили такъ называемый Великій городъ въ земль Серебряныхъ Болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи⁵². Юный племянникъ Всеиволовъ, Изяславъ Глѣбовичъ, братъ Князя Переславскаго⁵³, не хотѣлъ ждать общаго присупа,

и между пѣмъ, какъ Бояре совѣтовались въ шапрѣ у Великаго Князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на Болгарскую пѣхоту, споявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но уязвленный спрѣюю въ сердце, палъ на землю. Воины принесли его въ спанъ едва живаго. Сей случай спасъ городъ: ибо Великій Князь, видя страданіе любимаго, мужественнаго племянника, не могъ рѣвносно заниматься осадою, и въ десятый день, заключивъ миръ съ жипелями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ Бѣлозерцы до его прибытия одержали побѣду надъ соединенными жипелями трехъ городовъ Болгарскихъ, хоптѣвшихъ испрѣбить суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеvolодъ съ горестю возвратилъся въ сполицу, отправивъ конницу въ Владимиръ чрезъ землю Мордовы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Въ сіе время Россія западная узнала но-На-
выхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ. На-
родъ Липовскій, въ печеніе спа-пятидеся-
ти лѣтъ подвластный ея Князьямъ, дикій,
бѣдный, плашилъ имъ дань шкурами, даже
лыками и вѣниками⁵⁴. Непрестанныя наши
междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и
слабость каждого Удѣла въ особенности, да-
ли способъ Липовцамъ не только освобо-
диться отъ зависимости, но и превозжитъ
набѣгами областии Россійскія. Трубя въ длин-

ныя свои штуры, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ лошади звѣри спремились на добычу: жгли селенія, пыняли жипелей, и нас庇гаемые опрядами воинскими, не ходили биться спѣною: разсыпаясь во всѣ стороны, пускали спрѣлы издали, метали дрошки, исчезали и снова являлись. Такъ сіи грабители, не смѣяя на зимній холодъ, ужасно опустошили Псковскую область. Новогородцы, не успѣвъ защищить ее, винили въ штомъ своего Князя, Ярослава Владимировича, и на его мѣсто —
Г.
1184. кажеся, съ согласія Всеволода — призвали къ себѣ изъ Смоленска Давида сына, Мстислава.

Въ Россіи южной Князья соединили силы, чтобы смириить Полоццевъ: Святославъ Кіевскій, Рюрикъ съ двумя племянниками⁸⁵, Владиліръ Переяславскій (внукъ Долгорука-го), Глѣбъ Юрьевичъ Туровскій (правнукъ Святополка-Михаила) съ братомъ Ярославомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Ярослава Луцкаго, Мстиславъ Всеволдовичъ Городненскій и дружина Галицкаго. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ. Князь Владиліръ, начальникъ передового опряда, вступилъ въ битву съ Полоццами. «Мнѣ должно наказать ихъ за «разореніе моей Переяславской области,» сказалъ онъ старѣшему изъ Князей, Святославу Кіевскому, и смѣло успремился на многочисленныя полты непріяпелей, кошо-

рые заранѣе объявили его и всѣхъ нашихъ Воеводъ своими пѣнниками, но успрашен-
ные однимъ грознымъ видомъ полку Влади- 50
мирова⁵, бѣжали въ степи. Россіяне на бере-
гахъ Угла или Орели взяли 7000 пѣнныхъ
(и въ шомъ числѣ 417 Князьковъ), множе-
ство коней Азіатскихъ и всякаго оружія.
Славный свирѣпостпю Ханъ Половецкій,
Кончакъ, былъ такоже разбитъ ими близъ
Хороля, не смопря на его самоспѣльные,
необыкновенной величины луки, (едва папля-
гиваемые пятидесѧтю воинами) и на искус-
ство бывшаго съ нимъ Бессеременина или Ха-
разского Турка, стрѣлявшаго живымъ ог-
немъ, какъ сказано въ лѣтописи⁵⁶: вѣро-
яшно Греческимъ, а можешъ бысть и поро-
жие. Огнестрѣльное оружіе.
Кievляне дognали сего хипреца въ
бѣгствѣ и представили Святославу со всѣ-
ми его снарядами, но, кажешся, не восполь-
зовались оными.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ торжество Рос-
сіянъ обратилось въ горесть. Князья Сѣ-
верскіе, Игорь Новгородскій, брашь его ря.
Всеволодъ Трубчевскій, и племянникъ ихъ⁵⁷,
не имѣвъ участія въ побѣдахъ Святослава,
завидовали имъ, и хотѣли еще важнѣйшихъ;
взяли у Ярослава Всеволодовича Чернигов-
скаго такъ называемыхъ Ковуевъ – едино-
13, 1185г.
племенныхъ, какъ вѣрояшно, съ Черными
Клобуками – и пошли къ Дону. Случившее-
ся тогда запмѣніе солнца казалось имъ
Боярамъ предзнаменованіемъ несчастнымъ.
Мая 1.

«Друзья и братья!» сказалъ Игорь: «тайны Божественные никому не свѣдомы, а намъ не миновать своего рока.» Онъ перевѣился за Донецъ. Всеволодъ, братъ Игоревъ, шелъ изъ Курска инымъ путь: соединясь на берегахъ Оскола, войско обратилось къ Югу, къ рекамъ Дону и Салу, ѿеатру блестящихъ побѣдъ Мономаховыхъ⁵⁰. Кочующіе племя варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, представляя имъ, что Россіяне, дерзнувъ зайти споль далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершиенно испребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными полпами двинулись опять самыхъ дальнихъ береговъ Дона на вспрѣчу смѣльямъ Князьямъ. Люди благоразумные говорили Игорю: «Князь! «непрѣтели многочисленны; удалимся: тѣ «перѣ не наше время.» Игорь отвѣтствовалъ: «Мы будемъ осмѣяны, когда, не обнаруживъ меча, возвратимся; а спыдь ужаснѣе «смерти.» Въ первой битвѣ Россіяне оспались побѣдителями, взяли станъ непрѣтелей, ихъ семейства; ликовали въ завоеванныхъ всжахъ и говорили другъ другу: «Что «скажутъ теперь наши братья и Свѧто-«славъ Киевскій? Они сражались съ Поло-«цами, еще смотря на Переяславль, и не «смѣли испытать въ ихъ землю; а мы уже въ «ней, скоро будемъ за Дономъ и далѣе въ «странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не «бывали опцы наши; испребимъ варваровъ

«и пріобрѣшемъ славу вѣчную.» Сія гордость випазей мужеспленныхъ, но малоопытныхъ и неоспорожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые Полovцы соединились съ новыми шолами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться копьми, при дни дѣйствия однѣми стрѣлами. Число варваровъ безпрепанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: шамъ Половцы со всѣхъ споронъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненый Игорь Ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лицо и пѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломивъ свое копіе и мечь. Почти никто не могъ спасти: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были определены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каалы (нынѣ Кагальника), отъ чѣкопорыхъ купцевъ, шамъ бывшихъ. «Скажите въ Кіевѣ (говорили имъ Половцы), что мы теперь можемъ обмѣняться «плѣнниками.» Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились брашевъ, опцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій Ѣздилъ тогда въ Ка-

чевъ⁸⁹: на возвращеніи пущи услышавъ печальную вѣспѣ, залился слезами и сказалъ: «я жаловался на легкомысліе Игоря: шеперь «еще болѣе жалуюсь на его злосчаєшіе.» Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не ходївъ иппи по слѣдамъ Владѣтелей Сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участіи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій: ибо варвары, успокоенные его робостию, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ вспрѣшилъ ихъ подъ спѣнами и былъ какъ Герой; кровь шекла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, все граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленаго шремя копьями⁶⁰. Половцы, взявъ городъ Римъ или нынѣшній Роменъ, опустошивъ множествомъ сель близъ Пупивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдствія времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ упышенію Сѣверянъ, Игорь Святославичъ возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираниемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака; имѣль при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиното охоптою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверь, вызвался бѣжать съ пимъ въ Россію. Князь Игорь оп-

Му-
же-
ство
Вла-
дими-
ра.

въспивовалъ: «я могъ уйти во время биши-
вы, но не хотѣль обезславить себя бѣг-
ствомъ; не хочу и теперь.» Однакожъ, убѣ-
жденный совѣтомъ вѣриаго своего Конюша-
го, Игорь воспользовался шемнотою ночи и
сномъ варваровъ,upoенныхъ крѣпкимъ ку-
мысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дній пріѣ-
халъ благополучно въ городъ Донецъ⁶¹. Сынъ
его Владимиръ, оспавленный имъ въ цѣну,
женился памъ на дочери Хана Кончака и
возвращался къ отцу черезъ два года, вмѣ-
стѣ съ дядею Всеволодомъ (коего называ-
ютъ Лѣтописцы Героемъ, или, по ихъ сло-
вамъ, удалѣйшимъ изъ всѣхъ Ольговичей,<sup>Герой
Всево-
людъ.</sup>
величесшвеннымъ наружносшю, любезнымъ
душею). Сія гибель дружины Сѣверской,
плѣнь Князей и спасеніе Игоря описаны со
многими обстоятельствами въ особенной
древней, исторической повѣсти, украшенной
цвѣшами воображенія и языкомъ Стихо-
творства.

Въ печеніе слѣдующихъ осми лѣть Половцы шо мирились, шо воевали съ Россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи⁶². Сіи маловажныя ошибки не представляютъ ничего дослопамяшнаго для Исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Роспиславъ, отличался въ оныхъ мужествомъ и быль грозою варваровъ, предводищельствую Торками и Берен-^{Торки}
дѣями, иногда вѣрными спражами обласшей и Бе-^{рен-}
Кievскихъ, иногда измѣнниками: шакъ ихъ ^{дѣи.}
знаменишпый чиновникъ или Князекъ, име-

немъ Кунтувдѣй, оскорбленный Святославомъ, ушелъ къ Половцамъ, и долго грабилъ съ ними села Днѣпровскія. Чтобы обезоружить сего храброго наездника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверень на берегахъ Росты. Народъ благословлялъ согласie Рюрика съ Святославомъ, которые единодушно дѣйствовали для его виѣшней безопасносчи. Первый, женатый на сестрѣ Князей Пинскихъ или Туровскихъ, правнукъ Святополка-Михаила, спарался бытие защищникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на Липшу, какъ бы предвида, что она будетъ для нашего отечества еще опаснѣе Половцевъ.

Междоусобіе Князей Рязанскихъ нарушило
Г. внутренний миръ и спокойствіе въ Россїи
1186 воссточной. Глѣбовичи Романъ, Игорь, Влади-
— 87. Медиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ бра-
жкоу- шьевъ, Всеволода и Святослава, сперва тай-
собіе въ Ряно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскѣ⁶³
запи. Великій Князь былъ занятъ тогда новымъ
походомъ рапи своей на Болгаровъ; когда
же Воеводы его возвратились опшуда съ
добычею и съ пленниками, онъ рѣшился
прекратить вражду злобныхъ брашьевъ. На-
прасно Послы его благоразумно представля-
ли имъ, что добрые Россіяне и единокров-
ные должны извлечать мечь только на вра-
говъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Влади-
миръ, они вѣспивовали гордо, что они не
имѣютъ нужды въ совѣтахъ и хотятъ

быть независимы. Обольщенный ими, Святославъ измѣнилъ меныщему брату, Всеволоду, бывшему у Великаго Князя, и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человѣкъ дружины Владимира. Романъ взялъ ихъ въ пленъ вмесѣть съ женою, дѣтьми, Боярами Всеволода Глѣбовича. Синь безразсудные мяшежники скоро увидѣли опасность, и спѣрались умилостивить Великаго Князя. Они склонили Черниговскаго Епископа Порфирия (коего Епархія заключала въ себѣ и Рязанскую область), быть ихъ ходатаемъ; Послы Святослава Киевскаго и брата его также находились въ Владимирѣ для сего дѣла. Но Порфирий худо исполнилъ священную обязанность миротворца; дѣйствовалъ какъ перевѣшникъ, раздражилъ Всеволода Георгіевича коварствомъ своимъ и пѣмъ умножилъ зло: ибо Великий Князь огнемъ и мечомъ опустошилъ землю Рязанскую, дер-^Гжа́сь правила, какъ говорятъ Лѣтописцы, что «война славная лучше мира поспѣдана-¹¹⁸⁷ «го».⁶⁴»

Сей годъ доспомянутъ кончиною Ярослава Владимировича Галицкаго и важными ся Дослѣдовіями. Подобно опцу господствующему братью тели опъ горь Карпатскихъ до успѣя Серена и Яро-Пруса, онъ имѣлъ испиненія государства Га-слава Галицкаго добродѣтели, рѣдкія въ тогдашнія времена: не искалъ завоеваний, но, довольствуясь своею немалою областью, пекся о благополучіи народа, о цвѣтущемъ состояніи

городовъ, земледѣлія; для того любилъ пи-
шину, вооружался единственно на обида-
щихъ и посыпалъ рапъ съ Боярами, думая,
что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ
для Государя; нанималъ полки иноплеменни-
ковъ, и спасая шѣмъ подданныхъ отъ кро-
вопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 го-
ду онъ нанялъ у Поляковъ войско за 5000
гривенъ серебра: успѣхи торговли и мир-
ной промышленности доставляли ему спо-
собъ быть щедрымъ въ шакихъ слухахъ.
Союзникъ Греческаго Императора Мануила,
покровитель изгнанного Андроника, Ярославъ
считался однимъ изъ знаменинѣйшихъ Госу-
дарей своего времени, хвалимый въ лѣпо-
писяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣ-
дительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по ко-
ему Россіяне прозвали его *Осѣмомысломъ*.
Сей миролюбивый Князь не находилъ мира
только въ нѣдрахъ семейства и не могъ
жизнь въ согласіи ни съ супругою, ни съ
сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ
разстаться и (въ 1181 году) скончалась Мо-
нахинею въ Владимірѣ Сузdalскомъ у Все-
волода, ея брата⁶⁵; а сынъ Ярославовъ, въ
третій разъ изгнанный опцемъ, напрасно
искалъ пристанища у Князей Волынскихъ,
Смоленского, даже у Великаго Князя, жилъ
два года въ Пущивль у своего зятя, Иго-
ря Сѣверскаго, и хотя наконецъ, посред-
ствомъ Игорева спаранія, примирился съ
опцемъ, но имѣя склонности развратная,

непреспанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ менышаго, побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчастною Анастасіею. Гоповясь къ смерши, онъ шри дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищіе пѣснились во дворцѣ къ одру умирающаго. Изъявивъ чувства набожныя и Христіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми; назначивъ богатые вклады въ церкви, въ монастыри, и велѣвъ раздать часпь казны бѣднымъ, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега: Владимира же наградилъ только Переяславлемъ, взявъ съ него и съ Бояръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но Бояре, едва предавъ землѣ шѣло Государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручъ), и возвели Владимира на престоль.

Они раскаялись: ибо новый Государь, г. имѣя ошвращеніе отъ дѣлъ, пилъ день и ^{1188.} ночь, презиралъ успавы Церкви и нрав- Сла-
спиенности, женился вспорымъ бракомъ на ^{и бѣд-} боярина ^{спиѣ} Попадѣ; сверхъ шого, удовлетворяя гнус- Князя
ному любоспрастію, безчеспиль дѣвицъ и ^{и Влади-} супругъ Боярскихъ. Негодованіе сдѣмалось ^{имі-} ра.
общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площа-
дяхъ народъ жаловался громогласно. Въ со-
сѣдственной обласпи Владимиրской господ-
ствовалъ тогда Князь извѣстный муже-
ствомъ, умомъ, дѣятельностію, Романъ Мсши-
славичъ, который еще въ лѣтахъ иѣжной
юношти, подъ спѣнами Новагорода, смиривъ

гордость Андрея Боголюбского, заслужилъ пѣмъ вниманіе Россіянъ. Многими блескющими свойствами достойный своего предка, Мономаха, онъ, къ несчастію, жертовалъ власнополюбію правилами добродѣтели, и будучи сватомъ Владиміру, веселился его распуштвомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться слѣдствіями онаго.

Вла-
спо-
любіе
Рома-
на.

Имъя шайную связь съ Галицкими Вельможами, Романъ хотѣлъ открыть себѣ путь къ шамошному престолу и совѣтовалъ чѣмъ свергнуть Князя споль порочнаго. Сіи внушенія не остались безъ дѣйствія. Волненіе и шумъ въ столицѣ пробудили усыпленаго нѣгою Владимира. Дворъ Княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не утвержденные въ согласіи добрыхъ, терпѣлихъ гражданъ, опасались возложитъ руку на Государя, и зная его малодушіе, послали сказать ему, чтобы онъ избралъ супругу достойнѣшую, выдалъ имъ Попадью для казни, правильствовавъ какъ должно или гонился къ слѣдствіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось: по сей, уスピращенный Владимиръ бѣжалъ въ Венгрию съ женою, двумя сыновьями и наследственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить въ Галичъ.

Плоды льстивыхъ внушеній и коварства оказались непрочтыми для сего власнополюбиваго Князя. Бела, Король Венгерскій, не успущая ему въ коварство, осыпалъ Влади-

міра ласками, дружескими увъреніями, и немедленно выспушилъ къ Галичу со всѣми силами, чтобы смиришь мяшежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратиши престолъ изгнанику. Давно Короли Венгерские, бывъ и друзьями и непріятелями мужественныхъ, умныхъ Князей Галицкихъ, опти Василька до Ярослава, завидовали ихъ спрань плодоносной, богатой такжे минералами и въ особенности солью, которая издревле шла въ южную Россію и въ сосѣдственныя земли. Бела обрадовался слуху присоединиши такую важную область къ Венгрии. Еще Романъ не упвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крушаго права и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что Венгры сходяшь съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣль только захватиши казну и выѣхалъ изъ Галича съ Боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владіміръ, ^{Веро-}изъявляя благодарность добрымъ союзни-^{ломч-}камъ, думаль, что они могутъ испыти об-^{спѣво}Кор-
рапно; но вѣроломный Бела вдругъ объя-^{ля}-
вилъ своего сына, Андрея, Королемъ Галиц-^{Вен-}гер-
кимъ, съ согласія легкомысленныхъ Бояръ,
обольщенныхъ его увъреніями, что Андрей
будешъ царствовать по ихъ успавамъ и
волѣ. Сего не довольно: Бела, опиявъ у
Владіміра и сокровища и свободу, возвра-

шился съ нимъ въ Венгрию какъ съ пленни-
комъ.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей Князь, оправляясь господствовашъ въ Галичъ, успушъ всю обласпь Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельскому, который уже не хотѣлъ впустить его въ городъ Владимиръ: запворилъ ворота и сказалъ: «я здѣсь Князь, а не ты!» Изумленный Романъ — лишась шакимъ образомъ и пріобрѣшеннай и наслѣдственной обласпи — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему шеспемъ, а Государь Польскій, Казимиръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приспу-
палъ къ Владимиру, желая возвратиши сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха шакаже ходиль Романъ съ дружиною шеспя въ землю Галицкую: жители и Венгры опразили его. Наконецъ Рюрикъ угро-
зами принудилъ Всеволода Мстиславича оп-
дать Владимирское Княженіе спаршему бра-
ту.

Князья наши не думали вступиши за несчастнаго Владимира Галицкаго — посажен-
наго Королемъ Белою въ каменную башню,
но съ прискорбiemъ видѣли иноплеменни-
ковъ господами прекраснѣшай изъ обласпей
Российскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела,
имѧ дружелюбныя сношенія съ Святосла-
вомъ Киевскимъ, спарался увѣришъ его въ

своемъ безкорыстіи, и даже обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичъ; а Святославъ, вопреки условіямъ пѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ, шайно послалъ одного изъ сыновей къ Королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ Митрополита, они согласились-было изгнать Венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе Княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлагорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ этого, и Галичъ остался за Венграми, впрочемъ не надолго.

Сынъ Князя Іоанна Берладника, умершаго въ Фессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу скиталясь изъ земли въ землю и нашель пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ отечествѣ, гдѣ народъ, неохотно повинуясь иноземнымъ властителямъ, и нѣкоторые Бояре желали видѣть его на престолѣ. По согласію съ ними Ростиславъ, уѣхавъ отъ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ сѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками Венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ верности и вообще такія мѣры, что сынъ Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтился съ однихъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость Галичанъ,

Благо-спиславъ не думалъ спасаться бѣгствомъ; род- сказалъ дружинъ: «лучше умереть въ сво- спло сына «емъ опечествѣ, нежели скипаться по чу- Бер- «жимъ землямъ; предаю суду Божію тѣхъ, ладни- кова. «которые меня обманули» — и бросился въ средину непріяteleй. Тяжело раненный, онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судбою, хопѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы ушишить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили смертие з.е. къ язвѣ Роспислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣришься въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего Короля. Правленіе Андреево, дополнѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насилие. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неискриво: огнимали женъ у супруговъ, спавили коней въ дома Боярскіе, въ самыя церкви; позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ воинъ, съ неперѣніемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Князь Влади-imirъ въ Им- Влади-imirъ въ Им-пери. Фридерику Барбаруссъ. Такъ сынъ Ярослава

Великаго искалъ нѣкогда покровицельства Императора Генрика IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ только обѣщать, и дѣйствительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гриненъ серебра, буде его содѣствіемъ отнимешъ Галичъ у Венгровъ. Императоръ – неизвѣстно, какимъ образомъ – зналъ Великаго Князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владимира, слыша, что онъ сынъ Всеволожской сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ разбортствоватъ въ Палестинѣ съ Героемъ Воспока, Саладиномъ, Фридрихъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣспира, однако же далъ Владиміру письмо къ Казимиру Справедливому, коопорое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей Монархъ Польскій, завидуя Венграмъ въ приобрѣшении земли Галицкой, и вѣдая, сколь ихъ господство пропадетъ ея жителемъ, не отказался отъ предлагаемой ему чести быть покровителемъ несчастнаго Князя, вѣроломно обманутаго Белою; надѣялся на Галичанъ, и не обманулся⁶⁶. Бывъ недовольны правленіемъ Владимирамъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли Венгровъ; и когда услышали, что сей Князь съ Воеводою Краковскимъ, знаменившимъ Николаемъ, Игна-
иша Галица.
Г. 1190.
Изгнаніе
Венгровъ
изъ Галича.

1190 года употребляемый въ его грамотахъ⁶⁷. Еще не миновались опасности для Владимира: худо вѣря безкорыстію Поляковъ, боясь Венгровъ, Романа Волынскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнуль къ дядѣ, Великому Князю, не хоптѣвъ дополь искать въ немъ милости; смиренno винился, обѣщалъ исправиться, и писалъ къ нему: «Будь моимъ отцемъ и Государемъ: я Божій «и твой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ «повиноваться, но только тебѣ одному.» Сіе покровительство, согласное съ долгомъ родства, было лестно и для гордости Все-волода, копорый, взявъ оное на себя, извѣстилъ о помъ всѣхъ Князей Россійскихъ и Казимира: послѣ чего Владимиръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

Чинимъ внутри и въ Россіи, Все-володъ хоптѣль искренняго взаимнаго дружелюбія Князей, и старался утвердить оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь свою за племянника Святославова, — другую, именемъ Верхуславу, за Рюриковича, мужественнаго Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилѣтняго, женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго⁶⁸. Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ возрастъ откровицы, когда родители послали ее къ жениху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною изъ великолѣтнейшихъ, о коихъ упоминается въ на-

Г.
1178
— 95.
Бра-
ки.

шихъ древнихъ лѣтописяхъ. За невѣспою прѣѣзжали въ Владиміръ шуринъ Рюриковъ, Гльбъ Туровскій, и знашнѣйше Бояре съ супругами, щедро одаренные Всеволодомъ. Опимъно любя Верхуславу, отецъ и мать дали ей множесшво золота и серебра; сами проводили милую, осьмилѣтнюю дочь до шрепьяго спана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сесиры, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ первыми Боярами Суздалскими, везти невѣспу. Въ Бѣлгородѣ Епископъ Максимъ совершалъ обрядъ вѣнчанія, и болѣе двадцати Князей пировали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдя древнему обычаяу, въ знакъ любви отдалъ снохѣ городъ Брагинъ. Сей Князь, шесть Игорева сына, жиль въ мирѣ со всѣми Ольговичами, и въ случаѣ споровъ о границахъ или Удѣлахъ прибѣгалъ къ посреднику Всеволодову. Такъ Свѧпославъ (въ 1190 году) желаль присвоить себѣ часпь Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Давидъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ обезоружили его, предспавляя, чпо онъ взяль Кіевъ съ условiemъ не требовать ничего болѣе и забыть споры, бывшиe при Великомъ Князѣ Роспиславѣ; чпо ему оспаешся или исполнишъ договоръ или начапъ войну. Свѧпославъ далъ имъ слово впредь не нарушашь мира, и сдержалъ оное, довольный чесшю первенства между Князьями южной Россіи. Успупивъ Черниговъ брашу, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знашную часпь

Киевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними Великими Князьями, но подобно имъ именовался Великимъ и возстановилъ независимость Кіева. Все́володъ Георгіевичъ уважалъ въ Святославъ опытнаго спарца Кіева. (власы сѣдые были тогда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое власполюбіе и терпѣль нѣкомпорную зависимость могущественной области Сузdalской отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣстѣ съ народомъ или знаменитыми гражданами избирая Епископовъ для Роспова, Суздаля, Владимира, но посылая ихъ спавшись къ Митрополиту Никифору, преемнику Константина Пиннову, онъ всегда отправлялъ Пословъ и къ Святославу, пребуя на то его Княжескаго соизволенія⁶⁹: ибо власть духовная была пѣсно связана съ гражданскою, и Митрополитъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ Государя. Никифоръ хотѣль нарушить сей уставъ въ Россіи, самовласно посвятивъ въ Епископы Суздалю одного Грека; но Все́володъ не принялъ его, и Митрополитъ поспавшъ иного, назначенаго Великимъ Княземъ и одобренаго Святославомъ. -- Между тѣмъ, желая приближиться къ древней столицѣ, Все́володъ возобновилъ городъ Осперь, разрушенный Изяславомъ Мстиславичемъ⁷⁰: Тіунъ Сузdalскій пріѣхалъ туда властивашъ именемъ Князя. Южный Перея-

славль также зависѣлъ отъ Всеволода, кото-
рый отдалъ его, по смерти Владимира
Глѣбовича, другому племяннику, Ярославу До-
Мспиславичу. Вся Украина, по словамъ Лѣ-
тописца, оплакала сего мужественнаго Вла-
димира, ужаснаго для Половцевъ, доброго, Глѣб-
безкорыстнаго, любившаго дружину и лю-
бимаго ею.

Когда почти вся Россія наслаждалась пи- Без-
шиною, Смоленская и Новогородская область покой-
представляють намъ ужасы мяшежа и кар- спа-
шину воинской дѣятельности. Давидъ Ро- Смо-
спиславичъ, господствуя въ Смоленскѣ, не скѣ и лен-
быть любимъ народомъ. Не имѣя твердыхъ Новѣ-
государственныхъ законовъ, основанныхъ на дѣ-
опытѣ вѣковъ, Князья и подданные въ на-
шемъ древнемъ опечеспѣвѣ частю дѣйстви-
вали по внушению спрасшей; сила казалась
справедливости: иногда Государь, могуще-
ственный усердіемъ и мечами дружины,
угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ
волю Государя слабаго. Неясность взаим-
ныхъ правъ служила поводомъ къ мяшежамъ,
и Смоляне, однажды изгнавъ Князя⁷¹, хотѣ-
ли и впорочно утвердишь народную власть,
такимъ же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣль,
решителенъ; не уступилъ гражданамъ и не
жалѣль ихъ крови; казнилъ многихъ и воз-
становилъ порядокъ.

Сынъ Давидовъ, Мспиславъ, года два кня-
жилъ спокойно въ Новѣгородѣ: вмѣстѣ съ
отцемъ ходилъ воевать Полоцкую область

и заключилъ миръ съ ея жителями, кото-
рые всipyшили ихъ на границѣ съ дарами⁷².
При семъ же Князь Новогородцы, опусп-
шивъ часпъ Финляндіи, привели оишуда
многихъ пльниковъ. Но духъ раздора не за-
мединъ обнаружипсь въ Республике: на-
родъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ знанихъ
гражданъ, осудилъ на смерть, бросилъ съ
моспа въ Волховъ. Юный Мспиславъ не
предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ
вину ему поспавили, можепъ бытъ, и ги-
бель чиновниковъ, ъздившихъ тогда для со-
бранія дані въ Заволочье, въ спрану Пе-
чорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ го-
сподствовалъ и даваль законы народамъ по-
лудикимъ, богашымъ драгоцѣнными звѣри-
ными кожами: сіи чиновники и товарищи
ихъ были убиты жителями, хопѣвшими
освободипсь отъ ига Россіянъ. Въ слѣ-
ствіе шого и другаго проищесція Ново-
городцы изгнали Мспислава, прибѣгнули
опять ко Всеволоду, и желая впорично имѣти
Княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича.
Тѣснѣшшая связь съ могущеспеннымъ Го-
сударемъ Сузdalскимъ обѣщала имъ споль
важныя выгоды для внутренней торговли,
чию они согласились забыть прежнюю до-
саду на Ярослава, и цѣлую девятъ лѣтъ
терпѣли его какъ въ счастливыхъ, шакъ и
въ неблагопріяшныхъ обстоятельствахъ.
Первый годъ Ярославова княженія, или 1188,
ознаменовался чрезвычайною хлѣбною дор-

говизною (четверть ржи стоила болѣе двухъ нынѣшихъ серебряныхъ рублей) и важною скою съ Варягами, Гопландцами и други-ми народами Скандинавскими. Новогородцы задержали ихъ купцевъ, разослали по шемни-камъ; не пустили своихъ за море; отпра-вили назадъ Пословъ Варяжскихъ и не хо-пѣли съ ними договариваться о мирѣ. Швед-скіе Лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годь Россіяне, соединясь съ жителеми Эспо-ніи и Корелами, приходили на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили Архіепи-скопа Упсальского, взяли 14 Іюля древній торговый городъ Шведскій Сигшуну, опу-спошили его шакъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее соспоя-ніе, и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, ко-торыми украсилась Соборная церковь Ново-городская⁷³. Недовольные тогда Варягами, Новогородцы могли возбудить Эспонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дать имъ и нѣкоторыхъ воиновъ: по уча-стіе Россіанъ въ семъ предпріятіи безъ со-мѣнія было не важно, когда современные Лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ, описывая обстоятельно малъїшія военныя дѣйствія ихъ времени; на примѣръ, какъ Псковиція (въ 1190 году) разбили сихъ Воин-самыхъ Эспонцевъ, которые на семи шне-кахъ или судахъ приходили грабить въ ги-окрестностяхъ тамошняго озера; какъ Но-

вогородцы съ Корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю Финновъ, жгли пашню селенія, испребляли скопъ. Тогда же Ярославъ Владимировичъ, имѣвъ на границѣ свиданіе съ Князьями Кривскими или Полоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними иппи зимою на Липшу или Чудь; богато одареный союзниками, возвратился въ Новгородъ, и по условію вступивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерпигъ, множество плѣнниковъ и всякаго рода добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣтомъ, сей Князь самъ остался во Псковѣ, а Дворъ его, или дружины, съ опрядомъ Псковиціанъ завоевали Медвѣжью Голову или Оденпе, <sup>Бѣд-
співія
Чуди.</sup> распроспрашивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ окрестностяхъ⁴. Тогдашнее соспояніе Чудского народа было самое несчастное: Россіяне, ссылаясь на древнія права свои, требовали отъ него дани, а Шведы перемѣны Закона. Папа Александръ III. торжественно объяшталъ съвернымъ Каптоликамъ вѣчное блаженство, ежели язычники Эспонскіе признаютъ въ немъ Апостольскаго Намѣстника: съ Лапинскою Бібліею и съ мечемъ Шведы выходили на вос точные берега моря Балтійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за ихъ упорство въ заблужденіяхъ язычества. Россіяне – Новгородцы, Кривчи – изъявляли менѣе ревности къ обращенію невѣрныхъ и не хотѣли ~~насилиемъ~~ просвѣщать людей; но счищали жителей Эспоніи и Ливоніи своими подданными, на-

казывая ихъ какъ мяшежниковъ, когда они желали независимости. Въ сie время, по сказанію древнѣйшаго Лѣтописца Ливонскаго, славился могущесвомъ *Князь Полоцкій Владіміръ*: онъ господствовалъ до самаго успѣя Двины, и власпъ его надъ южною Чудскою землею была вообще споль извѣстна, что благочеспивый старецъ Мейнгардъ, усердный Нѣмецкій Каптоликъ, прїѣхавъ около 1186 года съ купцами Нѣмецкими въ Ливонію, Пѣм-просилъ у него дозволенія мирно обращать ^{цы въ} _{Ливо-} шамошихъ язычниковъ въ Христіанство⁷⁵: _{ніи.} на что Владіміръ охотно согласился, и даже отпустилъ Мейнгарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которымъ скоро надлежало открыться для Россіянъ отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго. Мейнгардъ имѣль успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ: основалъ первую Христіансскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ маленькою крѣпостю (не далеко отъ нынѣшней Риги); училъ язычниковъ Закону и военному искусству для ихъ безопасности; крестилъ волею и неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую.

Новогородцы, желая опровергнуть народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1493 году послали шуда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Життели, хотя свирѣпые обычаємъ и дикіе нравами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ

другимъ, терпя нужду въ събствныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя Новогородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести Сибирь (что, какъ надобно думашь, получали они мѣною отъ дальнѣйшихъ народовъ Сибирскихъ). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, вѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшия за ними. На третій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и попали совсѣмъ испребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, кошорые, долгое время скитаясь по сѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти Новогородцамъ, беспокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже черезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы ишли въ храмъ и благодарили Небо, спасшее ихъ отъ погибели, сіи несчастныe вздумали судиться предъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ шайномъ сношении со врагами во время осады города Югорского. Дѣло, весьма неясное, кончилось убѣщемъ прѣхъ гражданъ и взысканiemъ пени съ иныхъ, мнимыхъ преступниковъ.

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе Государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія,

подвластнія Рюрику, признавали Всеволода своимъ Главою: Ольговичи и владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, кошорый, не смотря па то, чувствовалъ превосходство силъ на споронѣ Великаго Князя, и слѣдя внушеніямъ благоразумія, свойспен-¹¹⁹⁴ _{95.} наго опытной спароспи, не дерзаль явно ему прошивоборсивовать. Такъ, имъя скору о границахъ съ Князьями Рязанскими, и го-шовий вмѣстѣ съ другими Ольговичами объявилъ имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволодова⁷⁷: требовалъ онаго, не получилъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карабчева. На семъ пущи Святославъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣпомъ дыхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, где сѣлъ въ лодку; изъ Киева немедленно отправился въ Вышегородъ: облилъ слезами раку Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба; хопѣль поклонившись шамъ гробу отца своего, по видя дверь сего при-дѣла запершую, спѣшилъ возвратиться къ супругѣ. Онъ жилъ только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣд- Кон- чина и хара- никъ; слабѣль, едва говориль и лѣжалъ нако- нецъ въ усыплениі; за нѣсколько же часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ Свя- _{шерь} _{по} у супруги: когда будущъ Маккавеи? _{день, слава.} въ который умеръ отецъ его. Въ Понедѣль- никъ, опѣвшикова Княгиня. «И шакъ «мнѣ не дожить!» сказалъ онъ. Княгиня ду- мала, что ему привидѣлся сонъ, и хопѣла

знати оный. Святославъ не отвѣтствовалъ ей, громко чиная: *върную во единаго; опправиль гонца за Рюрикомъ, велъ постричь себя въ Монахи и преславился.... Непослюянный опъ юноши, нѣкогда другъ и предатель Мстиславичей, Мономаховыхъ внуковъ; то врагъ, шо союзникъ Долгорукаго и дядей своихъ, Черниговскихъ Владытелей; жеривуя испинными государственными добродѣлами, справедливостю, честю, выгодамъ Полипики личной; безсовѣтныи въ опионшніи не только къ Мономахову помочишу, но и къ своимъ единокровнымъ, сей Князь имѣль однакожъ достоинства: умъ необыкновенный, цѣломудrie, презвость, всю наружность усерднаго Христіанина и щедрость къ бѣднымъ. Имя Государя Кіевскаго, напоминая знаменистость древнихъ Князей Великихъ, доспавляло ему уваженіе опъ Монарховъ събдственныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: сильный Казимиръ также. Женивъ сына, именемъ Всеволода Чернаго, на дочери Казимиrowой^{7,8}, Маріи (скоро умершей Инокинею въ Кіевскомъ, ею основанномъ монастыре Св. Кирилла), Святославъ помолвишъ внуку, Княжна Евфи- Евфимію, дочь Глебову, за Греческаго Царевича (можетъ быти, Исаакіева сына, Алексия заксія IV), и не дожилъ до ея брака, успѣвъ Греч. единственно высланіи Бояръ на всipрѣчу къ Императорскимъ сановникамъ, бѣшившимъ за чемъ. невѣстою.*

Въроятию, чӣо Рюрикъ уступилъ Свѧтославу Кіевъ единственno по его смерти, и чӣо Всеволодъ утвердилъ сей договоръ, извѣстный Князьямъ, Вельможамъ и гражданамъ. Любимый вообще за свою привѣтливость, Рюрикъ быль всириченъ народомъ и Митрополитомъ со крестами; а Великий Князь прислалъ Бояръ возвесли его на пронъ Кіевскій, желая шъмъ означеновать зависимости онаго отъ Государей Сузальскихъ, хотя Рюрикъ, подобно Свѧтославу, такжে назывался *Великимъ Княземъ* и самовласно располагалъ городами Днѣпровскими. Онъ звалъ къ себѣ брата, Давида Смоленского, чтобы вмѣстѣ съ нимъ назначить Удѣлы своимъ сыноемъ и Владимировичамъ, внукамъ Мстислава Великаго. Давидъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвя-^{Г.} _{въ Кіевѣ.} щенныхъ дѣламъ государственнымъ и вѣсельямъ. Рюрикъ, сынъ его Роспиславъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали ему пиры. Давидъ также угостилъ ихъ. Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между шъмъ, какъ роскошь изливалася свой шукъ на Княжескихъ шрапезахъ, благопворицельность не забывала и нищихъ. Обычай доспохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ, безъ милосердия для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, установленыя въ началѣ гражданскихъ общесловъ и долго поддерживаемыя благоразумiemъ государ-

спвеннімъ, предшавляли карпину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ испинній хозяинъ, подчиваѣ гражданъ, пилъ и ъѣлъ вмѣстѣ съ ними; Вельможи, Тиуны, Воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными шолпами гостей всякаго соспоянія; духъ брашства оживлялъ сердца, напая въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ.

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Главою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя; однажды искалъ еще другой опоры, и будучи шеспемъ Романа Мстиславича Волынского, отдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. «Я спаршій въ Мономаховомъ родѣ,» велѣлъ онъ сказать Рюрику: «кому обязанъ «мы Кіевомъ? но забывая меня, отдаешь «города инымъ младшимъ Князьямъ. Не оспа- «риваю власпи швоей: господствуй и дѣ- «лисъ оною съ друзьями! Увидимъ, могутъ «ли они зашипить тебя!» Желая умило- спившись Всеволода, свантъ его предлагалъ ему особенный Удѣль въ Кіевской обласпии; но Великій Князь требовалъ для себя горо- довъ отданыхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призвалъ на совѣтъ Никифора Митрополита; съ одной стороны не хотѣлъ нарушить слова своего въ раз- сужденіи зяпя, а съ другой боялся Всево- лода. «Мы поспавлены отъ Бога миринъ

«Государей въ земль Русской,» опытши-
валъ Митрополитъ: «всего ужаснѣе крово- вен-
«пролитіе. Исполни волю спарѣйшаго Князя. шва.

«Если Мстиславичъ назовешъ щебя кляшто-
«преспупицомъ, что я беру грѣхъ на себя;
«а ты можешьъ удовольствоватъ запія ины-
«ми городами.» Самъ Романъ изъявилъ согла-
сіе взять другую область или деньги въ
замѣну Удѣла, и распрая прекратилась; но
когда Всеволодъ, оправивъ Намѣстниковъ
въ города Днѣпровскіе, подарилъ Торческъ
запію своему, Рюрикову сыну, Волынскій
Князь вознегодовалъ на пещія, счишая себя Гнѣвъ
обманутымъ; не хотѣль жить съ его до- Рома-
черью⁷⁹; принуждалъ бѣдную супругу уда- на
лившись въ монастырь, и вспутилъ въ друж-
бу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя
ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обли-
чивъ запія въ умыслахъ непріятельскихъ и
велѣвъ повергнуть предъ нимъ грамоты
крестныя, обратился къ Всеволоду Георгіе-
вичу. «Государь и брань!» сказали Послы
его: «Романко измѣнилъ намъ и дружитъся
«со врагами Мономахова племени. Вооружим-
«ся и сядемъ на коней!» Предвидя, чи то Ве-
ликій Князь вспутился за Рюрика, Мстиславичъ
искалъ союзниковъ въ Польшѣ, где
юные сыновья Казимиrowы готовились оп-
разить дядю, властолюбиваго Мечислава.
Они сами имѣли нужду въ помощи, и мужественный Романъ за нихъ ополчился, го-
воря дружинѣ своей, чи то услуга даєть пра-

во на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будеТЬ расположать силами благодарныхъ племянниковъ. Уже войска спояли Биш-
ва въ Поль-
шв. другъ прошивъ друга. Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему Князю быТЬ по-
средникомъ. Бояре Россійскіе такжে не хотѣли кровопролитія; но пылкій Князь, во-
преки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Поль-
скіе Испорики пишутъ, что онъ повель-
валъ только однимъ крыломъ, а Воевода Краковскій, Николай, другимъ и срединою.
Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный,
велѣль *нести* себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменишпій Епископъ Краковскій, Фулько,
ночью догналъ его и заклиналь возвращинпъ-
ся, боясь, чтобы непріятель не взялъ спо-
лицы. «Не имѣя ни силы въ рукахъ, ни
«войновъ, опчастни убийщихъ, опчастни раз-
«сбянныхъ, могу ли быТЬ вамъ полезенъ?»
сказалъ ему Мечиславичъ; а на вопросъ Епи-
скопа: *что же дѣлать?* опѣтывалъ:
«защищать сполицу, пока соберемся съ си-
«лами⁸⁰.» Романъ отправилъ изъ Владимира
Пословъ въ Киевъ; обезоружилъ теснія сми-
реннымъ признаніемъ вины своей, и чрезъ
ходатайство Митрополита получилъ отъ
Рюрика два города въ награжденіе.

Великій Князь, Рюрикъ и братъ его, Да-
видъ Смоленскій, требовали отъ Чернигов-
скаго и всѣхъ Князей Олегова рода, чтобы
они присягнули за себя и за дѣней своихъ

никогда не искать ни Кієва, ни Смоленска, и довольствовались лѣвымъ берегомъ Днѣпра, опіданнымъ ихъ прадѣду, Свѧтославу²¹.

Ольговичи не хотѣли того. «Мы гоповы» — Мяговарили они чрезъ Пословъ Всеволоду Георгіевичу — «блости Кіевъ за тобою или «за Рюрикомъ; но если желаешь навсегда «удалишь нась отъ преспола Кіевскаго, то чай. «зной, чио мы не Венгры, не Ляхи, а по- «помки Государя единаго. Власівуйте, пока «вы живы когда жъ васть не будешъ, древ- «няя сполница да принадлежитъ достойнѣй- «шему, по волѣ Божіей!» Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились; а Рюрикъ опи- пусшиль наемныхъ Половцевъ, и въ дока- запельство своего миролюбія обѣщаль Яро- славу Черниговскому исходашайспрововать ему у брата Вишебскъ, гдѣ княжиль Василько Брячиславичъ, зять Давидовъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго.

Но Ольговичи нарушили клятвенный Г. обѣщть мира: не дождавшись Пословъ ни Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условииться, въ кон- цѣ зимы выспутили съ войскомъ къ Вишеб- ску и начали грабить Смоленскую область. Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичъ, сватъ Великаго Князя, хотѣлъ оправить ихъ. Ольговичи имѣли время изготовиться къ битвѣ, соединились съ Князьями Полоцки- ми, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и при-

топтали сильгъ вокругъ себя, чтобы пѣмъ удобнѣе дѣйствовашь оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напаль спрѣмпельно и смяль рапь Черниговскую, надъ кою начальствовалъ Олегъ Свѧтославичъ; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ то же время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиць съ Полочанами, которые, видя Олега разбита-го, ударили съ тылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ быль сдаться⁸². Зять Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Роспиславъ Владиміровичъ, внукъ Мстисла-ва Великаго, едва могли спаспися. Они при-несли Смоленскому Князю вѣстъ о семъ не-счастії; а Ярославъ Черниговскій, обрадо-ванный блеспящимъ успѣхомъ своего пле-мянника, и слыша, что жители Смоленска не любяшь Давида, хопѣлъ съ новыми пол-ками иппи прямо къ сему городу. Рюрикъ оспановилъ его. «Ты не имѣешь совѣсти,» писалъ онъ къ нему изъ Овруча: «и такъ «возвращаю тебѣ грамоты крестныя, то-«бою нарушенныя. Иди къ Смоленску: я «пойду къ Чернигову. Увидимъ, кшо буде пъ «счастливѣе.» Ярославъ оправдывался, жа-луюсь на Давида и Князя Витебскаго; обѣ-щалъ безъ выкупа освободиць пленнаго Мстислава Романовича, пребуя единспвено того, чтобы Рюрикъ отспушпилъ опѣ союза съ Великимъ Княземъ. «У насъ дѣла

«общія,» опровергнувъ Рюрикъ: «буде искренно желаешь мира, то дай свободный путь моимъ Посламъ чрезъ свою область ко Всеволоду и Давиду; мы все гоповы примириться.» Но Ярославъ, будучи коварнымъ, счталъ и другихъ шаковыми; не вѣрилъ ему; занялъ все дороги; препятствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Сузdalльскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Отвергнувъ велико-душные правила Мономахова Дому, Рюрикъ не успѣлся нанять дикихъ Половцевъ для опустошенія Черниговскихъ владѣній и *полнилъ руки* варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ Князьяхъ Полоцкихъ: тѣ и другіе считали себя угнетенными и спартѣйшими Мономаховыхъ наследниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Волынскаго, который искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдя одному правилу *быть силь-Ненадимъ*, не уважая никакихъ иныхъ, ни родства, ни признательности. Обязанный благородствомъ шестия, онъ забылъ ихъ: помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города Днѣпровскіе. Опдохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Спартѣймъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рапть свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сie печаян-

ное нападеніе уменьшило на время затрудненіе Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бѣдствіямъ опустошенія: съ одной стороны Ростиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой племянникъ его, Мстиславъ, сынъ Мстислава Храбраго, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ плѣнили множество людей въ окрестностяхъ Каменца и Переяславля. Самъ Рюрикъ остался въ Киевѣ: ибо узналъ, что Всеволодъ наконецъ рѣшительно дѣйствуетъ противъ Ольговичей, соединился съ Давидомъ, съ Князьями Рязанскими, Муромскими, съ Половцами, — за воевалъ область Вятичей и думаетъ всплыть въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасности; но, скрывая боязнь, изготавлился къ сильному оппорту: укрѣпилъ города, нанѣлъ степныхъ Половцевъ, оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святополичей, и расположился спокойно близъ шемныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мости. Впрочемъ ему легче было поссорить враговъ своихъ хитростью, нежели силою одолѣть ихъ: такъ онъ и дѣйствовалъ.

Изъявляя вмѣстѣ и миролюбіе и неустрашимость, Ярославъ послалъ сказать Всеволоду: «Любезный братъ! ты взялъ нашу «отчину и достояніе. Желаешь ли загладить насилие дружбою? Мы любви не убѣгаємъ и готовы заключить миръ согласно «съ твою верховною волею. Желаешь ли

«бизвы? не убъгаємъ и того. Богъ и Свѧтый Спасъ разсудятъ нась въ полѣ.» Всеволодъ хотѣлъ знать мнѣніе Князей Смоленскаго, Рязанскихъ и Бояръ. Давидъ прошился миру, говоря: «Ты далъ слово моему брату соединиться съ нимъ подъ Черниговскимъ, и шамъ или разрушить власинъ «коварныхъ Ольговичей или заключить миръ «общій; а теперъ думаешь одинъ вступинъ «въ переговоры? Рюрикъ не буденъ доволенъ тобою. Ты велѣлъ ему начать войну; для тебя онъ предалъ огню и мечу «свою область. Можешь ли безъ него миришься?» То же говорили и Князья Рязанские; но Всеволодъ, недовольный смѣлыми представленіями, велѣлъ сказать Ольговичамъ, что соглашаєтъ забыть ихъ вину, если они возвращатъ свободу Мстиславу Романовичу, откажутся отъ союза съ Романомъ Волынскимъ, и выгонятъ мястежнаго Ярополка, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ слѣпца, который, будучи взяты въ пленъ Великимъ Княземъ⁸⁵, ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не принялъ только одного условія, қасательно Романа Волынского, желая бысть и впредъ его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ, и съ обыкновенными священными обрядами утвердили миръ, къ великому огорченію Рюрика. Хотя Всеволодъ далъ ему знать, что Ольговичи клялись никогда не превозжитъ ни Кіевскихъ, ни Смоленскихъ обла-

стей; но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами.
«Такъ поступають одни вѣроломные,» оп-
вѣщившися сей Князь Всеволоду: «для
«тебя я озлобилъ зяпя, отдавъ тебѣ го-
«рода его; ты же заставилъ меня воевать
«съ Ярославомъ, который лично не сдѣлалъ
«миѣ зла и не искалъ Киева. Въ ожиданіи
«швоего содѣйствія прошли лѣто и зима;
«наконецъ выступаешь въ поле и миришь-
«ся самъ собою, оставивъ главнаго врага,
«Романа, въ связи съ Ольговичами и госпо-
«диномъ обласци, имъ опѣ мя получен-
«ной.» Слѣдя виновенію досады, Рюрикъ
опнялъ у Всеволода города Киевскіе, и пѣмъ
оскорбивъ его, приготовилъ для себя важ-
ныя несчастія, лишенный Великокняжескаго
покровительства. Всеволодъ безъ сомнѣнія
поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо.

Поли-Имѣя шайныхъ намѣренія, онъ не хотѣлъ со-
ника-вершеннаго паденія Черниговскихъ Князей,
Всево-хода. чтобы не усиливъ пѣмъ Киевскаго и Смо-
ленскаго, равно пропавшихъ замышляемому
имъ Единовласію. Равновѣсіе ихъ силъ ка-
залось ему до времени согласнѣе съ его поль-
зою.

Смирившъ Ольговичей и по видимому за-
щищивъ союзниковъ, Великій Князь съ шор-
жеспвомъ возвратился въ сполицу, какъ
Государь любимый народомъ и побѣдитель.
Окша-Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ сдѣмались ва-
брай б. жныя перемѣны; благопріятныя для его
власполюбія⁶. Давидъ, благородный, муже-

спивенныи, предчувствуя свой конец, успу-
шиль троить племяннику, Мешиславу Рома-
новичу, постригся вмъсить съ супругою,
оправилъ юнаго сына, именемъ Констан-
тина, на воспитаніе къ брату Рюрику, и Г
вельть несии себя, уже большаго, изъ двор-
ца въ Обитель Смѣдышскую, гдѣ и преста-
вился въ молинвахъ (пятидесяти-семи лѣтъ Апрѣль
отъ рожденія), оплакиваемый дружиною,
япоками, мирными гражданами (ибо спроп-
тивные не любили его). Лытоисцы, ува-
жая дѣла набожности болѣе государиен-
ныхъ, сказываютъ, что никто изъ Князей
Смоленскихъ не превзошелъ Давида въ укра-
шении храмовъ; что церковь Св. Михаила,
имъ создавшая, была великолѣпнѣю отъ
стражахъ полунощныхъ, и что она еже-
дневно посыпалъ ее. По сен Князь, Хри-
стіанинъ усердный, слыть грозою мище-
никовъ и злыхъ: набожность не обабляла ^{господи} въ
въ немъ спроцеси и правосудія, и вел-
душной гордости Княжеской, проиниціон ^{жал}
Андрею Боголюбскому, пепрѣятвои въ Всево-
лоду, кошерни ^{шаманъ} болѣе побилъ Дави-
дова настьшика, своего добродушнаго сва-
гла, ему преданнаго. Въ Черниговъ умеръ Г
Ярославъ, вършыи послѣдовашемъ брачес-
коварной системы, а Волшкій Князь съ удо-
вольствіемъ свѣдѣть чину Игорь Сѣверскии
старѣши въ родѣ, съѣхъ на шамошини
значению преснотъ ибо сен виуетъ Оле-
говъ менѣе другихъ завидуючи имъ

Не имъя опасныхъ союзниковъ внутри Россіи, Все́володъ спа́рался утверждши́ безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ то же время, кочуя отъ нынѣшней Слободской Украи́нскай до Сара́товской Губерніи, беспокоили Война его южныя владѣнія, особенно же предѣлы По Рязанскіе: онъ сильнымъ ополченіемъ успра-
шиль варваровъ; ходилъ съ юнымъ сыномъ, Конспираторомъ, во глубину степей, вездѣ же́рь зи́мовья Поло́вецкія, и Ханы, снявъ свои^и многочисленныя вежи, отъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю.

Г. Чего Андрей желалъ напрасно, что сдѣлалъ 1196. хи́прый Все́володъ: онъ на нѣсколько лѣть — 201. Все́во-совершенно подчинилъ себѣ мя́тежную перво-
лодъ-бышнюю сполицу нашихъ Князей. Во время
подчи-
ни-
тель раздора его съ Ольговичами, повинуясь ему,
себѣ-
лучшие Новогородцы, не только военные лю-
ро́дъ, дн, но и самые купцы, ходили съ Яросла-
вомъ въ Великія Луки, чтобы удерживать
Кривскихъ Владѣтелей и преияспиравать
ихъ соединенію съ Черниговцами. Ярославъ
Владимировичъ уже имъль тогда многихъ
непріятелей въ Новъгородѣ: Посадникъ, чи-
новники Ѣздили ко Все́володу, прося его,
чтобы онъ вывелъ отъ нихъ свойка и даль-
имъ сына. Великий Князь задержалъ сихъ
Пословъ, а Новогородцы, шьмъ оскорблён-
ные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію доб-
рыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ
сторона рѣдко бывала сильнѣйшею. Па-

роль, обольщенный безразсудными, хотѣль доказать свою независимость, и сынъ Князя Черниговскаго⁸⁵, избранный ~~бояриномъ~~ спивомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовашъ, но бысть игралищемъ своеольныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, остался въ Торжкѣ; бралъ дань въ окрестностиахъ Мсты и за Волокомъ. Новогородцевъ вѣдѣ ловили какъ непріятелей, штолпами приводили въ Владимиръ. Дѣйствиа оспорожнѣе Андрея, Все-володъ не думалъ осаждашь ихъ столицы: мѣшаль имъ только купеческихъ въ Россіи и собирали налоги въ Двинской землѣ, зная, что любоспѣканіе скоро одержитъ верхъ надъ упрашивомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ быль вѣханъ назадъ къ опцу: Сопники Новогородскіе явились во дворцѣ у Все-волода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжеспивовалъ прибытие сего Князя какъ опца и благопворищеля, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь власпивовалъ благоразумно, судиль справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смириль Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Липвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ⁸⁶. Но Все-володъ, недовольный своимъ, при-

звалъ его къ себѣ, и чего прежде не хо-
тилъ сдѣлать въ угодность народу, то на-
родъ сдѣлалъ въ угодность Великому Кня-
зю: Архіепископъ Марширій и чиновники
должны были, исполняя уже не свою волю,
а повелѣніе Государя, ѿхапть въ Владіміръ
и требовать Всеволода сына на пре-
споль Новогородскій. Послы сказали: «Го-
«сподинъ Князь Великій! обласпь наша еспь
«швоя отчина⁸⁷: молимъ, да повелѣваешъ
«нами родный внукъ Долгорукаго, правнукъ
«Мономаховъ!» Всеволодъ изъявилъ при-
шиворную нерѣшимость; хопѣлъ еще совѣ-
товавшися съ дружиною, и какъ бы изъ
снисхожденія далъ Новогородцамъ сына, име-
немъ Святослава-Гавріила, еще младенца,
предписавъ имъ условія, согласныя съ че-
стю Княжескою. Сей Государь, обласкавъ,
угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не-
могъ увѣришъ ихъ, чио славная воля Но-
вогородская оспаєтся въ древней силѣ сво-
ей; однакожъ хопя наружнымъ образомъ
почишивъ успавъ ся, скрыль дѣйствіе са-
мовласпія опѣ проспыхъ гражданъ. Они ду-
мали, чио Святославъ ими избранъ, и вспрѣ-
шили его съ радоспію. Другие видѣли по-
величеля, но молчали, ибо надѣялись жить
спокойнѣе или боялись сильнаго Всеволода.
Согласясь съ Посадникомъ, онъ далъ Новуго-
роду и Архіепископа на мѣсто Марширія,
который, не доѣхавъ до Владіміра, умеръ
близъ Оспашкова. — Вѣроятно, чио Великій

Князь окружилъ юнаго Святослава опытны-
ми Боярами, и чрезъ нихъ управлялъ обла-
стю Новогородскою, такъ же, какъ и юж-
нимъ Переяславлемъ, гдѣ другій, десяти-
лѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Феодоръ,
властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго
брата, Ярослава Мстиславича⁸⁸.

Въ сie время Романъ Волынскій обратилъ на себя общее вниманіе пріобрѣшеніемъ силь-
ной области и ширинствомъ удивитель-
нымъ, если сказаніе Польскихъ Испориковъ Слава
и шир-
праведливо. Знаменитый родъ Воладаря ран-
Галицкаго престъкся: сынъ Ярославовъ, Вла- справо
димиръ, освободивъ наследственную область на.
свою отъца Венгровъ, чрезъ нѣсколько
лько умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся
южная Россія пришла въ движение: каждый
Князь хотѣлъ овладѣть землею богатою,
шорговою, многолюдною⁸⁹. Но Романъ Мстис-
лавичъ предупредилъ совѣтниковъ: вос-
пользованный при Дворѣ Казимира Справедли-
ваго, связанный близкимъ родствомъ съ
его юными сыновьями и вдовствующею су-
пругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстис-
лавича Бельзскаго, которая участвовала въ
важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ
прибѣгнулъ къ Ляхамъ, и съ ихъ помощью
вспустилъ въ спрану Галицкую. Народъ уже
зналъ и не любилъ сего Князя, жестокаго
нравомъ. Вельможи, Бояре, явились въ спанъ
Польскомъ, моля Казимирова сына, Гер-
цога Лешка, «чтобы опять самъ управлялъ

«ими или чрезъ своего Намѣстника, и такимъ образомъ избавилъ бы ихъ отъ бѣда-
«ственного участія въ междуусобіи Князей
«Россійскихъ».⁹⁰» Бояре предлагали дары, се-
ребро, золото, шкани драгоценныя; а гра-
ждане вооружались. Однакожъ Поляки силою
возвели Романа на престоль Галицкій. То-
гда сей Князь, озлобленный общею къ нему
ненавистию Вельможъ, началь свирѣпство-
вать какъ впорый Бузирись въ своихъ но-
выхъ владѣніяхъ. Такъ пишеть современ-
ный Историкъ, Епископъ Кадлубекъ, повѣ-
ствуя, что Романъ умертвилъ лучшихъ
Бояръ Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ
землю, чепчериль, разстрѣливалъ, изо-
брѣщаль неслыханныя муки. Многіе спаслися
бѣгствомъ въ другія земли: онъ старался воз-
вратить ихъ, обѣщаю имъ всякія милости, и
не обманывалъ; но чрезъ иѣсколько времени
вымѣщая клевету, обвиняя сихъ легко-
вѣрныхъ во мнимомъ злоумышленіи, казнилъ
и присвоивалъ себѣ ихъ доспояніе, говоря въ
пословицу: «чтобы спокойно юспъ медо-
вый сонъ, падобно задавинъ пчель»^{91.}»

Можетъ быть, злословіе, легковѣріе или
пристрастіе излишне очернили свойство
Государя ужаснаго для спротивныхъ, мя-
тежныхъ Галичанъ; когда же онъ дѣй-
ствительно, играя жизнью людей, слѣдовалъ
въ своемъ правленіи сей гнусной пословицѣ,
сохраненной и въ нашихъ лѣтописяхъ: что
Князья Россійскіе могли сверженіемъ ширана

услужишиъ человѣческому. Рюрикъ, Ольговичи, бывъ доинолъ въ дружбѣ съ Романомъ, хотѣли ошниять у него Державу Галицкую, снисканную имъ помощію иноzemенниковъ, и соединились въ Кіевѣ, чтобы ишни къ Днѣспру. По дѣятельный Мстиславичъ не ^{Г.} _{1202.} шеряль времени: они еще не вышли въ по-
ле, когда знамена Романовы уже развѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хіпрый Князь, имѣвъ время снеслися съ могущескіемъ Всеволодомъ, съ Черными Клобуками, съ Намѣстниками многихъ южныхъ городовъ, удоспѣвшился въ ихъ доброжелательствѣ. Берендей, Торки прїехали къ нему въ спанъ; города не оборонялись; жищели прежде бишви вспрѣчали его какъ побѣдителя, и самыя Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія ворота Подола. Рюрикъ, Ольговичи трепетали за каменою стѣною въ верхнѣй части города; съ радостію приняли миръ, и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручъ, Черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область. — По условію, сдѣланному съ Великимъ Княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому⁹², Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древняго оружія, защищить Греческую Имперію. Половцы опустошали Фракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его быти спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ Землю Половец-

ую, завоевавъ многихъ вождь, освободилъ шамъ племенныхъ Россіянъ, отвѣскъ варваровъ огъ Константиноополя, и принудивъ ихъ оставивъ Фракію, съ торжествомъ возвратился въ Галичъ.

Спрашій Князь Галицкій ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не жалѣя отечества, они наняли множеству Половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ. Барвары опустошили дома, храмъ Десятинный, Софійскій, монастыри; умертвили старцевъ и послужныхъ; оковали цѣпями молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменитыхъ людей, ни юныхъ жень, ни Священниковъ, ни Монахинь. Одни купцы иноzemные оборонялись въ каменныхъ церквяхъ, споль мужественно, что Половцы всступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частію ихъ товаровъ, и не сдѣлали имъ болѣе никакого зла. Городъ пыталъ; вездѣ спепали умирающіе; невольниковъ гнали плѣнами. Кіевъ никогда еще не видаль подобныхъ ужасовъ въ спбѣнахъ своихъ: былъ взятъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго; но жипели, лишенные имѣнія, оспались тогда по крайней мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіянине, самыя отдаленные, оплакивали несчастніе древней сполицы и жаловались на его виновниковъ. Мало по малу она спова наполнилась жипелями, копорью укрывшись огъ меча Половцевъ и

Г.
1204,
Геніца
1.
Опу-
стос-
щеніе
Києва

спаслись отъ певоли; по сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквяхъ не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похитили и драгоценныя одежды древнихъ Князей Российскихъ, Св. Владимира, Ярослава Великаго и другихъ, которые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и Черниговскіе Владѣтели, довольные злодѣяніемъ, вышли изъ Киева: судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ Февралемъ къ Овручу, и сверхъ чаянія предложилъ шестипъ миръ, убѣждая его опираться отъ союза Ольговичей; склонилъ даже и Всеволода Георгіевича забыть досаду на Рюрика и снова спасти ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе онаго. Такое удивительное великодушіе было одною хитростию: Князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго шестипъ отъ Черниговскихъ Владѣтелей (которые никогда счастливо воевали съ Литвою): примирилъ путь со Всеволодомъ, и въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на Полоцкъ; взяль не мало пленниковъ, скота — и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣль дружинѣ схватить сего несчастнаго Князя, опредѣли въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ, жена его и дочь супруга Романова, въ одно время были пострижены; а сынъ его, зять Все-

По-
спри-
женіе
Рюри-
ка.
володовъ, опведенъ пленникомъ въ Галичъ,
вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Наказавъ
шеспя, Романъ возвратился въ свою об-
ласпь, и хотя, въ угодность Великому
Князю, опустилъ Рюриковыхъ сыновей,
но бѣдный отецъ остался Монахомъ. До-
вольный освобожденіемъ запя, Всеволодъ
посадилъ его на престолъ Кіевскій.

Тогда нынкій, неупомимый Романъ, уступ-
ивъ Великому Князю честь располагать
судбою Кіева, обратилъ свое вниманіе на
Польшу, гдѣ коварный Герцогъ Мечиславъ,
обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ еди-
новласніе. Князь Галицкій весною вступилъ
въ обласпь Сенномирскую, взяль два горо-
да, и прекратилъ военные дѣйствія, услы-
шавъ о смерти спараго Герцога, врага сво-
его и побѣдителя; но возобновилъ ихъ, свѣ-
давъ, что сынъ Мечиславовъ объявилъ себя
Государемъ въ Краковѣ. Беззащитныя села
были жертвою пламени вокругъ Сенномира,
и Послы Лешковы молили Романа оспавить
ихъ землю въ покой. Соглашаясь на миръ, онъ
потребовалъ денегъ за убытки, имъ понесен-
ные, и за кровь Россіянъ, убитыхъ въ сра-
жепіи съ Мечиславомъ; отсрочилъ плашежъ,
но хопѣль, чтобы ему отдали въ залогъ
обласпь Люблинскую. — Въ то же самое
время прибылъ къ Галицкому Князю Посоль-
ство
Иннокентія III, властолюбиваго Папы Рим-
скаго⁹⁵. Уже давно ревностные проповѣдни-
ки Лапинской Вѣры желали оправдати на-

ишихъ предковъ отъ Восточной Церкви: знаменитый Епископъ Krakовскій, Манюей, около половины XII вѣка торжественно возлагалъ на Аббата Клервовскаго, Миссонарія, именемъ Бернарда, обязанность вывесить ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что «Россіяне живутъ «какъ бы въ особенномъ мірѣ, безчисленныи подобно звѣздамъ небеснымъ, и въ хладныхъ, мрачныхъ спранахъ своихъ вѣдая «Спасителя единственно по имени, ожидаючи пламенитворнаго свѣта испинной Вѣры отъ Намѣстника Аноспольскаго; что «Бернардъ, смягчивъ ихъ грубыя сердца, «будесть новымъ Орфеемъ, Амфіономъ⁹⁴; и проч. Сіи усердныя домогательства Римскихъ Фанатиковъ не имѣли успѣха, и Папа, слыша о силѣ Msпиславича, грознаго для Венгровъ и Ляховъ, надѣялся обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый Посоль Инюкентія доказывалъ нашему Князю превосходство Закона Лапинскаго; но опровергаемый Романомъ, искусствы въ прѣняхъ Богословскихъ, сказалъ ему наконецъ, что Папа можетъ его надѣлить городами и сдѣлать великимъ Королемъ посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ собственній мечъ свой, съ гордостью отвѣтствовалъ: «Такой ли у Папы? Доколѣ нопу его Отпри бедрѣ, не имѣю нужды въ иномъ, и ^{вънѣ} Рома «кровию покупаю города, слѣдуя примѣру ^{новь} «нашихъ дѣдовъ, возвеличившихъ землю Рус-

« скую. » — Сей Князь умный скоро погибъ опъ неосторожности⁹⁵: спова объявивъ войну Ляхамъ, споялъ на Вислѣ; съ малою дружиною опѣхалъ опъ войска, вспрѣшилъ непріятелей и палъ въ неравной битвѣ. Галичане нашли его уже мертваго. — Романъ, называемый въ Волынской Лѣтописи *Великимъ и Самодержцемъ всел Руси*, падолго оспавиль память блестящихъ воинскихъ дѣль своихъ, извѣстныхъ опъ Константинополя до Рима. Жеснокій для Галичанъ, онъ быль любимъ, по крайней мѣрѣ опличноуважаемъ, въ наслѣдственномъ Удѣльѣ Владимирускомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ умъ мудrostи, дерзость льва, быстроту орлиную и ревностъ Мономахову въ усмирениі варваровъ, подъ щипомъ Героя не боясь ни хищныхъ Яшвяговъ, дикихъ обишателей Подляшья, ни свирѣпыхъ Липковцевъ, коихъ Испорикъ пишеть, чи сей Князь, одерживая надъ пими побѣды, впрягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли, и чи въ опечистивъ ихъ до самаго XVI вѣка говорили въ пословицу: *Романс! худымъ живешъ, Литвою ореши*⁹⁶. Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ объ немъ съ похвалою, именуя его *мужемъ крѣпкимъ, дѣятельнымъ*. Однимъ словомъ, ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними Князьями. — Дашиль и Василько, сыновья Романовы, втораго брака, оспались еще мла-

1205

Ха-
рак-
теръ
сего
Кня-
зя

денцами подъ надзираніемъ мапери: Галичане волновались, однакожь присягнули въ вѣроносчи Даниилу, имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился; скинувъ одѣрье ^{шаль} жду инока и сѣль на престолъ въ Кіевъ; ^{снова} на прехопѣль разспричь и жену свою, копорая, ^{стю} вмѣсто ^{лѣтъ} штого, немедленно припяла Схиму, осуждая его легкомысліе. Отъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Даниилъ не въ соспояніи ему пропишился, и что шамошніе Бояре не захотятъ лишить крови своей за сына, терпѣвъ много отъ жесѣкости отца. Но мать Даниилова взяла мѣры. Андрей, Государь Венгерскій, все еще именовался Королемъ Галиціи; не спорилъ обѣ ней съ мужескимъ Романомъ и даже былъ его названъ ^{спвія} ^{въ Га} ^{личъ} нымъ братомъ: однакожь не преставалъ жалѣть о семъ упраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣйшее участіе въ происшествіяхъ онаго. Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, предупредила Даниила, говорила, съ чувствительностью мапери, и сдѣлала въ немъ по видимому споль глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быти ея сыну впорымъ иѣжимъ отцемъ. Дѣйствія соопытствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина Венгерская окру-

жила дворецъ Княжескій, заняла крѣпости; повелѣвъ именемъ малолѣтнаго Даніила, грозила казнью впутреннимъ измѣнникамъ, и распорядила защищу оны непріятелей вѣшнихъ, такъ чѣто Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами съ Галицкую землю, встрѣтилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ спыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять Великаго Князя, выгналъ только Ярослава Владимировича, свояка Всеходова, изъ Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ Черниговскимъ, которые отдали его Глыбу Святополкевичу⁹⁷.

Межу тѣмъ Всеходоль Георгіевичъ спокойно господствовалъ на Сѣверѣ: оруды его войска перевозили Болгаровъ, Князья Рязанскіе отражали Донскихъ хищниковъ, а Новгородцы Липву. Житили Великихъ Лукъ съ Воеводою, именемъ Нездилою, ходили въ Лепталю, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской Губерніи, и привели оттуда плѣнниковъ. Новая ссора Россіянъ съ Варягами — вѣроѧтно по торговлѣ — не имѣла никакого слѣдствія: послѣдніе должны были на все согласинься, чтобы мирно купечествовать въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ. Но Всеходоль, будто бы желая защищить Новгородъ оны вѣшнихъ опасныхъ непріятелей, вельми объявилъ па-

мошнимъ чиновникамъ, что онъ даєшь имъ Кон-
стяпраша сына своего, Константина, ибо спа-
опрокъ Святославъ еще не въ силахъ быти
ихъ покровителемъ. Надобно думать, что
Бояре Владимірскіе, пѣспуны юнаго Свято-
слава, не могли обуздывать народнаго свое-
вольства, и что Великій Князь хотѣлъ сею
перемъною еще болѣе утвердить власить
свою надъ Новыимгородомъ. Двадцати-лѣт-
ній Константинъ уже славился мудростію,
великодушіемъ, Христіанскими добродѣліями:
граждане Владимірскіе съ печалію
услышали, что сей любимый юноша, бла-
гопворитель бѣдныхъ, долженъ ихъ оспа-
вить. Отецъ вручилъ ему крестъ и мечъ.
«Иди управлять народомъ,» сказалъ Всеово-
лодъ: «будь его судію и защищникомъ.
«Новгородъ Великій есть древнійше Кня-
женіе въ нашемъ отечествѣ: Богъ, Госу-
дарь и родитель твой даютъ тебѣ спа-
рѣйшинство между всѣми Князьями Рус-
скими. Гряди съ миромъ; помни славное
имя свое, и заслужи онос дѣлами.» Брашья,
Вельможи, купцы, провожали Константина:
шолпы народныя громогласно осипали
его благословеніями. Новгородцы такжे г.
вспрѣшили сего Князя съ изъявленіемъ усер-
дія: Архиепископъ, чиновники ввели въ церковь Софійскую, и народъ присягнуль
ему въ вѣроности. Угостивъ Бояръ въ домѣ
своемъ, Константинъ ревностно началъ за-
ниматься правосудіемъ; охраняя народъ, охра-

1206.
Мар-
та 20.

няль и власиъ Княжескую хощьль дън-
сившелью господствованіи въ своей обла-
сни. Мирные граждане засыпалы покойно.
властолюбивые и мяшечные могли быти
недовольны.

Всеволодъ не имѣль войны съ Чернигов-
скими Князьями, однакожъ не дозволяль дру-
зьямъ своимъ исканіи ихъ союза. Не смоня-
ша то, сваиъ его, Мстиславъ Смоленскій,
въ угодженіе Рюрику вступиль съ ними въ
шѣсную связь, и хощя, боясь упрашеннъ
пріязнъ Великаго Князя, посымаль къ нему
Епископа Смоленскаго, Игнатія, съ друже-
скими увѣреніями⁹⁸, но не хощьль отпинать
опъ Князей Черниговскихъ. Главою ихъ, по
смерти Игоря и старшаго братца, Олега,
быть тогда Всеволодъ Черній, сынъ Свя-
тослава, подобный отцу въ козняхъ, гор-
дый, властолюбивый: напявъ полпы По-
ловцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мстисла-
вомъ Смоленскимъ и съ Берендейми, опъ
випорично предприняль завоеваніе Галицкую
область, и для вѣрѣнія успѣха призвалъ
Ляховъ. Уведомленный о томъ Король Вен-
герскій, Андрей, смыслилъ защищеннъ юныхъ
сыновей Романовыхъ. Уже полки его спу-
стились съ горъ Карпатскихъ; но Даніиль
и Василько не дождались прибытия Андре-
ева. Слыши, что съ одной стороны вдуши
Россіяне, съ другой Лахи, видя такжে спра-
шное волненіе въ земль Галицкой, вдов-
ствующая Киягиня бѣжала съ дѣтьми въ

наследственный Удъль ея супруга, Влади-
міръ Волынскій. Андрей не даль соединиться
Полякамъ съ Ольговичами: спаль между ими,
близъ Владимира, и вспутилъ съ первыми
въ мирные переговоры, коихъ слѣдовіемъ
было то, что Венгры, Ляхи, Россіяне вы-
шли изъ Галича; а жители, съ согласія Ан-
дреева, послали въ Переяславль за сыномъ
Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая,
чтобы онъ въ ихъ земль гospодствовалъ.
Моженть бышъ, сама вдовствующая супру-
га Романова убѣдила Короля Венгерскаго со-
гласиться на сie избрание, въ надеждѣ, что
отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Ге-
оргіевичъ, вообще уважаемый, обуздаенъ
шамъ народъ мяшежный и со временемъ воз-
вратитъ Даніилу достояніе его родителя.
Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ
доброхотовъ, въ особенности Владислава,
знапнаго Вельможу, бывшаго изгнаникомъ
въ Романово время. Опь вѣсить съ други-
ми единомышленниками представлять согра-
жданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ,
а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ
земли; что имъ нуженъ защитникъ близай-
ший; что Ольговичи безъ сомнія не осна-
вятъ Галицкой области въ покой, и чио
лучше добровольно поддаться одному изъ
нихъ. Галичане, шайло отправивъ Пословъ
въ спанъ Россійскій, предложили Владимі-
ру Игоревичу Съверскому бышъ ихъ Госу-
даремъ. Обрадованый Владиміръ почно

укрылся опъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискаль въ Галичъ премя днами ране Ярослава, копорый долженъ быль съ досадою Ѹхань назадъ въ Переяславль.

Князья Сѣверскіе господствующіе въ Галичѣ. Еще гоненіе на семейство Романово пѣмъ не кончилось. Владимиrъ Игоревичъ, исполняя совѣтъ злонамяниныхъ Галицкихъ Бояръ, велѣль объявишъ гражданамъ Владимиrскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ, Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжину браца его, Святослава Игоревича, или гоповились видѣть разрушеніе ихъ сполицы. Усердный народъ хотѣль убить сего Посла, спасеннаго шолько заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичанъ, измѣны собственныхъ Вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Данілова, рѣшилась удалившись, и представила прогательное зрелище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга Князя сильнаго, союзника Императоровъ Греческихъ, уважаемаго Папою, Монархамисосѣдственными, въ шемную ночь бѣжала изъ дворца какъ пресипунница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ мильихъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, Священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролезли сквозь отверстіе сигны, шли во мракъ, не зная куда; наконецъ доспигли

границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ; осыпалъ ласками Княгиню, и пославъ Даніла въ Венгрію съ Вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею: «Ты «быть другомъ его опца: я забыть вражду Романову. Вступимся за изгнанниковъ; «вседемъ ихъ съ честію въ обласпи наслѣдственныя.» Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ велиодушномъ покровительствѣ дарами Владимира Игоревича, коего Послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаний, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ⁹⁹. Сей бывший Князь Удѣла Съверского, вдругъ обладавшій чествованій счастіемъ, едва вѣриль своему величию, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю обласпь Владимирскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Хибрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господствовать на плодоносныхъ Коберегахъ Днѣспра и Сана, безъ сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; однако же скрылъ все неудовольствіе, остался имъ другомъ, и ходилъ иначе удовлетворить своему властолюбию. Всѣ способы казались ему возможными: бывъ союзникомъ Рюрика и Мешки-

слава, онъ спашь ихъ врагомъ; вооруженою рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей обласcki Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручъ; сынъ его, зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣльгородъ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. «Иди къ отцу,» велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: «Пे-«реяславль да будесть Княженiemъ моего сы-«на! Если не исполнишь сего повелѣнія или «будешь домогаться Галича, где власишу-«ешь теперЬ родъ нашего славнаго предка, «Олега: что я накажу дерзкаго, слабаго юно-«шу.» Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля; а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ спѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ Полоццевъ: Рюрикъ сперва отразилъ его; но Чермный призвалъ союзниковъ, Владимира Игоревича Галицкаго и Князей Туровскихъ, попомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно измѣнившихъ своему зялю. Ничто не могло имъ пропастишься. Рюрикъ вспорочно удалился въ Овручъ; Мстиславъ, осажденный въ Бѣльгородѣ, просилъ только свободы возвратившись въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися, и Святославичъ сѣлъ опять на престолъ Кіевскому. Полоццы торжествовали счастливый

Г.
1207.

устыдъ союзника своего грабежемъ и злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣлый народъ, спасая, проспериралъ руки къ Великому Князю.

Всеволодъ Георгіевичъ наконецъ вооружился. «Южная Россія есипъ пакже мое отечество,» сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Константина съ войскомъ Новогородскимъ¹⁰⁰. На берегу Оки соединились съ нимъ Князья Муромскій и Рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлію сего ополчія будесть Кіевъ: случилось, чего никто сихъ не ожидалъ. Великому Князю донесли, что Рязанскіе Владѣтели супрь измѣнники и тайно держатъ спорону Черниговскихъ: онъ повѣрилъ, и сказавъ словами Давида: ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя препинаніе, рѣшился наказать ихъ строго. Не предвидя своего бѣдствія, они собрались въ спаскѣ у Всеволода, чтобы всселиться за Княжескимъ споломъ его¹⁰¹. Всеволодъ въ знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, удалился: Селся: тогда Бояринъ его и Давидъ Муромскій тѣлья 22 явились уличать дѣйствицельныхъ или минимыхъ измѣнниковъ, которые пищепо имѣнемъ Бога клялися въ своей невинности: двое изъ Князей же Рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владимировичи, приспали къ обвинителямъ или клеветникамъ, по выражению Новогородскаго Лѣтописца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками

(дѣпьми Игоря), также иѣкоторыхъ Бояръ; велиль опвезли ихъ въ Владимиръ, окованыхъ тяжкими цѣпами, и всипушилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жишли Пронска, усердные къ своимъ Государямъ, отвергнули мирныя его предложения. Юный Князь ихъ, Михаиль, бѣжалъ къ шеспию, Всеволоду Черному¹⁰²; но граждане, призвавъ къ себѣ другаго Князя Рязанскаго, Изяслава Владимировича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непріятель споялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли со суды водою: узнавъ о томъ, Великий Князь поспавилъ спражу предъ городскими воротами. Кровь лилась ежедневно въ теченіе трехъ недѣль. Осторвененіе гражданъ успокоило наконецъ крайности, ибо многие люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владимировича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множества добычи, и плѣнилъ жену Михаилову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившія Окою сѣстинные припасы войску; но бывъ опражены, изъявили покорность. Епископъ ихъ, Арсеній¹⁰³, вспрѣшилъ Великаго Князя съ моленіемъ. «Государь!» сказалъ онъ: «удер-жи руку меспи; пощади храмы Всеѧннѧ-го, гдѣ народъ приноситъ жертву Небу, и гдѣ мы за тебя молимся. Верховная во-

«ля пъвоя будепть намъ закономъ.» Не имъ надежды съ успѣхомъ пропившися Всеволоду, народъ Рязанскій прислалъ къ нему осипальныхъ Князей своихъ, съ ихъ дѣтьми и женами, въ Владимиръ, куда сей Государь возвращался, свѣдавъ, чи то Рюрикъ опять выгналъ Чернаго изъ Києва.

Всеволодъ Георгіевичъ уже не хотѣлъ разспасться съ Константиномъ довольный Но-Хип-
вогородцами, милостиво одарилъ ихъ въ Ко-
росѣнь ^{Всево-}ломнѣ, и вѣльмъ имъ иппии съ миромъ въ лола.
свою отчизну, сказавъ торжественно: «Ис-
«полняю желаніе народа доброго; возвращаю
«вамъ всѣ права людей свободныхъ, всѣ
«успавы Князей древнихъ. Опныи управ-
«ляйши сами собою: любиши своихъ благо-
«дѣтелей и казниши злодѣевъ!» Сія удиви-
тельная рѣчь Князя властолюбиваго была
хитростю: онъ зналъ неудовольствіе гра-
жданъ, которые жаловались на опягопи-
шельния подати и разныя дѣйствія Княже-
скаго самовласія. Современный Лѣтописецъ
сказываетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, об-
манутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько
времени до Рязанскаго похода прислалъ въ
Новгородъ Боярина своего и вѣльмъ, безъ
всякаго изслѣдовашія, умертвивъ знатааго
гражданина, Алексія Сѣыславича, торже-
ственно, па Вѣчъ Двора Ярославова. Сіе на-
силіе про вело всеобщее негодованіе: сожа-
льши о невинной жерти; видѣли, чи то Кон-
стантинъ есть только орудіе самовласія-

го отца, и что испинный Государь Новагорода живетъ въ Владимирѣ. Опасаясь следствій такого впечатлѣнія, Великій Князь хотѣлъ польстить народу минимъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единству великолѣпіемъ его покровителемъ, а въ самомъ дѣлѣ оспасться Государемъ Новогородцевъ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимирѣ Посадника Димитрія (раненаго въ битвѣ) и семь знаменившихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностью, ему объявленною, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что отъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Суды обратились въ мяшежниковъ: разграбили, сожгли дома обвиняемыхъ; продали ихъ рабовъ, села; раздали деньги: каждому гражданину пришло по нѣсколько гривенъ¹⁰⁴; а Князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Димитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще воленіе не упирю, когда привезли изъ Владимира въ Новгородъ тѣло умершаго Димитрія Посадника, озобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Милюфанъ удержалъ исповѣдныхъ, и вслѣдъ предать оное земль въ Георгіевскомъ монастырѣ, подъ моги-

лы опица Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Свѧтославъ, виорично прѣхаль управлініе Новогородскю обласпю; взяль оспавленную ему часть изъ имѣнія осужденныхъ и согласился довершить народную меспль ссылкою ихъ дѣпіей и родспвениковъ въ Суздаль¹⁰³. Не доспигнувъ еще и юношескаго возраспя, онъ повелѣвалъ шолько имѣнеть, и не могъ предводительствовать войскомъ, которое сражалось тогда съ Лишвою подъ начальствомъ Владіміра Мсниславича: сей юный Князь, сынъ Мснислава Храбраго, господствовалъ во Псковѣ съ согласія Новгородцевъ или Князя ихъ.

Поручивъ обласпль Рязанскую Памѣстни-камъ и Тіушамъ, Всеволодъ скоро опправилъ шуда княжиши сына своего, Ярослава-Феодора. Народъ повиновался ему неохопно, жалѣя о собспвенныхъ Князьяхъ, заключенныхъ въ Владімірѣ. Лѣтописецъ Суздальскій обвиняспъ Рязанцевъ даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили въ племни-цѣ многихъ Бояръ Владімірскихъ: сею ли дерзоспю или чѣмъ другимъ оскорблениій, Всеволодъ пришелъ съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ Послами, которые именемъ народа предложили свои оправданія или требованія, но споль нескромно, что Великій Князь, еще болѣе разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней спрогоспти: велѣль жителемъ выйти съ дѣньми изъ города и зажечь его.

Напрасно хонѣли они моленіемъ смягчишь
грознаго судію: сія сполица Удѣла знамени-
го обратилась въ кучу пепла, и бѣдные гра-
ждане, лишенные опечеспива, были разсе-
яны по опдаленнымъ мѣстамъ Сузdalьска-
го Княженія. Ту же участь имѣль и Бѣлго-
родъ Рязанскій¹⁰⁶. Самый Епископъ Арсений
какъ племянникъ быль привезенъ въ Влади-
міръ. — Князь Изяславъ Владиміровичъ, ко-
торый спасся отъ неволи, и Михаиль, зять
Чернаго, испили Всеволоду опусшошеніемъ
Московскихъ окрестносپей; но сынъ Вели-
каго Князя, Георгій, разбилъ ихъ на голо-
бу.

Въ сіе время дерзнутиъ Владычель ничи-
жнаго Удѣла объявилъ себя врагомъ Госу-
даря спрашнаго для иныхъ, сильнейшихъ
Князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мстис-
лава Храбраго, племянникъ Рюрика, слу-
жилъ ему усердно, прославилъ себя муже-
спіеною, упорною защищою Торческа¹⁰⁷, и
принужденный выѣхать оттуда, получилъ
отъ Смоленскаго Князя Удѣль Торопецкій.
Зная, сколь памянь оща его любезна Но-
вугороду; зная, чио многіе чиновники и са-
мый народъ не люблять шамъ опеки Всево-
лодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользо-
ваніе ихъ шайпымъ расположениемъ; вступ-
илъ съ дружиною въ Торжекъ, племніль
Дворянъ Святославовыхъ, оковалъ цѣпями
Наимѣнико его, взяль ихъ имѣніе. Посоль
Мстиславовъ явился въ Новѣгородъ и ска-

заль народу слѣдуюція слова ошъ имени Князя: «Кланяюся Святої Софії, гробу оша-
«ца моего и всѣмъ добрымъ гражданамъ. Я
«свѣдаю, что Князя угнешающъ васъ и
«что насилие ихъ заспунило мѣсто преж-
«ней вольности. Новгородъ еспь моя ончи-
«на. Я пришелъ возстановитъ древнія пра-
«ва любезнаго мнѣ народа.» Сія рѣчь иль-
нила Новгородцевъ: они прославили вели-
кодушіе Мстислава, единогласно обѣявили
его своимъ Княземъ и заключили Святослава
съ Боярами Владімірскими въ домъ Ар-
хіерейскомъ. Мстиславъ, вспрѣченный съ
громкими восклицаніями радости, немедлен-
но собралъ войско, желая предупредить Ве-
ликаго Князя; но сей Государь, или опаса-
ясь, чтобы Новгородцы въ озлобленіи не
умертили Святослава, или зная ихъ лег-
комысліе и надѣясь управляться съ ними безъ
кровопролитія, не хотѣлъ битвы; предло-
жилъ миръ, назвался опіцемъ Мстислава, и
довольный освобожденіемъ сына, опинустроилъ
всѣхъ кунцевъ Новгородскихъ, задержан-
ныхъ въ Сузdalской области. Обѣ рапи
возврашились, не обнаживъ меча, и Кон-
стантинъ, начальникъ полковъ Владімір-
скихъ, привезъ Святослава къ родинелю.

Великій Князь, завославъ берега Пры, гдѣ г.
еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязан-¹²¹⁰ скіе, доказалъ любовь свою къ общему спо-
сѣ койствію миромъ съ Ольговичами. Глава Ду-
ховенства, Митрополитъ Матвей, быль чами.

посредникомъ, и самъ пріѣхалъ въ Влади-
міръ, къ удовольствію народа; угощенный,
обласканный всѣмъ Княжескимъ Домомъ,
склонилъ Всеволода предать забвенію на-
глое, обидное изгнаніе сына его изъ Перея-
славля. Новыя клятвы утвердили союзъ.
Всеволодъ Чермный споль любиль Кіевъ,
что согласился отдать за него древнюю
столицу своей наследственной области: Рю-
рикъ взяль Черниговъ, а южный Перея-
славль, гдѣ злодѣйствовали тогда Полов-
цы, остался Удѣломъ Великаго Княженія.
Миццополитъ исходатайствовалъ свободу
Княгинямъ Рязанскимъ, но не могъ избавить
Князей отъ неволи. Всѣ были довольны, и
Чернпый въ залогъ вѣроности прислали въ
Г. Владимиръ dochь свою, которая совокупилась
^{1211.} бракомъ съ Георгіемъ, впорымъ сыномъ Be-
ля ^{10.} ликаго Князя.

Въ сіи дни общаго мира земля Галицкая
была позорищемъ неуспройства, жершвою
шежи въ Га- коварныхъ иноплеменниковъ и собственныхъ
личб. враговъ спокойствія. Не смогря на виццнія
и внутрення опасности, на угрозы Вен-
гровъ и Ляховъ, на спропливости народа
и мяпежный духъ Бояръ, безразсудные Іго-
ревичи искали непріятелей другъ въ другъ.
Ромашъ Звенигородскій, озлобленный спар-
шимъ братомъ, ушелъ въ Венгрию, и съ
помощью Короля Андрея изгнавъ Владимира
Игоревича, съмъ па пресполъ Галицкомъ,
къ изумленію Даніиловой матери, которая

надѣялась, что Андрей опѣаспѣ сіе Княжеское сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣщу. Видя междуусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича, и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хопѣли обороняться, отворили ворота и сказали Полякамъ: «вы друзья наши; съ вами племянникъ Великаго Романа.» Сіи мнѣмые друзья ограбили дома, церкви; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владимиру Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ; и чтобы не осправить сыновей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла, опиupшилъ малолѣтнаго Василька княжину въ Бреспѣ, исполняя требование шамошнихъ гражданъ: Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе Венгровъ и Ляховъ: они имѣли случай и не захопѣли восстановить сильного Дому Романова, опасаясь его могущества; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опускшающей Япивлагами и Липвою) казалось благопріятнымъ для Полипки Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичъ и не менѣе слабый Александръ, обязанные милостью сихъ Монаховъ, должны были гостеприимствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или подручниковъ. Первый не сдер-

жалъ, кажется, слова: для шого Андрей присласть войско въ Галичъ съ Вельможею Бенедиктомъ, который, схвативъ Романа (безнечно мывшагося въ банѣ), отправилъ въ Венгрію, а самъ началь свирѣпствованій какъ *Антихристъ*, по выражению Лѣтописца, удовлетворяя гнуснѣйшимъ вожделѣніямъ своего развратнаго сердца, пѣсня чиновниковъ и гражданъ. Кто имѣлъ богатство или прекрасную жену, не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ тиранство, подвергался казни или започенію. Въ числѣ смѣлыхъ Боярь находился Тимоѳей Книжникъ, родомъ Кіевлянинъ: онъ дерзнуль укорить злаго Власпелина и едва могъ спастися бѣгствомъ. Такъ и во время Андреева правленія въ Галичъ насильствовали Венгры: по крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право Государя, сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и Вельможи искали способа избавиться отъ иноплеменнаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозваниемъ *Пъмый*, сынъ Ярослава Луцкаго, господствую въ Переопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ прїѣхалъ съ дружиною къ Галичу; но Венгры остереглися: спрахи ихъ спояли у воропѣ; пишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участіи Берладникова сына, удалился. Здѣсь Лѣтописецъ прибавляетъ, что близъ Дѣспра находилась древняя могила, именуемая *Галичиною*, отъ

коей произошло имя *Галиції*; что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвель его на сю могилу, и сказалъ: «Князь! теперь безъ «спыда можешь вѣхать назадъ: ты былъ «на Галичинѣ!»

Въ сie время Романъ Игоревичъ бѣжалъ изъ Венгрии и примкнулъ къ братомъ Владимиromъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословленнаго ихъ княженія. Они собрали войско и заспалили Бенедикта уйти въ Карпатскія горы. Спокойствіе восстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святоплавъ Игоревичъ, освобожденный Поляками, взялъ себѣ Переяславль; Владимиръ, какъ старшій, остался княжинъ въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другаго сына пославъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и власнитовать безопасно.

Говоряще, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сю выгоду только для умовъ основательныхъ; другое, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новые заблужденія. Желая утвердиться на шапкомъ пронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствіи шамонинъ Вельможъ, и приписывая блестящее государствованіе Романа Мстиславича одной его спротивы, Игоре-

виши вздумали казнью первостепенныхъ Бояръ обуздань пародъ, и погубили себя невозвращено: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ суда, исполнителіи Княжеской воли хвашали знапитѣйшихъ людей, убивали, и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спасиця, и въ шомъ числѣ Бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были пресполомъ Галицкимъ. Сей Вельможа, вмѣстѣ съ другими бѣжалъ въ Венгрию, молилъ Андрея, чтобы онъ даль имъ опрошка Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость Королевскую. Непрестанно лаская Даніила — обѣщаю что усыновишь, что женишь его на своей дочери — Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго Князя, нежели собственнымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, ненавистныхъ Россіянамъ; думая, что юный Даніиль, опчастии имъ воспитанный, охопнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требование Галицкихъ Бояръ, и Владиславъ, окруженный полками Венгровъ, вступилъ съ Княземъ опрокомъ въ предѣлы опечества. Города сдавались. «За кого вамъ сражаться?» говорилъ олушевленный местною Владиславъ:

«за убийцъ ли, которые злодѣйски умер-
пвили вашихъ опицевъ и братьевъ, похи-
тили ихъ имѣніе, женили рабовъ на доче-
ряхъ Боярскихъ?» Граждане Переяславля вы-
дали ему Святослава Игоревича¹⁰⁸. Романъ
въ Звенигородѣ оборонялся, призвавъ Полов-
цевъ. Но всѣ соседственныѣ Князья возстали
на Игоревичей: Александръ Владимірскій,
Ярославичи, Ингварь Луцкій и Мстиславъ
Нѣмый; малолѣтній Василько прислали изъ
Бельза къ брату Даниилу свою дружину; са-
мые Ляхи соединились съ Венграми, чтобы
участствовать въ выгодахъ сего ополченія.
Романа Звенигородскаго пленили въ бѣгствѣ:
Владиміръ ушелъ. Юному Даниилу вручили
державу Княжескую. Родительница спѣшила
обнять его: онъ не узналъ матері, бывъ
долго въ разлука съ нею; но пѣмъ болѣе
изъявилъ чувствительности, услышавъ опять
нее имя сына, и видя ея радостныя слезы.
Среди Вельможъ и народа сей величествен-
ный опрокъ уже казался повелителемъ, bla-
городною наружностью предвѣщаю свою бу-
дущую знаменитость.

Но еще не могъ онъ власпнововать дѣй-
ствительно: Венгры, Ляхи, Князья сосед-
ственные и гордыя Бояре падѣялись поль-
зоваться его малолѣтствомъ. Ему опѣдали
Галичъ, но Владиміръ оспался за Алексан-
дромъ, Червенъ за Всеволодомъ, Алексан-
дровымъ братомъ. Въ самомъ Галичѣ Да-
ниилъ находился подъ опекою своевольныхъ,

недостойныхъ Всльможъ, и не могъ спасши Русского имени опть поношеннія, будучи свидѣтелемъ гнуснѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, Великій Дворецкій, именемъ Попъ, и другіе, избѣгнувъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ Королю; но Бояре Галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни. Венгры колебались: наконецъ, убѣжденные дарами, выдали имъ жерпвы, и Галичане рѣдкимъ пеисповѣдомъ заслужили въ древней Россіи имя безбожныхъ, данное имъ въ современной лѣтописи: били, шерзали и повѣсили своихъ бывшихъ Князей¹⁰⁹. Сие государственное преступленіе должно спровало бы вооружить всѣхъ попомковъ Св. Владимира: къ сожалѣнію, кончина Великаго Князя и новыя междуусобія отвлекли ихъ вниманіе опть мялежной земли Галицкой.

Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Повагорода, назначилъ ему въ Удѣль Росповъ съ пятью городами; за пѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ Великокняжескаго доспоянства, съ 1212. пѣмъ, чтобы онъ успѣшилъ Росповскую область брату Георгию. Константинъ не Непо- хотѣлъ выѣхать изъ своего Удѣла, желая виновеніе наследовать цѣлое Великое Княженіе Су- Кон- здальское¹¹⁰. Раздраженный споль явнымъ спан- неповиновѣемъ, отецъ созвалъ Бояръ изъ пиша. всѣхъ городовъ, Епископа Іоанна, Игуменовъ, Священниковъ, купцовъ, Дворянъ, и въ ихъ

многочисленномъ собрании объявили, что наследникомъ его долженъ быть впорть сынъ Георгій; что онъ ему поручаетъ и Великую Княгиню и меньшихъ братьевъ. Константина любили, уважали; но безмолвствовали предъ священою властью опиа: сынъ послушный казался преступникомъ, и всъ, исполняя волю Великаго Князя, присягнули избранному наследнику. Константина оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ Лѣтописцы, со гневомъ воздвигъ брови свои на Георгія. Добрые сыны опечестива съ горестию угадывали слѣдствія.

Всеволодъ Георгіевичъ, княживъ 37 лѣтъ, Апрѣль 15. спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ-^я Кон- сяпъ-осьмомъ году жизни, оплакиваемый не чиша-^и только супругою, дѣтьми, Боярами, но и рак-^и всѣмъ народомъ^{!!!}: ибо сей Государь, назы-^и ваемый въ лѣтописяхъ Великимъ, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, Всево-^и и строго наблюдалъ правосудіе. Не бѣдные, лода Вели-^{каго.} не слабые препепали его, а Вельможи ко-
рыстолюбивые. Не обищаясь лица силыихъ, по словамъ Лѣтописца, и не туне нося мечъ, ему Богомъ данный, онъ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться шамъ хипросии, а не человѣколюбію: иногда мѣшилъ жестоко, по хопѣль всегда казапъся справедли-
вымъ, уважая древнія обыкновенія; требо-
валъ покорности отъ Князей, но безъ вы-
ны не опинималъ у нихъ пресполовъ, и же-

жалъ властивовать безъ насилия; повелѣвая Новогородцами, льстить ихъ любви къ свободѣ; мужественный въ битвахъ, и въ каждой побѣдитель, не любилъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствоватъ (хвала не всегда заслуживаемая Царями!), и хотя не могъ называться Самодержавнымъ Государемъ Россіи, одинакожъ, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни Единовластия. Новѣйшіе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего Князя, говорятъ, что онъ довершилъ месть начашую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, вельможъ запинь въ коробъ и бросилъ въ воду. Сие извѣстіе согласно опчастии съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владимира есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣrie прибавляютъ, что ихъ донынѣ плаваютъ въ коробѣ¹¹²!

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычай, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромъ города Остера, имъ возобновленного, онъ построилъ крѣпости въ Владимирѣ, Переяславль Залѣскомъ и Суздалѣ¹¹³.

Всеволодъ въ 1209 году сочпался впервымъ бракомъ съ дочерью Вишебскаго Князя, Василька Брячиславича¹¹⁴. Первою его

супругою была Марія, родомъ Ясьша, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни спрадая піажкимъ недугомъ, она изъявляла удивительное терпѣніе, часпо сравнивала себя съ Іовомъ¹¹³, и за 18 дней до кончины посприглась; готясь умереть, призвала сыновей и закли-Мунала ихъ жить въ любви, напомнивъ имъ¹¹⁴ мудрыя слова Великаго Ярослава, чпо ме-Вели ждоусобіе губитъ Князей и опечество, воз-Кня величенное шрудами предковъ; совѣтовала ини. дѣшамъ быти пабожными, презывыми, во-общѣ привѣтильными и въ особенности ува-жать спарцевъ, по изрѣченію Библіи: со мнозѣмъ времени премудрость, со мнозѣмъ житіи вѣдѣніе. Лѣтописцы хвалить ее так-же за украшеніе церквей серебряными и золотыми сосудами; называютъ Россійскою Еленою, Феодорою, впорою Ольгою. Она была материю осьми сыновей, изъ коихъ двое умерли во младенчествѣ. Лѣтописецъ Сузdal'скій, упоминая о рожденіи каждого, сказываетъ, что ихъ на чеївертомъ или пятомъ году жизни торжественно постри-По гали и сажали на коней въ присутствіи спри-Епископа, Бояръ, гражданъ; чпо Всеволодъ¹¹⁵ давалъ тогда пиры роскошные, угощаль Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а Бояръ шапками и мѣхами. Сей доспопамяшный обрядъ шакъ называемыхъ *Постригъ*, или первого обрѣзанія волосовъ у дѣней мужескаго по-

лу, кажеся османкомъ языческия: знаменовалъ вспущеніе ихъ въ бытие гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ¹¹⁶, и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ: на примѣръ, у Лиховъ, коихъ древнійшій Испорикъ писалъ, что два спранника, богато угощенные Паспомъ, отстригли волосы его сыну-младенцу и дали имя Семовища¹¹⁷.

Въ Испорію сего времени входить слѣдующее любопытное извѣсніе, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ достовѣрное. После 1175 года не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о сыне Андрея Боголюбскаго, Георгіи; но онъ являлся важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ Испоріи Грузинской. «Въ 1171 году юная Тамаръ, дочь Царя, Георгія III, наследовала престолъ родителя. «Духовенство и Бояре искали ей жениха: «тогда одинъ Вельможа Тифлісскій, име- «немъ Абуласанъ, предложилъ собранію, что «сынъ великаго Князя Россійскаго, Андрея, «дядео Всеволодомъ изгнанный и започен- «ный въ Савалту, ушелъ оттуда въ Синич- «къ Хану Кипчакскому (или Половецкому), «и что сей юноша, знаменитый родомъ, «умомъ, храбростію, достоинъ быть су- «пругомъ ихъ Царицы. Одобрили мысль «Абуласанову; послали за Княземъ, и Та- «маръ сочепалась съ нимъ бракомъ. Несколь- «ко времени быть счастливъ супруги и сла- «вою Государства, онъ перемѣнился въ дѣ-

«лахъ и нравъ: Тамарь, исполняя волю Со-
«вѣта, долженствовала изгнать его, по
«щедро наградила богатствомъ. Князь уда-
«лился въ Черноморскія области, въ Гре-
«цію; вельжизнь странника, скучаль, воз-
«вратился опять въ Грузію, преклонилъ къ
«себѣ многихъ жителей и хопъль взялъ
«Тифлісъ; но, побѣженный Тамарію, съ
«ея дозвolenія, безопасно и съ честію вы-
«ѣхалъ, неизвѣстно куда.» Сія Тамарь слави-
лась побѣдами, одержанными ею надъ
Персіянами и Турками; завоевала разные го-
рода и земли; любила Науки, Испорію, Спин-
хопворство, и время ея счидалось златыемъ
въкомъ Грузинской Словесности. Сынъ Та-
маринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери
царствовалъ отъ 1198 до 1211 года¹¹⁶.

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственныя слу-
чаи долговременного княженія Всеволодова.
Два раза горѣль при немъ Владимиръ: въ
1185 году огонь разрушилъ шамъ 32 цер-
кви каменные и Соборную, богато украшен-
ную Андреемъ; ся серебряные паникадила,
златые сосуды, одежды служебные, выши-
шыя жемчугомъ, драгоценными иконы, пар-
чи, куны или деньги, хранимые въ шеремѣ-
ти, и всѣ книги были жершвою пламени.
Чрезъ пять лѣтъ случилось такое же не-
счастіе для цѣлой половины Владимира: едва
могли опустошить дворецъ Княжескій; а въ
Новгородѣ многіе люди, успращенные без-
препанными пожарами, оставили дома и

Раз- жили въ пог҃ѣ: въ одинъ день сгорѣло шамъ
пъя бѣд- 4500 домовъ. Многіе другіе города: Руза,
сивія. Ладога, Росговъ, обрашились въ пепель.

Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то об-
щая болѣзнь въ городахъ и селахъ: Лѣпоп-
исцы говорятъ, чио ишь одинъ домъ не
избѣжалъ заразы, и во многихъ не кому бы-
ло принесши воды. Въ 1196 году вся об-
ласть Кіевская чувствовала землетрясеніе:
домы, церкви колебались, и жители, не
пріученные къ сему обыкновенному въ жар-
кихъ климатахъ явленію, трепетали и па-
дали ище отъ страха.

Взя- Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ
тие Царя Крестопосцами Царьградъ: происшествіе
Царя града. важное и горестное для тогдашнихъ Россі-
янъ, пѣсно связанныхъ съ Греками по Бѣ-
рѣ и торговль! Взятие Царяграда и Кіева
случилось въ одинъ годь (1204): суевѣрные
Лѣпописцы наши говорятъ, чио многія
спрашныя явленія въ шу зиму предвѣщали
бѣдствіе; чио небо казалось въ огнѣ, ме-
тешоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ
цвѣтъ крови. Французы, Венециане, ограб-
бивъ богатые храмы, похитивъ драгоцен-
ности искусства и мощи Святыхъ, избра-
ли не только собственного Императора, но
и Патріарха Латинскаго: Греческій, оспа-
вивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ
одномъ бѣдномъ хипонѣ уѣхалъ на осль во
Ѳракію. Папа Инокентій III, желая вос-
пользоваться силь слукаемъ, ишаль къ Ду-

ховенству нашему, что Вѣра испинная торжествуетъ; что вся Греческая Имперія уже ему повинуєтъся; что одни ли Россіяне захопятъ быть отверженными отъ наиславы Христовой; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что въ онаго все должно погибнуть; что Кардиналь Г., мужъ ученьй, благородный, Посолъ Намѣстника Апостольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣщелемъ Россіи, испрѣбителемъ ея заблужденій¹¹⁹, и проч. Сие Паскырское увѣщаніе не имѣло никакого слѣдствія, и Митрополиты наши были опровергнуты посправляемы въ Никеѣ, новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ Патріарховъ, до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царягра-да.

Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Мейнгардѣ, проповѣдникѣ Лапинской Вѣры въ Ливоніи: преемники его, утверждаемые Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ, для вѣрийшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибегнули къ оружію, и Папа опускаль грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ Креста лиль кровь упрамыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли полпами отправлялись туда спрансивущіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ, искать спасенія души въ убийствѣ людей. Третій Епископъ Ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удоб-

ное для приспани, въ 1200 году основалъ Орденъ Мече- городъ Ригу, а въ 1201 Орденъ Христовыхъ воиновъ или *Меченосцевъ*, кошорымъ Папа, Иоанненій III, далъ успавъ славныхъ *Рыцарей Храма*, подчинивъ ихъ Епископу Рижскому: крестъ и мечъ были символомъ сего новаго братства. Россіяне назывались господами Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Кокенойсь (нынѣ Кокенхузенъ); однакожъ, собирая дань съ жишелей, не препяспивали Альберту волею и неволею кре- спиши идолопоклонниковъ. Сей хитрый Епископъ отъ времени до времени дарилъ Князя Полоцкаго, Владимира, увѣряя его, чи то Нѣмцы думають единипенно о рас- пространеніи испанской Вѣры. Но Аль- берти говорилъ какъ Христианинъ, а дѣй- спивалъ какъ Политикъ: умножалъ число воиновъ, спроилъ крѣпости, хопѣль и ду- ховнаго и мірскаго господства. Бѣдные жи- шели пе знали, кому повиноваться, Россія- намъ или Нѣмцамъ: единоплеменники Фин- новъ, Ливъ, желали, чи чтобы первые осво- бодили ихъ отъ приспива Рыцарей, а Латыши изъявляли усердіе къ послѣднимъ. Наконецъ Князь Владимиръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Икскуль, и не могъ въ 1200 году взять Кирхгольма, ибо Россіяне, искусные спрѣлки, по сказа- нию Ливонскаго древняго *Лѣтописца*, не умѣли дѣйспивать пращею; хотя и иере- няши сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая

камни, были ими свои. Владими́р снялъ осаду—услышавъ, что многие чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливонії — и Двилою возвратился въ Польскъ. Флопъ, испугавшій Россіянь, былъ Даніскій: Король Вольдемаръ въ угодноснъ Папъ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣль осповѣдать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лундескаго Архіепископа, знаменишаго ученоснью Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Католической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами Христіанъ, не могли защищить себя. Современный Лѣшоницѣцъ разсказываетъ случай любопытный: Лашини бросили жеребей, какую Вѣру принять имъ, Пѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкопюрою благодариюю хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земинника или даровавшеля земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливъ и Чудь назвали самаго Творца вселенія именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христіанами, но ходили еще молитвясь въ лѣса священные, приносили жертвы древамъ, ежегодно торжествовали праздникъ

усопшихъ съ обрядами язычества, и клади въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мертвому: «иди, пеcчастнѣй, въ міръ луч-ший, гдѣ Пѣмцы уже не могутъ господствов-«вать надъ тобою, а будущь твоими ра-«бами¹²⁰!» Сей бѣдный народъ въ печеніе вѣковъ не забывалъ насилия своихъ жесно-кихъ просвѣщелей! — Доволыній услугами Рыцарей, Епископъ Альбертъ уступиши имъ престію части покоренной Ливонії; спарался болѣе и болѣе утверждать шамъ свое владычество; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кокенойса, принудивъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всево-лода, быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь, женатый на дочери одного знаннаго Липовца, господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ мно-го зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Липовскихъ грабителей чрезъ Двину и доспавляя имъ съѣспные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ споли-цу Всеволода, плюшивъ его Княгиню, мпо-гихъ жителей, и съ тѣмъ условіемъ воз-врашилъ имъ свободу, чтобы сей Князь опоказался отъ союза съ Липовцами и па-всегда подарилъ свою область Богородицѣ, то есть Епископу. Всеволодъ подъ премя знаменами клялся вѣрно служить Машери Божій; торжественно назвалъ Альберта опцемъ; призналъ себя его Намѣшникомъ въ Герсикѣ¹²¹! Но съверная часть Ливонії

оставалась еще независимою отъ Нѣмцевъ: шамъ хопѣль господствовать храбрый Мсниславъ Новогородскій. Взявъ мѣры для безопасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брату, Князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западные берега Чудскаго озера, собираясь дань и смирять непокорныхъ; осаждая крѣпость *Медвѣжью* голову или Оденпе, и взялъ съ жителей 400 гривенъ ногатами или кунами. Нѣмецкій Лѣтописецъ прибавляєшъ, что Князь Новогородскій, кресливъ тогда нѣкопорныхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ Поповъ, но что Альбертовы Миссіонаріи предупредили Россіянъ, и скоро ввели шамъ Вѣру Лапинскую.

Заключая описание доспопамятных временъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной и къ свѣтской Испорѣ нашего опечества. Въ 1212 Духов-
году Новгородцы, недовольные Святыш-
лемъ Митрофаномъ, безъ всякаго сношенія хов-
съ Главою Духовенства, Митрополитомъ въ Но-
Киевскимъ, изгнали своего Архіепископа въ вѣт-
выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго родѣ.
гражданина, Добрыню Ядренковича, ко-
торый не задолго до того времениѣ ъздилъ
въ Царьградъ и поспригся въ монастырь Хутынскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка Св. Варлаамомъ, близъ Волхова. Такъ Цо-

вогородцы судили и Князей и Святителей, думая, что власть мірская и духовная про-
исходитъ отъ народа¹²².

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРСКІЙ,
КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Г. 1212—1216.

Междоусобie. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Польши Мешко-слава. Спрогоспъ Ярославова. Голодъ въ Новѣ городѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мешко-слава. Епископъ Симонъ.

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія Вельможъ, возвратилъ свободу Князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и Епископу Арсенію. Великое Княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ обласни:

Г. 1212. Георгій господствовалъ въ Владимирѣ и Суздалѣ; Константинъ въ Росішѣ и Ярославѣ; оба желали единовладія и счищали собіе другъ друга хищниками. Брашня ихъ также раздѣлилась: Ярославъ-Феодоръ, начальствуя въ Переяславль Залѣскому, взялъ спорону Георгія, равно какъ и Святославъ, получивъ въ Удѣль Юрьевъ Польский; Димитрій-Вла-

диміръ остался вѣрнымъ Константину. Ростовскій Князь обратилъ въ пепель Конструму, плѣшилъ жишелей¹²³; Георгій два раза приступалъ къ Ростову, и заключивъ весьма неискренній миръ съ Константиномъ, выслалъ Дамишрія изъ Москвы. «Даю тебе» (сказалъ онъ) «южный Переяславль, нашу опчину; господствуй въ немъ и блюди землю Русскую.» Дамишрій, какъ бы предчувствуя бѣдствіе, неохотно покхаль въ сей Удѣль, нѣкогда знаменитый и споль любезный для его дѣда; женился шамъ на племяннице Всеволода Чернаго, и едва опрѣдливъ свадьбу, долженствовалъ сразиться съ Половцами; не могъ одолѣть варваровъ, и плѣненный ими, былъ опведенъ въ вежи. Онъ года чрезъ шри освободился и княжилъ послѣ въ Стародубъ на Клязь¹²⁴.

Рюрикъ скончался¹²⁵. Князь презывай, пажинъ, усердный строитель церквей, впрочемъ не имѣвшій доброй славы братьевъ своихъ: ни кромѣ Романовой, ни швердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храбраго. Всеволодъ Чернинъ, желая одинъ начальствовать въ южной РОС-ИЗСІИ и не боясь уже никого по смерти Великаго Князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ Удѣловъ Киевской области. Къ сему насилию онъ прибавилъ клевету: «Вы» (говорилъ Всеволодъ) «хопѣли гланіе Мономахова изъ вадои Рос-«овладѣть Галичемъ, возмущили шамъ на-сїи

«роль, повъсилъ моихъ братъевъ какъ разъ «бойниковъ; вы гнусныи злодѣяніемъ по- «срамили имя отечества?» Изгнанники, уда- ляясь въ обласць Смоленскую, требовали защищы отъ Мстислава Новгородскаго. Сей мужественный Князь былъ тогда спра- жемъ съверо-западной Россіи: съ одной сто- роны превожили онуу Липовцы, съ дру- гои властолюбіе Нѣмцевъ угрожало ей ве- ликими опасностями. Первые дерзнули во- рваться въ самый Псковъ, копораго жите- ли — изгнавъ Князя своего, Владимира Мстис- лавича, за его дружескую связь съ Риж- скимъ Епископомъ — ходили тогда въ Чуд- скую землю для собранія даніи¹²⁶. Липовцы не могли завладѣть городомъ, но выжгли его и разорили окреиности. Мстиславъ Новгородскій далъ Псковицамъ ишаго Кня- зя, своего племянника двоюроднаго, Всево- лода Борисовича, а Владимиръ удалился въ Ригу, будучи върыты союзникомъ Ордена и племѧ Епископова брата, Дириха. Пришяпый имъ какъ другъ и свойствен- никъ, онъ имъль случай оказать Цѣмцамъ важную услугу. Современный Лѣтописецъ Ливонскій разсказываетъ, что Князь Полоц- кій, Владимиръ, желая объяснившись съ Епи- скопомъ Альбертомъ, назначилъ ему сви- даніе на берегу Двины, близъ нынѣшняго Крейцбурга. Альбертъ приѣхалъ туда съ Рыцарями, старѣйшинами Ливонскими, куп- цами Нѣмецкими и съ Владимиромъ Мстис- лавичемъ.

славичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Аль-Блано-
бершу, чтобы онъ не тревожилъ язычни- разу-
ковъ и не принуждалъ ихъ крестиниться; Рос- міє
чию Нѣмцы должны съдованіи примѣру въ дѣ-
Россіяне, кошорые довольствующіе поддан- лахъ
спивомъ народовъ, оставляя имъ на волю Вѣры.
вѣришь Спасителю или не вѣришь. «Нѣнь!»
опѣвъпсивовали съ жаромъ Епископъ: «со-
«вѣстъ обвязываетъ меня крестинъ идоло-
«поклонниковъ: шакъ угодно Богу и Папѣ!»
Князь грозился обратить въ пепель Ригу,
и въ гнѣвѣ обнажилъ мечъ: Рыцари шакже
изгощовились къ битвѣ; но Владіміръ Мспи-
славичъ спалъ между ими, молилъ, убъ-
ждалъ, и сдѣлалъ наконецъ то, что Князь
Полоцкій, отдавая справедливость неуспра-
шимости Рыцарей, совершиенно уступилъ
имъ всю южную Ливонію. Сей Князь чрезъ
нѣсколько лѣтъ думалъ поправить свою
ошибку и выгнать Нѣмцевъ; но упалъ мѣр-
вый въ самую шу минушу, какъ хопѣль
сѣсть на ладно и плыть къ устью Двины,
чтобы осадить Ригу¹²⁷. Господствуя въ
южной Ливоніи, Рыцари желали покорить
и съверную, вмѣстѣ съ Эспонію: узнавъ,
что отряды ихъ грабяшь шамошнихъ жи-
шелей, Мспиславъ Новогородскій собралъ
15,000 воиновъ; вмѣстѣ съ Княземъ Псков-
скимъ и Давидомъ Торопецкимъ, братомъ ^{двиги} Мсти-
 своимъ, выступилъ въ поле; доходилъ до ^{слава.}
самаго моря. Не вспрѣшивъ нигдѣ Нѣмцевъ,
кошорые заблаговременно ушли назадъ въ

Ригу, онъ требовалъ дани съ Чуди, осаждаль Воробынъ или Верпель, взяль съ гражданъ 700 гривень ногатами и разорилъ многія окрестныя селенія¹²⁸. Сія западная часть нынѣшней Эспландской Губерніи находилась тогда въ цвѣпущемъ состояніи; земледѣльцы жили въ изоблії, и деревни были хорошо выстроены: къ несчастію, Альбертовы Рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эсплонію.

Мстиславъ, опдавъ двѣ части взятой дани Новогородцамъ, а препью своимъ Дворянамъ или дружинѣ, спѣшиль онъ береговъ Балтийскаго моря къ Днѣпру; прибывъ въ Новгородъ, собраль Вѣче на Дворъ Ярослава и предложилъ народу опмѣнить Все-володу Черному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо онъ старался имъ угоджать) и единодушно опившись говорили: «Князь! куда обращиши свои очи, шамъ будущъ наши голо-«вы!» Сие усердіе вдругъ охладило на пупи. Новогородскіе воины поссорились съ Смоленскими, убили одного человѣка въ дракѣ и торжественно объявили, что не хотятъ идти далѣе. Напрасно Князь звалъ ихъ на Вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣнія. «И такъ мы должны расстаться,» сказалъ Мстиславъ безъ всякой укоризны; дружески проспился съ ними, и вышелъ съ братьями изъ Смоленска. Новогородцы изу-

мились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ, что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь широнула Новгородцевъ, легкомысленныхъ, однакожь чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великолушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностию, неперѣмѣво желали бѣгвы. Скоро война кончилась. Города опроверяли ворота; два Князя отдалися въ плѣнъ. Всеволодъ Святославичъ бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговѣ и съ горестию умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностию и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому¹²⁹.

Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла опзываютъ его въ южную Россію; что онъ будеи всегда защитникомъ Новгородцевъ, однакожь даетъ имъ волю избрать себѣ иного Князя. Народъ сожалѣлъ обѣ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя споль великодушнаго; наконецъ отправилъ Посадника, Тысяческаго и десять сиарѣйшихъ купцовъ звать Феодора Всеволодовича, Мстиславова зятя¹³⁰. Ярославъ-Феодоръ началъ

Спро- свое правлениe спрогоспио и наказанiями: Ярославъ сославъ въ Тверь нѣкоторыхъ окованныхъ слава. цѣпами чиновниковъ, велѣль разграбиши

дворъ Тысячскаго, оклеветаннаго врагами, взявъ подъ спражу сына и жену его. Возбужденный самимъ Княземъ къ дѣйствiямъ своевольнымъ, народъ искалъ жерновъ, новыхъ преступниковъ: умертвили самъ со-бою двухъ знаменитыхъ гражданъ; а Князь съ досады на сихъ мятежниковъ уѣхалъ въ Торжекъ.

Го-
лодъ
въ Но-
вогор-
одѣ.

Между тѣмъ въ окрестностяхъ Новагорода сдѣлался неурожай: Ярославъ, ослѣпленный злобою, захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣстахъ и не пускилъ ни воза въ сполицу. Тщетно Послы убѣждали Князя возвращаться: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призвавъ къ себѣ жену изъ Новагорода, гдѣ уже свирѣпствовалъ голодъ. Четверть ржи споила около трехъ рублей шесѧдесѧти копѣекъ нынѣшними серебряными деньгами, овса рубль 7 копѣекъ, восьмь два рубли 86 копѣекъ. Бѣдные ѿли сосновую кору, липовый листъ и можъ; отдавали дѣшней всякому, кто хотѣлъ ихъ взять, — помиались, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на снѣденiе пасмъ, и люди полгами бѣжали въсосѣдственныя земли, чтобы избавиться отъ ужасной смерти. Въ послѣдній разъ Новогородцы молили Ярослава упѣшишь ихъ своимъ присущiемъ. «Иди къ Св. Софiи», говорили они: «или скажи, что не хочешь бытъ нашимъ

Княземъ.» Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, виѣспѣ съ купцами Новогородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли опчагніе; а Намѣстникъ Ярославовъ и Дворянѣ его были равнодушными зришелями народнаго бѣдствія. Въ то время явился Г. упѣшишель: Мстиславъ великодушный. Но-¹²¹⁶ Февр. vogородцы съ воспоргомъ увидѣли его на 11 Дворѣ Ярослава. Сей Князь говорилъ, что онъ помнилъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободилъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжкѣ, возстановилъ благоденствіе Новагорода, или положилъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ спражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника объявилъ зяїю, чтобы опъ, если желаешь оспаниться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно возвратилъ свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новогородскимъ. Съ гордоспю опровергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготповился къ войнѣ; сдѣлалъ на пупи засѣки, укрѣпленія, и прислалъ спо знаменишыхъ Новогородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаниемъ выпроводить општуда его шеспя. Но сіи люди, видя единодушіе согражданъ, приспали къ нимъ съ радостю. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полъ всѣхъ бывшихъ у него Новогородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ; оковалъ цѣпями и послалъ въ свой городъ, Переславль

Залѣскій, опиная у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущество брата, Георгія Владимірскаго, онъ грозился наказать шестя, и съюю поднялъ руку на кровопролитіе междуусобное. Состояніе Новагорода было доспойно жалостно: голодъ, болѣзни испребили не малую часть его жителей; другіе скитались по землямъ чуждымъ; знающіе люди спенали въ темницахъ Сузdalльской области; дома и цѣлья улицы опустѣли. Мстиславъ, собравъ Вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужествомъ. «Оспавимъ ли братъевъ въ заключеніи и «поспѣдной неволѣ?» говорилъ онъ народу: «Да воскреснеть величие сполицы! да не «будешъ она презришельнымъ Торжкомъ, «ни Торжекъ ею! Новгородъ шамъ, гдѣ Свѧтая Софія. Рать наша малочисленна; но «Богъ заспушникъ правыхъ, и сильного и «слабаго!» Всѣ казались единодушными; однакожъ нѣкоторые, шайно доброжелательныя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мстиславъ выступилъ съ осипальными и съ братомъ, Княземъ Владиміромъ Псковскимъ (копорый, бывъ нѣсколько времени начальникомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ¹⁵¹).

Сія война имѣла важное слѣдствіе: Князь Новогородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, по принужденіи искать управы мечемъ, взялъ свои мѣ-

ры какъ искусный Военачальникъ и Поли-
тический. Предвидя, что Георгій Всеволодовичъ
будетъ всѣми силами помогать меньшему
братью, Мстиславъ заключилъ шайкыи со-
юзъ съ Константиномъ и далъ ему слово
возвести его на престолъ Владимірскій. Не-
пріятелись дѣйствія началися въ Торопец-
кой области. Святославъ Всеволодовичъ,
присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ де-
сятью тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ на-
ходилось только 100 воиновъ; но Князь Но-
вогородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками,
заспавилъ осаждающихъ удалившись, и взяль
укрѣпленный Зубцовъ. Дружина Мстиславово-
ва хотѣла прямо идти къ Торжку; но Князь,
призвавъ Владимира Рюриковича изъ Смолен-
ска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣс-
скому, чѣмъ удалившись отъ войны отъ
Новогородской области. Наконецъ обѣ рати
сошлися близъ Юрьева. Константинъ съ
полками своими находился въ спасѣ Ново-
городскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Му-
ромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ
поселянъ, и въ необозримыхъ рядахъ спали
на берегу Кзы. Лѣпописцы сказываютъ,
что Князь Владимірскій и меньшій братъ
его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140
штубъ и бубновъ¹³². Благоразумный Мстиславъ
еще надѣялся отвратить кровопро-
литіе. Послы Новогородскіе говорили Геор-
гію, что они не признаютъ его врагомъ
своимъ, будучи готовы заключить миръ и

съ Ярославомъ, если онъ добровольно оп-
пуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и
возвращшиъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ.
Но Георгій ошвѣспивова лъ, чпо враги его
брата суть его собственныe; а Ярославъ,
надменный и мстительный, не хотѣлъ слу-
шать никакихъ предложеній. «Не время ду-
«мать о мирѣ,» говорилъ онъ Посламъ: «вы
«теперь какъ рыба на пескѣ; зашли далеко
«и видите бѣду неминуемую.» Мстиславъ
внорично представлялъ Георгію и Ярославу,
чпо война междуособная есть величайшее
 зло для Государства; чпо онъ желаєти при-
мириить ихъ съ болышимъ братомъ, ко-
торый усиупишъ имъ всю область Сузаль-
скую, буде Георгій отдастъ ему, какъ спар-
шему, городъ Владимиръ. «Ежели самъ отецъ
«нашъ (сказалъ Георгій) не могъ разсудить
«меня съ Константиномъ, то Мстиславу ли
«быть нашимъ судіею? Пусть Константинъ
«одолѣетъ въ битвѣ: тогда все его.» По-
слы съ горечю удалились, и Князь Влади-
мірскій, иирия въ шапрѣ съ Вельможами,
желалъ знать ихъ мнѣніе. Одинъ Бояринъ
совѣтовалъ не отвергать мира и признать
Константина спарѣшнимъ Государемъ земли
Сузальской, представляя, что Князья Ро-
спиславова племени мудры и храбры, а во-
ины Новогородскіе и Смоленскіе дерзки въ
битвахъ; чпо Мстиславъ въ дѣлѣ рапномъ
не имѣетъ совѣтника, и чпо превосход-
ные силы успшаютъ иногда превосходному

искусству. Князья слушали Боярина съ неудовольствиемъ. Другие Вельможи, льстия ихъ самолюбию, говорили, что никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; что жили ся могли бы съ успѣхомъ пропивоборствовать соединенному войску всѣхъ Россіянъ, и съдлами закидаются Новгородцевъ. Одобривъ сіо безразсудную надменность и собравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ приказъ не щадить никого въ битвѣ: убивать даже и пѣхъ, на коихъ увидятъ шишое золотомъ оплечье¹³³. «Вамъ «брони, одежда и кони мѣрныхъ,» сказали они: «въ пльгъ возмемъ однихъ Князей, и «рѣшимъ послѣ судьбу ихъ.» Опинувшись Воеводъ, Георгій съ меньшими братьями заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлить всю Россію; назначилъ Росповъ для себя, Новгородъ для Ярослава, Смоленскъ для трехъяго брата¹³⁴, а Кіевъ для Ольговичей, оспавляя Галичъ на свое дальнѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную грамоту и взаимною клятвою утвердивъ ону, сіи Князья послали сказать пепріятелиамъ, что желаютъ биться съ ними на обширномъ Липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его торжественными обѣщами вѣрности, и ночью выступилъ изъ спаца къ назначененному для битвы мѣсту, съ прубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Встреченные полки Георгіевы сто-

али всю ночь за щитами, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая нападенія, и едва было не обратились въ бѣг-
Слав-
на я
бипвя
шина
Ли-
пец-
кая.

спибо. На разсвѣтъ Мстиславъ и Константинъ приближились къ непріятелю, ко-
торый зашелъ за дебрь и расположился на горѣ, окруженнай плешнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или бипву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтилъ: «не хо-
«чу ни того, ни другаго; и когда вы уже
«не боялись дальняго пущи, то можете не-
«рейти и за дебрь, гдѣ мы васъ ожидаемъ.» Мстиславъ спалъ на другой горѣ, велѣвъ опиборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и непасливо. На другой день Мстиславъ думалъ идти прямо къ Владимиру, но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непріятеля назади, и боялся, чтобы миролюбивые Росіовцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя движение въ станъ Новгородцевъ и Смолянъ, вообразили, что Мстиславъ хочетъ отступить, и бросились съ горы, въ камѣніи гнаться за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новгородскій, сказавъ: «гора «не защищитъ и не побѣдинъ насъ; пой-
«демъ съ Богомъ и съ чистою совѣстю,» велѣлъ своимъ гоновицамъ къ бипвѣ. На одномъ крылѣ стоялъ Владимиръ Рюрико-

вичъ Смоленскій, на другомъ Константинъ, въ срединѣ Мстиславъ съ Новгородцами и Князь Псковскій. Учредивъ строй, ободрѣвъ всѣ ряды, Мстиславъ ободрилъ воиновъ крапкою рѣчю. «Друзья и брашья!» говорилъ онъ: «мы вошли въ землю сильную: «спанемъ крѣпко, призвавъ Бога помощника. «Да никто не озирается вспять: бѣгство «не спасеніе. Кому не умереть, топъ бу- «дешъ живъ. Забудемъ на время жень и дѣ- «шней своихъ. Сражайтесь, какъ хотите: «пѣши или на коняхъ.» Новгородцы от- вѣтствовали: «сразимся пѣши, какъ опцы «наши подъ Суздалемъ.» Оставивъ копей, они сбросили съ себя одежду, даже сняли Апрѣ- сапоги, и съ громкимъ кликомъ успремились впередъ; за ними Мстиславъ и дружина кон- ная. Ни крутизна, ни ограда не могли удер- жать ихъ спремленія. Смоляне такжѣ пѣ- шие вступили въ бой, не хопѣвъ ждать Воеводы своего, который упалъ съ коня въ дѣбri. Князь Новгородскій, видя кровопро- литіе, сказалъ Владиміру Псковскому: «не «выдадимъ добрыхъ людей!» и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ шпоръ, три раза съ дружиною проѣхалъ сквозь пол- ки непріятельские, сѣкъ головы, оставилъ за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляютъ ужасъ сей битвы, говоря, что сынъ шелъ на опца, братъ на брата, слуга на господина: ибо многіе Новгородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные

спояли другъ пропицъ друга подъ знаменами Георгія и Константина. Побѣда не была сомнительною. Новгородцы, Смоляне дружнымъ успіемъ разсипали, смили враговъ, и торжествуя показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій спояль пропицъ Константина; по скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. «Друзья!» сказалъ Князь Новгородскій своимъ храбрымъ воинамъ: «не время думашь о корыстіи; надобно довершишь побѣду» — и Новгородцы, ему послушные, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали Суздальцевъ, шонили ихъ въ рѣкахъ, осуждая Смолятъ, которыхъ обирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

Уроцъ быль великъ только со спороны побѣженныхъ: ихъ легло на мѣсто 9233 человѣка. Въ остервененіи своемъ не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а Смоляне нашли въ Георгіевомъ спасѣ и договорную грамоту сего Князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переяславль, и пыталъ гнѣвомъ, задушить шамъ многихъ Новгородскихъ купцовъ въ трактирахъ¹³⁵; а Георгій, упомивъ трехъ коней подъ собою, па четвертомъ прискакалъ въ Владіміръ, гдѣ оставались большею часію одни старцы и дѣти, жены и млади духовнаго сана. Видя вдали скачащаго всад-

ника, они думали, что Князь ихъ одержаль побѣду и шлениъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣсничикъ быль самъ Георгій: въ бѣгствѣ своеемъ онъ сбросилъ съ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вранами сполицы; ъздилъ вокругъ спѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жишли ужаснулись. Почю пришли въ Владіміръ многіе раненые; а на другой день Георгій, созвавъ гражданъ, молили ихъ доказать ему свое усердіе мужественною защищою сполицы. «Государь! «усердіемъ не спасемся,» отвѣтствовали граждане: «брания наши легли на мѣстѣ «бипвы; другіе пришли, но безъ оружія: «съ кѣмъ опразитъ врага?» Князь упросилъ ихъ не сдаваться хощя иѣсколько дней, чѣобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнать- Велился за Георгіемъ и Ярославомъ, долго спояль колу- на мѣстѣ бипвы, и шелъ медленно ко Вла- шіе Мстислава. диміру¹⁵⁶. Чрезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ пламъ сильный пожаръ: воины хопѣли иппи на приступъ, чѣобы воспользоваться симъ слу- чаемъ; но человѣколюбивый Мстиславъ удер- жалъ ихъ. Георгій уже не думалъ оборонять- ся, и на третій день прѣѣхавъ въ станъ къ Новгородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру Смо- ленскому: «Вы побѣдниели: располагайще «мою жизнью и доспояніемъ. Брапъ мой

«Константина въ вашей волѣ.» Мстиславъ и Владиміръ, взявъ опь него дары, были посредниками между имъ и Константиномъ. Принужденный выѣхать изъ столицы, Георгій омочилъ слезами гробъ родителя, въ душевной горести жаловался на Ярослава, виновника споль несчастной войны; сѣль въ ладію съ женою, и поѣхалъ въ Городецъ Епинскопъ Симонъ. Въ числѣ не многихъ друзей отправился съ нимъ Епинскопъ Симонъ, знаменитый не только описаніемъ жизни святыхъ Июковъ Кіевскихъ, но и собственными добродѣтелями; обязанный Георгію саномъ Священника, онъ не измѣнилъ благотворителю своему въ злополучіи. Сей Князь въ 1215 году учредилъ особенную Епархію для Владимірской и Сузdalской областей, не ходївъ, чтобы онъ зависѣли опь Роспова¹⁵⁷.

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ВЛАДИМИРСКІЙ И СУЗДАЛЬСКІЙ.

Г. 1216 — 1219.

Добросердечіе Константина. Дъла Ливонскія. Важное
предприятіе Мстислава. Пылкость юнаго Даніила. Ти-
ранство Венгровъ въ Галичѣ. Убийства въ Рязани.
Смерть Константина.

Мстиславъ возвель Константина на пре-
столъ Великаго Княженія Владимірскаго, и
шель смиришь своего зятя, который, оспа-
вивъ гордость, прибѣгнулъ къ великолѣпію
старшаго брата. «Будь моимъ опцемъ,» го-
ворилъ онъ Константину: «я въ швоихъ
«рукахъ, и прошу у патрія хлѣба: не уже ли
«выдашь меня Князьямъ Новгородскому и
«Смоленскому?» Мстиславъ въ угодность
Константину согласился на миръ и принялъ
дары отъ Ярослава; но не хотѣлъ, чтобы
дочь его жила съ Княземъ споль жестоко-
сердымъ: взялъ ее къ себѣ и возвратился
съ чесното въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ
жителей онаго, бывшихъ въ Переяславль¹⁵⁸.

Доспигнувъ цѣли своей, Константинъ Г.
захопѣлъ упѣшишь изгнаннаго Георгія, при-^{1217.}
звалъ его къ себѣ, объявилъ наследникомъ бро-
До-
Великаго Княженія и далъ ему Сузdalъ. Съ ^{серде-}
искреннею дружбою обнавъ брата, Георгій Ко-
н-
клялся забыть прошедшее. Константинъ ^{спан-}
шина.

чувствовала слабость здоровьяя своего и желаю въ случаѣ смерти оставить юнымъ сыновьямъ віораго отца въ ихъ спащемъ дядѣ.

Г. 1217
— 18. Мениславъ, Герой сего времени, совершивъ одно дѣло, и ревнуя означенование свое мужесиво новымъ, еще важнѣйшимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его опиупствиемъ, Лишовцы разорили нѣсколько селеній въ обласни Шелопской; а Рыцари Нѣмецкіе, занявъ Одине, спарались укрѣпить сіе мѣсто. Владиміръ Псковскій находился тогда въ Новгородѣ, и принялъ начальство надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, Нѣмцевъ, въ Одинскомъ замкѣ. Въ то время, какъ жители города коварно предлагали миръ Россіянамъ, описаніемъ далеко отъ спана, Нѣмцы напали на обозы Новгородцевъ: однакожъ, поперявъ многихъ людей и въ шомъ числѣ двухъ Воеводъ, должны были спасаться бѣгствомъ въ замокъ¹⁵⁹. Самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Дирихомъ, брашомъ Епископа Рижскаго, Альберта, и запремъ Владиміра Псковскаго. Тѣснимые осаждающими, терпя голодъ, не смѣя віорично вступить въ бой, они требовали мира. Дирихъ, въ залогъ вѣроности, остался въ рукахъ у Новгородцевъ, кото-рые дали Рыцарямъ свободный пропускъ взявъ въ добычу 700 коней Нѣмецкихъ. — Мениславъ, возвратившись изъ Киева, объѣхалъ

Новогородскую область, наказать въкоторыхъ ослушныхъ или нерадивыхъ чиновниковъ, созвалъ гражданъ сполици на Дворъ Ярослава и сказалъ имъ: «Кланяюся Святой Важ пое
«Софіи, гробу отца моего и вамъ, добрые пред-
«Новгородцы. Иноплеменники господствую- прият-
«ющъ въ знамениемъ Княженіи Галицкомъ: ше
«я намѣренъ изгнать ихъ. Но васъ не за- Мстислава.
«буду, и желаю, чтобы кости мои лежали
«у Святой Софіи, памъ же, гдѣ покоятся
«мой родитель.» Тщетно граждане, искреп-
но огорченные, молили Князя великодушна-
го, любимаго, не оставлять ихъ. Онь дру-
жески проспился съ народомъ и спѣшилъ
въ Кіевъ къ своимъ братьямъ, пытая не-
терпѣніемъ собрать войско въ южной Рос-
сіи и вести оное къ берегамъ Днѣспра.

Чеснь и Вѣра предписывали Мстиславу сей подвигъ. Мы оставилъ юнаго Даніила на пресинолъ Галицкомъ съ однимъ именемъ Князя: Бояре всѣмъ управляли, и находя вдовствующую супругу Романову опасною для ихъ своеvolства, принудили ее вы-
ѣхать въ Бельзъ. Даніиль проливалъ слезы, Пыл-
не хотѣль разлучиться съ нею, и въ гибѣ кость юнаго
ударилъ мечемъ одного изъ Вельможъ, взяв- Дані-
шаго за узду коня его; однакожъ Княгиня ма.
умоляла сына оставаться. Оскорбленный сею
лерзосиню Бояръ, Андрей, Король Венгер-
скій, пришелъ самъ съ войскою, смирилъ
мѣщниковъ, и виповѣдѣшаго изъ нихъ,
Владислава, оковалъ цѣпами. Но скоро бѣд-

співія Романова семейства возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мстиславъ Нѣмый заспавилъ Данила бѣжать въ Венгрию; а Лешко Бѣлый опиялъ у Василька Бельзъ для своего пленія, Александра Владимира (Василько, провождаемый многими Боярами, удалился въ Каменецъ). Уже Андрей впорично шелъ защищать Даниила; уже Мстиславъ Нѣмий, слабый, хотя и властолюбивый, бѣжалъ опять спраха, когда ужасный бунтъ открылся въ самой Венгрии. Свирѣпые Бароны, враги Королевы Гершруды, умерили ее, гоповивъ пакую же участь и Королю. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ могъ думать единственно о собственной безопасности: чѣмъ Бояринъ Галицкій Владиславъ (тогда освобожденный) умѣль воспользоваться, представляя ему, какъ вѣроятно, что опромѣкъ Данилъ, сынъ опца ненавистнаго народу, не въ сословіи мирно управлять Княженiemъ, или, возмужавъ, не захотеть бытъ данникомъ Венгрии; что Андрей поступитъ весьма благоразумно, ежели дасть Намѣшника Галиціи, не природнаго Князя и не иночленника, но достойнѣшаго изъ шамошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣроности клятвою, и еще важнѣшими узами споль великаго благодѣянія. Желаніе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою прѣхалъ господствовашъ въ свое ощечество, назвался Княземъ и ду-

маль равняться саномъ съ попомками Св. Владимира; а Даниилъ и мань его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлюму. Видя съ зависио, что богатая Галиція сдѣлалась почти областю Венгрии, сей Государь усердно взялъ Данилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однако же успѣшилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего племянника, Александра, уступить имъ Тихомиль и Перемиль. Тамъ могли они пѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ роднѣльницею, печально смотря на башни Владимира, наследственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, гетовые усердно служили и сыновьямъ, которые въ иѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россіяне и чужеземцы съ удивленiemъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ Дворъ блестящій, соспавленный изъ винограда и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Польскимъ. Воевода Сен-домирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды оного съ выгодами Венгровъ и Ляховъ, бывшихъ тогда явными врагами за Галичъ; вѣзилъ къ Андрею, и безъ труда склонилъ его къ миру. Положили; чибы малолѣтній сынъ Андреевъ, Коломанъ, же-

нился на малоизвестной дочери Герцога Лешка, Саломеѣ, и княжилъ въ Галичѣ; чтобы Король успушилъ Перемышль Ляхамъ, и чтобы Владіміръ отдалъ Дашиблу съ братомъ, а Любачевъ миранворцу Пакославу. Условія были исполнены: Александра выслали изъ Владімірской обласни, а Владислава, какъ хищника, започили. Такимъ образомъ (говорить Львионисецъ) сей гордый Бояринъ безразсуднымъ честолюбіемъ погубиль себя и дѣшней, коихъ никто изъ Князей Россійскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ призерѣнъ¹⁴⁰. Можесть быть упомянутые смятія и перемѣны Галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ жребіемъ, если бы новое Правительство

Ти-
ран-
ство
Вен-
гровъ
въ Га-
личѣ. Бенгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумалъ упѣснить нашу Церковь. Уже въ первый годъ Коломацова властивованія, въ 1214, онъ писаль къ Папѣ, Иннокентію III, чи то народъ и Князья Галицкіе, поданные Венгрии, испросивъ себѣ сына его въ Государи, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ пѣмъ условіемъ, чибы Папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архіепископъ Гранскій имѣнемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскій на сына Андреева и Саломею, сей новый Го-

сударь, исполняя волю опіца и Папы, изгнанъ Епископа Россійскаго, Священниковъ нашихъ, и хопівъ обратиши всѣхъ жителей въ Вѣру Лашинскую¹⁴. Народъ, уничиженный мяшежами, преступленіями, и кознями Бояръ запущанный въ ирошиворѣчіяхъ своей системы политической, не смѣль возспать на ширановъ совѣсни, довольствуясь бесполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ Герцогомъ Лешкомъ, огнняль у него Перемышль съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ споль великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей заню. Таковымъ предсталъся ему Мстиславъ Новгородскій. «Ты мнѣ братъ,» писалъ Лешко къ сему храброму Князю: «иди прославиши «ся значенишымъ подвигомъ мужества: Галичъ, доспояніе швоихъ предковъ, спесишаєть подъ игомъ ушѣнителей.» Мстиславъ, подобно опіцу готовый всегда на дѣла великия, не отказался отъ предложения, споль лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней южной столицѣ воинскими приготовлениями, пишина царствовала въ предѣлахъ Великаго Княженія Владиimirскаго. Константина наслаждался спокойствiemъ подданныхъ и любовию братьевъ; не следовалъ примѣту дяди и родителя: не требовалъ повиновенія отъ слабѣвшихъ Князей сосѣдственныхъ, и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ да-

вать отчепъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостию, двое изъ Владытелей Рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе.

Коварный Глѣбъ, при Великомъ Князѣ Убий-Всеволодѣ холѣвши погубить своихъ род-^{ства} спвениковъ допосомъ; условился съ бра-^{тьемъ} Рязанскими, Константиномъ Владимировичемъ, явно лишить ихъ жизни, чтобы господ-
ствовашъ надъ всею областю Рязанскою. Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣта, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ въ ша-
трѣ своемъ. Князья, Бояре пили и весели-
лись, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣтствовалъ безнеч-
ныхъ гостей; лице и голосъ злодѣя не из-
мѣнили адской шайки его сердца. Въ одно
мгновеніе Глѣбъ и Константинъ Владимировичъ извлекаютъ мечи: вооруженные слуги
и Полovцы спремяются въ шатерь. Начи-
нается кровопролитіе. Ни одинъ изъ шеснадцати
несчастныхъ Князей, ни одинъ изъ вѣрныхъ
Бояръ ихъ не могъ спастися. Упомянутые
смертоубийствомъ, изверги выходятъ изъ
шатра и спокойно влагають въ ножны мечи
свои, дымящіеся кровью¹⁴². Въ числѣ убі-
енныхъ находился и родной братъ Глѣбовъ,
добрѣдушный Изяславъ.

Г.
1218 Злодѣйство было ужасно: еще ужаснѣе
то, что виновники остались безъ наказанія.
Великій Князь Константинъ — изнуренный,
можешь быти, искушами — довольствовался

сожалѣніемъ о несчастныхъ; спроилъ церкви, раздавалъ милоспѣшию и съ воспоргомъ лбызаль святыя моці, привозимыя къ нему изъ Греціи. Не за -долго до кончины своей онъ послалъ спаршаго сына, именемъ Василька, княжинѣ въ Росповъ, а другаго, Всеvoloda, въ Ярославль, приказавъ имъ жити согласно, быви во нравахъ подобными ему, благопвориши сиропамъ, вдовицамъ, Духовенству, и чиниши Георгія Константина какъ впораго опца. Константинъ пресипанился на 33 году отъ рождения, оплакивае-^{1219,} Г. мый Боярами, слугами, нищими, Монахами^{143.} Февр. 2. Хвала его мудрости и добродѣтель, Лѣпописець Сузdalской говориши, что сей Князь не шолько чишаль многія душеспасительные книги, но и жилъ по ихъ правиламъ; бысть исполненъ Аноспольской Вѣры и споль кропокъ, чи то спарадся не опечалиши ни одного человѣка, любя дѣломъ и словомъ упѣшашъ всякаго. — Супруга Константинова немедленно посприглась надъ его гробомъ, и названная Агаѳію, чрезъ два года кончила дни свои въ уединеніи монастырскомъ.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1219 – 1224.

Безпокойства въ Новгородѣ. Великодушіе Посадника.
Дѣла церковныя. Войны. Успiогъ. Новгородъ Нижній.
Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Про-
исшествiя въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набегъ
Литвы. Слухъ о Татарахъ.

По отбытии Мстислава Новгородцы при-
звали къ себѣ его двоюроднаго племянника,
Святослава Мстиславича, изъ Смоленска.

Г. Сей Князь⁴⁴ не могъ обузданъ своевольства
1219. Бѣ- чиповниковъ и народа. Посадникъ Тверди-
покой- славъ, мужъ оплчный доспехами,
справа въ Но- взявъ подъ сиражу какого-то мяшежнаго
въго- Боярина, вооружилъ пропивъ себя многихъ
родѣ, его друзей и единомышленниковъ. Началось
междоусобie: одни спояли за Твердислава,
другие за Боярина; прочие оспавались спо-
койными зрищелями ссоры, кошорая обрати-
лась въ явную войну. Цѣлую недѣлю бы-
ли шумныя Вѣча при звукѣ колоколовъ;
граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ из-
ступленіи своемъ обнажали мечи. Напрасно
увѣщавали старцы, напрасно плакали жены
и дѣти: казалось, что Новгородцы не имѣ-
ли ни законовъ, ни Князя, ни человѣчества.

Чтобы еще больше воспалить усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, успремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себѧ въ жернову смерти, если совѣстъ его нечестия предъ Богомъ и согражданами. «Да паду въ битвѣ первый» (говорилъ онъ) «или Небо да оправдаєтъ меня побѣдою моихъ братиевъ!» Наконецъ злоба утолилась кровю десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, требовалъ мира, и цѣлуя крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но Князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего Тысяческаго объявишь на Вѣчъ, что сей Посадникъ властію Княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Святославъ гордо отвѣтишсовалъ: безъ вины! «Я доволенъ,» сказалъ Твердиславъ: «честь моя оспаєтся «безъ пятна: а вы, братиа сограждане, «вольны избирать и Посадниковъ и Князей.» Народъ вспутился за него. «Вспомни условіе,» говорили Святославу Послы Вѣча: «ты даль намъ клятву не смѣнять чиновниковъ безвинно. Когда же забываешь оную, «то мы готовы съ поклономъ указать тебе; а Твердиславъ будешъ нашимъ «Посадникомъ.» Святославъ, видя упрямство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Киевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ престолъ Новгородскій меньшему брату, Всеволоду. Правленіе ^{Г.} ₁₂₁₉ ^{21.} сего Князя ознаменовалось также внутрен-

шими беспокойствами. Люди, посланные Повогородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа возвратились съ дороги, сказывая, что Великій Князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичъ не хотѣли пропустить ихъ чрезъ обласпь Бѣлозерскую, имъ будто бы тайное сношеніе съ Новгородскимъ Посадникомъ и Тысячскимъ. Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однакожъ чрезъ нѣкоторое время снова возвѣль Твердислава на степень Посадника. Все-володъ безъ всякой основательной причины возненавидѣть и хотѣль убить сего знаменитаго человѣка, вооруживъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ на Дворъ Ярослава. Твердиславъ бытъ тогда боленъ: усердные друзья вывезли его на саняхъ изъ дома и поручили великодушной защищѣ народа, который спекался къ нему шолпами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители трехъ Концевъ спали въ ряды, и ждали Князя какъ непріятеля. Но Все-володъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ Великокутушие Посадника. примирить враговъ; а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ Посадника, тайно ушелъ въ монастырь Аркадьевскій, и навсегда отказался отъ свѣтила.

Самыя церквины дѣла Все-воловода врѣмени изъявленіонть легкомысліе Новгородцевъ: выгнавъ прежде Архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣль загладить

сю несправедливость; дозволилъ ему возвращаться и послать сказать его преемнику, Антонію, османнавшему тогда свою Епархію, чтобы онъ ъехалъ, куда хочеши, и чио Новгородъ имѣеть уже иного Священника. Однакожь Антоній не послушался и признавалъ себя единственный законнымъ Пасхыремъ. Граждане были въ крайнемъ затрудненіи, и не зная, чио дѣлать съ двумя Архиепископами, отправили ихъ въ Киевъ на судъ къ Мицрономину, который, рѣшивъ пляжу въ пользу Мицрофана, послалъ Антонія Епископомъ въ Черемышль Галицкій.

Воинскіе подвиги Новогородцевъ были ^{войны} удачны: хоня Всеиводъ не могъ взять Першую или пынѣшняго Чернау, однакожь разбилъ Нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ. Древній Лытописецъ Ливонскій повѣствуетъ, что Рыцари въ битвѣ съ нашимъ передовымъ отрядомъ имѣли успѣхъ, и даже опровергли знамя Князя Новогородскаго; но союзники ихъ, Лапшиши, видя многочисленность Россіянъ, обратились въ бѣгство. Сей Лытописецъ къ чести единоземцевъ своихъ прибавляетъ, чио ихъ было ишлько 200, а нашихъ 16,000; чио Нѣмцы, ошѣленные онъ Новогородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до заходженія солнечнаго, убили около пяцидесяти непрѣимелей, въ цѣлости оши-

ступили ишли назад съ веселыми пѣснями¹⁴⁵.

Въ Россіи воспачной были такжে воинскія дѣйствія. Глѣбъ Владіміровичъ, убійца Князей Рязанскихъ, хопіль еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря, сына Игорева, коіорый господствовалъ въ Спарой Рязани, и могъ рано или поздно оспішити смерть братьевъ: напавъ Половцевъ, Глѣбъ шель осадить его сполицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми Россіянами и самому себѣ ненавистный (обыкновенная мука злодѣевъ!), Глѣбъ бѣжалъ въ степи, подобно древнему браньюубійцу Святополку гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, и шамъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою¹⁴⁶. — Ингварь наследовалъ всю обласнь Рязанскую, и съ дружиною Великаго Князя вторично разбилъ Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издревле торговали съ Чудскимъ народомъ, обишивавшимъ въ Вологодской и Архангельской Губерніи: съ неудовольствиемъ видя новое господство Россіянъ въ сихъ мирныхъ спраинахъ, они хопѣли такжে быти завоеваныи, и — болѣе обманомъ, нежели силою — взяли Устюгъ¹⁴⁷, неизвѣстно когда и кѣмъ тюгъ основанный. Онъ имѣль прежде собственныхъ Князей; спояль, какъ сказывають, на высокой горѣ, верспахъ въ четырехъ опть нынѣшняго, и назывался, по имени ея,

Гледеномъ; а название Успожанъ произошло отъ устья рѣки Юга, сливающаго шамь воды свои съ рѣкою Сухоною. Жипели — вѣроятно, смѣсь Россіянъ съ Чудью — зави- сѣли отъ Великаго Князя Георгія и въ осо- бенностн опть Росіовскаго. Чтобы утвер- диться въ семъ городѣ, Болгары въ то же время старались овладѣть берегами Унжи⁴⁸; но были отражены, и скоро увидѣли вой- ско Россіянъ въ собственной землѣ своей. Брашъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновъ- ями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ опол- ченiemъ приплылъ шуда Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы, и для безопасноти судовъ оставилъ спражу, приближился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ пыномъ съ двумя оплопами, ме- жду коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и шпорами; за ними спѣ- ки и копейщики. Одни подсѣкли пынь, дру- гіе зажгли опломбы; но сильный вѣтеръ дуль имъ прямо въ лицѣ: задыхаясь отъ густаго дыма, воины Святославовы, ободренные рѣчью Князя, приспустили съ другой спо- роны и зажгли городѣ по вѣтру. Зрѣлище было ужасно: цѣлья улицы пымали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рѣкою; отчаянные жипели съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйти отъ меча Россіянъ; только Князь Болгарскій и нѣкоторые его всадники спаслися бѣгствомъ. Другіе, не пре- buoy пощады, убивали женъ, дѣтей своихъ

и самихъ себя, или сдѣлались жертвою пламеніи, вмѣстѣ со многими Россіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя шамь наконецъ однъ кучи дымящагося пепла, удалился, провождаемый толпами пѣнниковъ, большинствомъ женъ и младенцевъ. Напрасно Болгары хотѣли опровергнуть ему, стекаясь отовсюду къ берегамъ Волги: Россіяне, гоповые къ битвѣ, сѣли на ладіи, распустили знамена, и при звуки бубновъ, трубъ, свирѣлей, плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ спройшомъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ Ростовцами, Устюжанами и съ Воеводою Георгіевымъ, который ходилъ опускашійся берега, и взялъ нѣсколько городковъ Болгарскихъ. Сей успѣхъ казался споль важнымъ Великому Князю, что онъ вспрѣшилъ браша за нѣсколько верстъ отъ сполицы, благодариль его, осыпалъ дарами; при дни угощаль всѣхъ воиновъ. Зимою явились въ Владімѣрѣ Послы Болгарскіе, требуя мира; но Георгій отвергнулъ ихъ предложеніе и гоповился къ новому походу. Испытавъ многократно превосходную силу Россіянъ, Болгары всячески старались опровергнуть бѣдствіе войны; наконецъ, посредствомъ богатыхъ даровъ, обезоружили Великаго Князя. Послы нашиѣ здили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ кляшовою по закону Магометанскому. Геор-

гій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣль случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ пѣсколько мѣсяцевъ заложилъ Нижній Новгородъ, шамъ, гдѣ Новогородъ сливаются двѣ знаменитыя рѣки ~~нашего~~ ^{города} Нижній опечества, и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства¹⁴⁹.

Въ сіе время Князь Черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ Липовцевъ, которые искали добычи въ его областии. — Но важнѣйшимъ успѣхомъ Россійскаго оружія было тогда освобожденіе Галича отъ ^{Освобожде-} ~~божде-~~ ^{тие Га-} чужеземцевъ. Кажется, что бывшій Князь Новогородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ разными приготовленіями, умѣль скрыть цѣль онъихъ: по крайней мѣрѣ Вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствовавши на берегахъ Днѣпра, не взяли никакихъ мѣръ для обороны, и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приближи-^{лся}¹⁵⁰. Столъ легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего Князя: онъ зналъ, что опасноспи и бишви впереди; что Андрей не успѣхъ ему сыновняго Королевства мирно, и что побѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Данилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣль на тронѣ Галицкомъ, но въ угодженіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣль бытъ ему опицемъ; старался также сохранить любовь Герцога

Польского, и не мѣшалъ ему владѣть чѣстію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владіміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даніилъ жаловался шеству на хищность Герцога¹³¹. Мстиславъ опровергивалъ: «Лешко мой другъ.» Но когда неуступчивый Даніилъ осмѣлился искать управы силою; когда, выѣхавъ въ поле съ собственою дружиною, опиясь у Ляховъ всѣ областіи Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, счиная Мстислава шайнымъ наспавникомъ юнаго зятя, обвиняя шого и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. «Опказываюсь опѣ всякаго участія въ Галиції,» велѣлъ онъ сказать Королю: «пусть «властвуетъ въ оной сынъ твой. Изгонимъ «только Россіянъ.» Андрей не могъ желаній иного. Венгры и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Димитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ, повержаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣпями. Ослушавъ зятя въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ Кіевскімъ. Непріятели осадили Даніила: хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣжалъ имъ много вреда; однакожъ, исполняя повелѣніе шества, долженъ быть

наконецъ выйти изъ города, очистилъ себѣ пупъ мечемъ, и за Днѣстромъ соединилъ съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ вишия доспойлаго, въ знакъ особен-
ной дружбы подарилъ ему любимаго своего
коня, и сказалъ: «Храбрый Князь! теперЬ
«иди въ Владиміръ: я пойду за Половцами.
«Мы опиштимъ врагамъ, и спыдъ нашъ
«паденія на нихъ.» Онъ сдержалъ слово.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевавъ Галичъ, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, прислан-
ными Андреемъ къ Коломану съ знамени-
шымъ Воеводою Фильніемъ. Сей надменный
Баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ
Россіянамъ, и часпо говорилъ въ пословицу:
«Одинъ камень избиваетъ множество гли-
«няныхъ сосудовъ. Острый мечъ, борзый
«конь, и Русь у ногъ моихъ.» Ляхи непре-
станными впаденіями превозили областъ
Владимірскую. Къ счастію, Даниилъ успѣлъ
заключить миръ съ Князьями Литовскими,
Жмурскими, Лапшинскими, и могъ наем-
нымъ ихъ войскомъ успрашивать собствен-
ные владѣнія Лешковы¹⁵². — Между тѣмъ
дѣятельный Мстиславъ изготовился и дви-
нуль рапъ свою, усиленную Половцами, къ
берегамъ Днѣстра. Воевода Андреевъ, гор-
дый Фильній, не хоптывъ подвергнуши юна-
го Коломана опасносніямъ битвы, оставилъ
его въ укрепленномъ Галичъ и ждалъ Рос-
сіянъ въ полѣ. Ляхи стояли на правомъ кры-

ль: Венгры и Галичане на львомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россияне показались: шли медленно и спрятано; за ними Половцы. Владимир Рюрикович предводительствовалъ одною часиню войска, другую Мстиславъ, который, вдругъ определялся опять полковъ, спалъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движение непріятелей, такъ, что Владимиръ, встревоженный его отсутствиемъ, велѣлъ съ неудовольствиемъ напомнить ему, сколь время дорого, и сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. «Не забывай» (говорилъ онъ), «что ты Военачальникъ, а не зрителъ. Твое бездействие «можетъ погубить насть.» Мстиславъ съхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбросинъ воиновъ, именемъ Св. Креста обѣщаю имъ побѣду. Уже битва началася. Владимиръ не успѣялъ прошить Ляховъ: они гнали Россіянъ, брали пленниковъ, добычу, и древними пѣснями опровергъ своихъ торжествовали побѣду¹⁸³. Венгры, Галичане также имѣли успехъ, и бѣдствіе нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ отборною дружиною и съ Половцами ударили въ тылъ непріятелю: изумленные, разстроенные Венгры падали мерзкие цѣльми рядами; самъ предводитель ихъ опдался въ пленъ, и скоро Лахи къ отчаянію своему увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и все легли на

мѣсть. Одни Половцы брали пленниковъ, ловили коней, обнажали мерзивыхъ: Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершеншомъ испрѣблѣніи непріятеля. Еще многіе Ляхи оспавались назади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали государственное знамя Польское, шонами спремились къ оному; но сіе знамя, съ изображеніемъ Бѣлого орла, развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили штампъ смерти¹⁸⁴. Кровопролитіе было ужасно; воинъ, спонъ несчастныхъ жерпъ доспигалъ до Галича; пруны лежали кучами на проспирѣвшъ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносими хвалами Мстислава храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ со щечами* отечества.

Сей Князь осадилъ Галичъ. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣсть съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордоснію отвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ пѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдалися. Князь Россійскій уже не хощѣль слышать о милосердіи. Ему представили несчастнаго Коломана и юную су-

пругу его, въ слезахъ, въ глубокой горести: онъ велѣль за крѣпкою стражею отпѣшии ихъ въ Торческъ¹⁵⁵, а Бароновъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ, какъ пленниковъ, своей дружинѣ и Половцамъ, въ награду за оказанное ими мужество. Только славный Архіепископъ Krakовскій, Лѣтописецъ Кадлубко, и Канцлеръ Польскій Ивонъ, бывши въ Галичѣ, успѣли заблаговременно спастися отъ неволи бѣгствомъ¹⁵⁶. Герцогъ Лешко воспрепяштсовалъ Даніилу соединиться съ племенемъ до битвы: сей юноша славолюбивый успѣль только видѣть свѣжіе трофеи Россіянъ на ея мѣстѣ. Новѣйшии Историки пишутъ, что гордый, счастливый Мстиславъ, торжествуя оную, принялъ на себя имя Царя Галицкаго, и что Россійские Епископы вѣнчали его златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доспавшимся ему въ руки¹⁵⁷.

Андрей, Король Венгерскій, былъ въ отчаяніи, и немедленно отправилъ Вельможу своего, именемъ Яроша, сказать Мстиславу, чтобы онъ приспалъ къ нему сына и всѣхъ пленниковъ, или скоро увидитъ въ Россіи многочисленное побѣдоносное войско Венгровъ. Мстиславъ не испугался угрозы, но хладнокровно отвѣтиштвовалъ, что побѣда зависитъ отъ Неба; что онъ ждетъ Короля, надѣясь съ Божіею помощью смириить гордость его. Андрей, изнуренный тогда въ силахъ походомъ Іерусалимскимъ,

не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброхотствующимъ ему Боярамъ Галицкимъ. Одинъ изъ нихъ, Судиславъ, пльненный вмѣснѣ съ Коломаномъ, умѣвъ снискать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожидаемо выгодному дlia Короля. Согласились, чѣобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію¹⁵⁸. Съдиславъ освободилъ сю землю отъ иноzemенниковъ для шого, что-бы добровольно уступить имъ ону, взявъ, можетъ бытъ, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя шамошихъ Бояръ мягкежныхъ и нелюбимый ими, онъ хопѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвращи Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хищные Вельможи, шайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніиль возмешть ее, какъ наследственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признакательности, и съ лѣпами ворасшая въ силахъ, въ честолюбіи, не уважинъ благотворителѧ; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанній милости шеспя, не дерзнетъ ни въ чемъ его ослушашся, или въ пропивномъ случаѣ легко можетъ бытъ лишенъ Княженія. Мстиславъ — болѣе воинъ, нежели Полкинъ — принялъ мнѣніе Бояръ, и съ радостию назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ опложи-

ли за малознаниемъ жениха и невѣспы, съ обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевиѣ Ариенской, единственной наследницѣ родичельскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гопорія III. Въ роянно, чио Герцогъ Лешко такжѣ писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами: ибо Гопорій (въ 1222 году) оправдывавъ Андрею, чио Галиція принадлежинъ Коломану, зяю Герцога Польскаго, возведенному на ея пронъ Апостильскою власнію¹³⁹; чио обязанельство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уничтожающее; чио малознаніво жениха и невѣспы даентъ время опицамъ размыслиніи основательнѣе о выгодахъ или нвыгодахъ такого союза; чио надобно подождать, и проч. Однакожь Андрей не хотѣлъ нарушинъ договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое времѧ отдалъ будущему зяю Перемышль, къ неудовольствію жителей и Герцога Лешка, копорый долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имъ несчастнія слѣдствія для Александра, Князя Бельскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во времѧ ихъ первого усиѣха. Даніиль и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омра-

чили добрую славу юношии своей разорені-
смъ окрестносній Бельза, гдѣ народъ дол-
го помнилъ оное и называлъ злую почью :
ибо воины сыновей Романовыхъ, свирѣп-
ствую шамъ опь закаша до восхожденія солнечнаго , не оставили камня на камнѣ¹⁶⁰.
Одно великодушіе Мстислава спасло Александра : уваживъ ходатайство пещера, Даніилъ прекрасилъ жестокое дѣяніе миценія и возвратился къ митрополиту, котораго, видя его уже способнаго править землею , обуздывать Вельможъ, смирять непріятелей , удалилась опь свѣгла въ пещину монастырскую.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной Россіи участвовали слабые тогда Ольговичи какъ союзники Мстислава. Великій же Князь Георгій занимался единственнымъ внутреннимъ правлениемъ собственной земли и витѣшило ^{Г.} ₁₂₂₁ безопасностью Новгородцевъ, пославъ къ нимъ осьмилѣтняго сына, Всеволода , на мѣсто Мстиславича , внука Романова , изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были тогда Альбертовы Рыцари : Новогородцы требовали сильной помощи опь Георгія , и съ брапомъ его , Святославомъ , вступивъ въ Ливонію , опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ Пѣменецкий говорилъ , что Россіянѣ своими жестокосніями возбудили тогда гнѣвъ Рижской Богоматери¹⁶¹ , изъявляя ненависть къ ея новымъ храмамъ , разрушали Латышскія церкви , монастыри ,

плѣнили же гъ, дѣтей и жгли хлѣбъ на по-
ляхъ. Сынъ Владимира Псковскаго, Ярославъ,
съ войскою Липовскихъ союзниковъ вспрѣ-
тиль Святослава близъ Кеси или нынѣш-
няго Вендена: Россіяне осадили сей городъ.
Съ утра до вечера продолжалась кровопро-
литная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣй-
ствовали пращами, и тяжело ранили мно-
гихъ изъ нашихъ Бояръ подъ спѣвою. На
другой день узнавъ, что самъ Великій Ма-
гистръ Ордена, Вольквинъ, ночью вошелъ
въ крѣпость, и что къ осажденнымъ скоро
прибудетъ новая помощь, — Святославъ от-
ступилъ. Но военные дѣйствія не прекра-
тились: Лапыши, послушные Нѣмцамъ,
безпрепятственно злодѣйствовали въ окрестно-
стяхъ Пскова, и не могли насытиться кро-
вию людей безоружныхъ; оспавивъ дома и
рабочны сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ,
грабили, убивали пушечненниковъ, зе-
мледѣльцевъ, уводили женщины, лошадей и
скотъ. Дабы наказать сихъ разбойниковъ,
граждане Псковскіе ходили осенью въ землю
Лапышей, где испребили все, что могли.
— Не смотря на мирныя, весьма непскрен-
нія предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы
и Россіяне не давали покоя другъ другу.
Первые, собравъ Ливъ и Лапышей, дерзну-
ли вступить въ собственность наши предѣ-
лы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ
Новагорода, по сказанію Ливонскаго Лѣпо-
писца, обратили въ пепель нѣсколько дере-

вень. Лапыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія сполицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею ме-стію, Иѣмцы сѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіанъ, спарались укрѣпиться въ воспочной Ливонії: спропали замки, рымы въ нихъ колодези на случай осады, запаса-лись хлѣбомъ, а всего болѣе оружіемъ и пра-щами. Возбуждаемыя Рыцарями, шолмы Чу-ди два раза зимою приходили незапно изъ-за рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издав-на обласпь Новогородскую; плѣнили множе-спво людей, и побили весь скопъ, кото-раго не могли взять съ собою.

Въ то время малолѣтній сынъ Георгі-
евъ, по желанію своихъ Бояръ, не находив-
шихъ для себя ни выгодъ, ни удовољствія
въ Новгородѣ, шайно собрался ночью и со
всѣмъ Дворомъ уѣхалъ къ опцу. Народъ опе-
чалился; сирописцяя безъ Главы, желаль
имѣть Княземъ хопя брата Георгіева; за-
бымъ свою прежнюю, отчастии справедли-
вую ненависть къ Ярославу-Феодору, и при-
няль его съ живѣйшими знаками удовољ-
ствія: ибо надѣялся, что онъ будешъ гро-
зою вѣщихъ непріятелей. Ярославъ, вы-
гнавъ хищныхъ Липовцевъ изъ южныхъ
предѣловъ Новогородскихъ и Торопецкой
обласпіи, хопѣль отличить себя важнѣй-
шимъ подвигомъ и бытиь защитникомъ съ-
верныхъ Ливонцевъ, упѣсененныхъ тогда но-
выми пришельцами.

Г.
1222.

Вальдемаръ II, мужественный Король Датский, желая (какъ говорить современный Лѣтописецъ) «очистицься отъ грѣховъ «своихъ и доказать усердіе къ Рижской Богоматери,» высадилъ многочисленное войско на берега Эспоніи, заложивъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержавъ надъ жителеми побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данеброгскаго Ордена¹⁶²: ибо разсказываютъ басню, чи то во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и чи то Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревель воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власить свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эспоніи. Шведы также прибыли въ сю несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнѣмые просвѣтители ненавидѣли другъ друга, и Датчане повѣсили одного Чудскаго спарѣшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную Датчанами на Эзель. Скоро же сдѣмался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе, согласно изъявленіи ненависти

къ Нѣмцамъ; умертвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, кутиевъ, и мечи, обагренные ихъ крѣвию, были посыпаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои дома, какъ будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и вели сказашь Рижскому Епископу, ч то они возвратились къ древней Вѣрѣ отицевъ, и не оставяша ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ Старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часинъ богатства отняшаго у Нѣмцевъ, и послали дары къ Новогородскому Князю, моля его о защите¹⁶³.

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостию, выдавали ему всѣхъ Нѣмцевъ, заключенныхъ ими въ оковы, и приняли Россіянъ какъ друзей въ Юрьевѣ, Одеце и другихъ мѣстахъ. Князь Новогородскій хотѣлъ идти къ Ригѣ; но убѣжденный Послами Эзельскими, обратился къ Эспоніи, чтобы освободить сю землю отъ ига Датчанъ. Близъ Феллина онъ къ изумленію своему увидѣлъ трупы многихъ Россіянъ повѣщеныхъ: Рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостью, и безчеловѣчно умертвили бывшихъ тамъ Новгородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокимъ образомъ отмстить за

шакое злодѣйство, но, вмѣсто Рыцарей, наказалъ однихъ и невинныхъ жишелей Феллинской обласпи: миль ихъ кровь, жегъ домы; довершиль бѣдствіе сихъ несчастныхъ, кооторые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, спасая отъ Нѣмцевъ, Россіянъ и бользней.—Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединилъ съ приморскими жишелями Эстонію, осадилъ Ревель или Колывань, и спояль подъ его спѣнами четыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Даничаше обороноялись мужественно, споль искусно дѣйствиа пращами, чио упомленный безполезными приступами Князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожъ съ пѣнниками и добѣчею. Въ Лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало золота.

Г. 1224. Народъ охопно повиновался Ярославу; но сей Князь — не извѣстно, для чего — самъ не захочѣль оспасться въ Новгородѣ, и Георгій втпорично прислали на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Литву, боропься съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Данцианъ: а Князь Новогородскій быль десѧтилѣтій ояпрокъ! Его именемъ правили чиновники: чтобы удержашь за Россію Дерпіть, они успиуши сей городъ одному Муже-изъ владѣтелей Кривскихъ, мужественному сиѣни Вячку, кооторый начальствовалъ прежде въ иже Вячко. Даинскомъ замкѣ Кукенойсь. Имъя у себя не

болье двухъ сотпъ воиновъ, онъ упвердилъ свое господство въ съверной Ливоніи: бральданъ съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно превожилъ Нѣмцевъ и счастливо опразилъ приспуть ихъ къ Юрьеву¹⁶⁴. Тогда Епископъ Альбертъ со звалъ всѣхъ Рыцарей, спрансившихъ ботомольцевъ, купцевъ, Лапышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженнай Монахами, Священниками. Сie войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Сирѣлы и камни лепили съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали пуда и раскаленное же гѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, спарайась преияспивовать работъ осаждающихъ, которые, разводя большиє огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Лапыши гремѣли пѣснями; Нѣмцы били въ липавры; а Россіяне такжে играли на тру-

бахъ, споя безпрепанно па сиѣнѣ. Упом-
ленные шрудами, ежедневными битвами,
Пѣмцы собрались на общій совѣтъ. «Не бу-
«демъ теряниь времени» (сказалъ одинъ изъ
нихъ) «и возмемъ городъ приспупомъ. До-
«сель мы излишно щадили враговъ своихъ:
«нынѣ да погибнутъ всѣ безъ оспанка!
«Кто первый изъ насъ войдеть въ крѣ-
«поспѣ, тому честнь и слава; тому лучший
«коњ и знаменинїй плѣнникъ. Но опас-
«ный Князь Россійскій долженъ быти по-
«вѣшенъ на деревѣ.» Одобравъ сіе предло-
женіе, Рыцари успремились на приспунъ.
Хотя жители и Россіяне бились муже-
сивенно; хоня пылающими колесами зажгли
башию осаждающихъ, и иѣсколько часовъ
опражали Пѣмцевъ: однакожъ принуждены
были успнинть превосходному числу вра-
говъ. Въ сльдь за Рыцарями ворвались въ
крѣпость и Лапыши, убивая своихъ си-
ноземцевъ, женъ, дѣшей безъ разбора.
Долѣе всѣхъ оборонялись Россіяне. Никто
изъ нихъ не могъ спаснися опѣ меча побѣ-
дителей, кромѣ одного Суздальскаго Бояри-
на: илѣнивъ его, Пѣмцы дали ему коња и
вельми вхапъ въ Новгородъ, чтобы объ-
явить шамъ о бѣдствіи Россіанъ. Храбрый
Вячко находился въ числѣ убитыхъ¹⁶⁵.

Новгородцы шли къ Юрьеву и спояли
близъ Пскова: Рыцари не хотѣли ждать
ихъ; надъ кучами мертвыхъ шѣль съ весе-
лою музыкою опѣли благодарный моле-

беть, сожгли крѣпость и спѣшили удалиться. Ливонскій Лѣптонасецъ прибавляещъ, чио Россіяне, не имѣя тогда надежды возвратить счастливо, предложили миръ Епископу Рижскому; чио Альбертъ заключилъ оный съ ихъ Послами, и выдалъ имъ изъ казны своей часць даніи, которую они прежде собирали въ земль Лапшиш¹⁶⁶: ибо сей хитрый Епископъ иногда еще признавалъ Россіянъ господами Ливоніи, чтобы, обманывая ихъ, пѣмъ спокойнѣе властивовать надъ оною.

Новогородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскою прошивъ на Липновцевъ и не могъ успояти въ битвѣ¹⁶⁷. И съ ними: сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія¹⁶⁸.

Досель, въ печеніе двухъ сполѣній и болѣе, мы видѣли древнее опечеснѣво наше безпрепанно терзаемое войнами междуусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена — сполѣ, кажется, несчастныя — были злѣшьми вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Наспало время бѣденія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, кошорос, изнутивъ Государство, поглошивъ граждан-

ское благосостояніе онаго, унизило самое человѣческое въ нашихъ предкахъ, и на Слухъ несолько вѣковъ оставило глубокіе, незадолго гладимые слѣды, орошенные кровью и слезами многихъ поколѣній. Россия въ 1224 году услышала о Татарахъ . . . .

Гоповясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воинствъ и Княженій Россійскихъ, порабощеніе Государства, упрашшу лучшихъ обласпей его, счинаяемъ за нужное обозрѣть тогдашнее состояніе Россіи, отъ временъ Ярослава Великаго до нашеспвя сихъ грозныхъ иноzemенниковъ.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНИЕ РОССИИ СЪ XI ДО XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжеские съезды. Право наследственное. Враги вышніе Прѣменіе. Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Правы. Древнѣйшее путешество въ Россію.

Ярославъ, могущественный и самодержавный подобно Св. Владиміру, раздѣливъ Россію на Княженія, хотѣль, чтобы старшій сынъ его, называясь Великимъ Княземъ, былъ Главою отечества и меньшихъ братиевъ, и чтобы Удѣльные Князья, оставляя

право наследства дѣшамъ, всегда зависѣли онъ Кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его¹⁶⁸. Опідавъ ему многолюдную сполицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наследники его, сильнѣйшие другихъ Князей, мѣгутъ удержать ихъ въ границахъ нѣжного повиновенія и наказывать послушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробилось, ослабѣло, и что Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будущь иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II опровергивалъ какъ подсудимый на запросы Князей Удѣльныхъ¹⁶⁹. Одаренные мужествомъ и благородствомъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, опирѣвшись Системѣ Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы Константинъ и Георгій II имѣли государственные добродѣтели отца и дяди: то они могли бы восстановить Единовластие. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Удѣлы. Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кроме Полоцкой, оставленной имъ въ наследіе роду спащенаго брата его: въ шеченіе времени каждая изъ онъихъ раздѣлилась еще на особенные Удѣлы — и Князья первыхъ спали посль называемыя *Великими* въ отношеніи къ частнѣмъ или Удѣльнымъ, отъ нихъ зависѣвшимъ¹⁷⁰. Волынія, Галиція, земля Дрегвицей, опошли отъ Киева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, упрашило Суздаль, Росповъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромъ Тмутороканя, завоеванного Половцами); Новгородъ Съверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей въ XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣніямъ, не рѣдко обнажавшимъ мечь другъ на друга. Смоленское такжѣ имѣло частные Удѣлы: Торопецкій и Красненскій¹⁷¹. Самый Новгородъ, древнѣе достояніе Государей Киевскихъ, славный храброспію и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирашъ Князей, не могъ сохранити цѣлостнѣи владѣній своихъ. Псковитянѣ дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горечию безначаліе и неустроеніе въ Россіи, хотѣлъ уменьшишъ сіе великое зло учрежденіемъ общихъ Княжескихъ Совѣтовъ или Съездовъ, копорые

иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ омпесиству, но только на малое время, и не могли прекращинъ вреднаго междоусобія. Въ слѣдствіе шакого Съезда несчастный Василько быль ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію братиевъ¹⁷².

Обыкновеною причиною вражды было Пра-
спорное право наслѣдства. Мы уже замѣти-
ли выше, чпо по древнему обычай не сынъ,
но братъ умершаго Государя или спаршій
въ родѣ долженствовалъ бытие его преем-
никомъ¹⁷³. Мопомахъ, убѣжденный народомъ
властированиемъ въ сполицѣ по кончинѣ Свя-
шополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а
какъ родоначальникъ Владыпелей Чернигов-
скихъ быль спарже Всеволода I, то они въ
сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненави-
дѣли похитителей Великокняжескаго до-
споинства и воевали съ ними. Но испин-
ными наследниками Кіевскаго престола,
согласно съ тогдашнимъ обыкновенiemъ,
были потомки Изяслава I, которые не иска-
ли сей чеспи, мирно господствую въ Удѣ-
лахъ Туровскомъ и Пинскомъ¹⁷⁴.

Государство, раздиаемое внутренними Враги-
врагами, могло ли не быти жертвою виѣ-
нихъ? Одному особенному счастію надле-
живъ приписать то, чпо Россія въ пе-
ченіе двухъ вѣковъ не утратила своей
народной независимости, опь времени до
времени имѧ Князей мужественныхыхъ, bla-

горазумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшилельнымъ ударомъ навсегда избавилъ опечеспиво отъ свирѣпости Печенѣговъ, такъ Мономахъ блескющими побѣдами, въ Княженіе Свѧтополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще превозили Днѣпровскую область набѣгами, но уже не споль гибельными, какъ прежде; въ отношении къ своимъ дикимъ нравамъ чувствовали превосходство Россіянъ, любили называться Славянскими именами, и даже охотно крестились¹⁷⁵. Два раза Поляки были господами нашей древней сполицы; но испытавъ ужасную месть Россіянъ и спасая отъ собственныхъ бѣдствій внутри Государства, волнуемаго мяшежами, оставляли нась въ покоѣ. Мужественные Князья Галицкіе — Владимірко, Ярославъ, Романъ—служили для Россіи щипомъ на Юго-Западѣ и держали Венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе Болгары, съ 1185 года свободные отъ ига Грековъ, были иногда сильны народомъ; въ 1205 году разбили Лашинскаго Императора Балдуина, взяли его въ плѣнь и доходили до вратъ Константинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ Героя Асана, именемъ Іоанинъ, принужденный выѣхать изъ опечеспива, искалъ защиты Россіянъ, и съ помощью сихъ вѣрныхъ друзей—вѣроятно, знамениаго Мешислава Галицкаго — въ 1222 году восцѣль на престолъ своего дяди¹⁷⁶. — Болгары Камскіе не имѣли

духа воинскаго. Рыцари Нѣмецкіе выпѣснили Новогородцевъ и Кривичей изъ Ливоніи, но далѣе не могли распространить своихъ завоеваній; а Литовцы были не чюю иноѣ, какъ смѣлые грабители. Другихъ опаснѣйшихъ враговъ опечеснѣво наше никогда не знало, и не смотря на развлеченіе внутреннихъ силъ его, еще славилось могущеспвомъ въ отношеніи къ сосѣдамъ, наблюдалъ законы предковъ въ своемъ правленіи, успѣвая въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ образованіи.

Что касается собственно до правленія, Прапоръ оно въ сіи времена соединяло въ себѣ всѣ лѣніе, выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому пропивныхъ, государицвенныхъ ушавовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владіміръ, окруженные славою побѣдъ, величиемъ завоевателей, силу единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренno и безмолвно исполняль ихъ волю. Но когда Государствво раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ пресполомъ Св. Владіміра, и вмѣсто одного явились многіе Государи въ Россіи: тогда народъ, видя ихъ слабости, захотѣль бысть сильнымъ, спѣсняль предѣлы Княжеской властіи или пропивился ея дѣйствію. Самовластіе Государя утверждается только могущеспвомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ неограниченныхъ. Между пятью древній

успавъ Рюриковыхъ времень не бывъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщаля власпь свою Тіунамъ объявляя войну, заключаль миръ, налагалъ дани¹⁷⁷. Но граждане сполици, пользуясь свободою Вѣча, не рѣдко осправливали Государи въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышнє законодатели. Жили другъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права¹⁷⁸. Вероятно, что и въ сполицахъ не всѣ граждане могли судить па Вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ - Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новогородскій ъздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому¹⁷⁹. Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богачымъ купцамъ, владѣя селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою власпію; подъ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Іереевъ, Монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпипиміями¹⁸⁰. Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли

переводъ Греческаго Ноиоканона или Кормчей Книги: она хранилась въ Новгородскомъ Соборѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти Христіанъ¹⁸¹. — Духовныи же особамъ бывали обыкновенно поручаемы государственныи мирии переговоры: убѣжденія разсудка, подкрепляемыя гласомъ Вѣры, пѣмъ смиреніе дѣйствовали на сердца людей. — По Епископы, избираемые Княземъ и народомъ, въ случаѣ неудовольствія могли ими быть изгнаны¹⁸². Въ отношеніяхъ гражданскихъ Священникъ совершенно зависѣлъ отъ суда Княжескаго: такъ Ярославъ - Феодоръ (въ 1229) судиль какую-то важную тяжбу Епископа Ростовскаго, Кирилла, обвинилъ его и лишилъ почти всего имѣнія (Къ честии сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто жалобъ, принесъ благодарность Небу; раздалъ осипатокъ своего доспоянія друзьямъ, нищимъ, и подоб о Іову спрадая тогда отъ недуга пѣлеснаго, поспригся въ Схиму).

Богослужбие Государя на пронѣ соединено было съ обрядами священными: Митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго властивовать надъ южною Россіею; Киевляне, Новгородцы сажали Князей на престолъ въ Софійскомъ храмѣ¹⁸³. Князь въ самой церкви, во время Литургіи, спояльсь покровенною главою, въ шапкѣ¹⁸⁴ или клобукѣ (можешть бысть, въ вѣнцѣ); укра-

Обря-
ды и
чины
Дво-
ра.

шаль Бельможъ своихъ злыми цѣпями, крестами, гривнами; жаловалъ придворныхъ въ Казначен, Ключники, Поспельники, Конюшіе и проч. Что прежде называлось *Дружиною Государей*, то со временемъ Андрея Боголюбскаго уже именуемся въ лѣтописяхъ *Дворомъ*: Бояре, Опраки и Мечники Княжеские составляли оный.

Войско.

Сіи *Дворыне*, первые въ Россіи, были лучшею частію войска¹⁸⁵. Каждый городъ имѣлъ особенныхъ рабынныхъ людей, *Пасынковъ* или *Опраковъ* Боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ) и *Гридиней* или проспыхъ *Мечниковъ*, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины¹⁸⁶. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вооружались простые граждане или сельские жители¹⁸⁷; но послѣдние обязаны были давать лошадей для конницы. Совершивъ походъ — большую часцію въ концѣ зимы — Князь обиралъ у воиновъ оружіе, чтобы хранить его до новаго предпріятія¹⁸⁸. Войско раздѣлялось на полки, конные и пѣхотные, на копейщиковъ и спрѣлковъ; послѣдніе обыкновенно начинали дѣло. Главный Восвода имѣвался Тысячскимъ: Князья имѣли своихъ Тысячскихъ, города также¹⁸⁹. Если сказанія Несгора о числѣ Олеговыхъ и Игоревыхъ воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія Россійскія были многолюднѣе, нежели въ XI, XII и XIII сполѣтии: ибо сильнейшее извѣстное намъ вой-

ско въ штченіе сихъ вѣковъ состояло споль-
ко изъ 50,000 рапниковъ¹⁹⁰. Воины надѣва-
ли лани единственno въ то время, когда
уже говорились къ битвѣ; самое оружіе,
для облегченія людей, возили на шелегахъ:
отъ чего непріятели, пользуясь нечаянно-
стю, иногда нападалъ на безоружныхъ. Вой-
ско робкое или малочисленное ограждало се-
бя въ полѣ кольями и пленниками; такія же
ограды деревянныя или остроги служили
внѣшнею защищою для крѣпостей, замковъ
или дѣтицевъ. Нѣмецкій Лѣтописецъ, хва-
ля мѣшкоспѣ нашихъ спрѣлковъ, говорить,
что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ
Рыцарей искусству оборонять города; по
спѣнобийныя орудія или пороки уже давно
были у насъ извѣстны¹⁹¹.

Ни внутренніе раздоры, ни внѣшнія ча- Тор-
стия войны не препятствовали въ Россіи ^{говля.}
мирнымъ успѣхамъ торговли, благодѣтель-
нымъ для гражданскаго образованія народа. Въ сіе время она была весьма обширна и
знаменита. Ежегодно приходили въ Киевъ
купеческие флоты изъ Константинополя,
споль богатые и споль важные для общей
государственной пользы, что Князья, ожи-
дая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ при-
сымали войско къ Каневу для обороны су-
довъ отъ хищныхъ Половцевъ¹⁹². Днѣпръ
въ штченіи своею отъ Киева къ морю на-
зывался обыкновенно путемъ Греческимъ.
Мы уже говорили о предмеяхъ сей тор-

говли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣщій, горноспаевые и другіе мѣха драгоценные, чтобы обмѣнивать ихъ у купцевъ вос точныхъ на бумажныя, шелковыя шкани и пряные кореня¹⁹³. Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для собственныхъ выгодъ не мѣшиали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуэзцевъ въ южную часть Тавриды¹⁹⁴. По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые Италіанцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія Тамаръ имѣли торговляя заведенія въ Арmenіи, следственно уже господствовали на Черномъ морѣ¹⁹⁵. Въ самое же время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ пуштешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности наблюдають законы просвещенныхъ народовъ¹⁹⁶. Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венециане жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и господримствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Лапинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое Богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владіміръ Рюриковичъ Кіевскій выгналъ (въ 1255 году) какого-то Мартина, Пріора Лапинского храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣшивъ съ другими Монахами Католическими, боясь — какъ

говорить Польскій Историкъ — чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины¹⁹⁷!

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая питаю хлѣбомъ Суздальское Великое Княженіе, могли доставлять намъ и ремесленныя произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города Болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ Казани и въ 9 отъ Волги, нашлися Армянскія надписи XII вѣка¹⁹⁸: видно, что Армяне, издавна славные купеческимъ, вымѣнивали шамъ Русские мѣха и кожи на шовары Персидскіе и другіе. Донынѣ подъ именемъ Болгаръ разумѣются въ Турецкіи вос точные сафьяны, а въ Бухаріи юфть¹⁹⁹: изъ чего заключаютъ, что Азія получала нѣкогда сей шоваръ отъ Болгаровъ. Достойно примѣчанія, что въ древнемъ ихъ оптесствѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшіе изъ Русскихъ сафьянъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также Арабскія надписи отъ 1222 до 1341 года по Христианскому лѣпосчисленію, вырезанныя опчастии надъ могилами Ширванскихъ и Шамаханскихъ уроженцевъ²⁰⁰. — Землемѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотые мелочи, женскія украшенія, серебрянныя Арабскія монеты и другія безъ всякой надписи, означенныя единственно произвольными изоб-

раженіями, шочками, звѣздочками, и безъ сомѣнія принадлежавшія народу безграмотному (можетъ быть, Чудскому). Такіе любопытные памятники свидѣтельствуютъ о древнемъ цвѣтущемъ состояніи Россійской Болгаріи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрѣ²⁰¹, посыпалъ корабли въ Данію и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ Шлезвига, Король Датскій, Свенъ IV, захватилъ многія суда Россійскія, и товаровы ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы Новогородскіе имѣли свою церковь на оспровѣ Готландіи, гдѣ цвѣль богатый городъ Визби, заснувшись мѣсто Виннесмы²⁰², и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданіе, что никогда товаровы Индійскіе, Персидскіе, Арабскіе шли чрезъ Волгу и другія наши рѣки въ пристани Бальтийскаго моря. Извѣстіе вѣроятное: оно изъясняется, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнія монеты Арабскія, находимыя тамъ въ большомъ количествѣ. — Готландцы, Нѣмцы издавна жили въ Новѣгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: *зимнихъ и лѣтнихъ гостей*²⁰³. Правительство обязывалось за установленную плату высыпать къ Ижерѣ, на всپрѣчу имъ, лодоиниковъ: ибо сіи купцы, боясь пороговъ Невскихъ и Волховскихъ, обыкновенно перегружали товаровы въ легкія лодки, внося въ Казну съ каждого судна

гришу кунъ, а съ нагруженаго хлѣбомъ полгриши. Въ Новѣгородѣ опivedены были особенные дворы Нѣмецкимъ и Гопландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостію и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того Спартейшинъ; одинъ Посоль Княжескій могъ входить къ нимъ. Обиженный Россіянинъ гости жаловался Князю и Тіуну Новогородскому; обиженный гостемъ Россіянинъ Спартийшинъ илоземцевъ. Сіи тяжбы рѣшились на дворѣ Св. Іоанна. Гопланцы имѣли въ Новѣгородѣ божницу Св. Олава, Нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами. — Когда же, въ штченіе XIII сполѣнія, вольные города Германскіе, Любекъ, Бременъ и другіе, чи-сломъ наконецъ до семидесяти, вступили въ общій, иѣсный союзъ, славный въ Испорії подъ именемъ Ганзы, утвержденный на правилахъ взаимнаго дружества и вспомо-Ганза женія, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышленности — союзъ споль счастливый, что онъ, гѣстоподспивуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и Вѣценосцамъ — когда Рига и Гопландія присоединились къ сему бранѣнву: тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы Сѣверной: Ганза учредила въ немъ главную Контору, называла ее матерію всѣхъ иныхъ, спаралась угождать Россіянамъ, прѣская

злоупотреблія, служивши поводомъ къ раздорамъ; спрого подитверждала купцамъ своимъ, чиобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброшу, и чиобы купля въ Новъгродѣ производилась всегда мѣпою вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили тонкія сукна, въ особенности Фламанскія, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запрещала ввозить въ Россію серебро и золото; но купцы не слушались успава прошивнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доспавлии Новугороду не мало драгоценныхъ мспалловъ, привлекаемые трудомъ славою его изобилія и рассказами, почни баснословными, о пышности Двора Княжескаго, Вельможъ, богатыхъ гражданъ. — Псковъ участвовалъ въ сей значимій торговлѣ, и Правильство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалось споль умѣренною пошлиною, чио Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстіемъ²⁰⁴.

Древняя Біармія, уже давно обласпь Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли Шведскіе, Порвежскіе не преставали до самаго XIII вѣка ходить къ устью Сѣверной Двины²⁰⁵. Лѣтописцы Скандинавскіе повѣспиваютъ, чио въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ, Гелге Бограпсонъ, имѣвъ несчастную скору съ Біармскимъ на-

чальникомъ, быль шамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ъздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ, и возвращаясь въ опечеспво, рассказа-
зать о жалостной кончинѣ Богрансона. Нор-
вежцы хотѣли мстить за то Біармскимъ
жителемъ, и въ 1222 году прибывъ къ
нимъ на четырехъ корабляхъ, ограбили ихъ
землю, взяли въ добычу множество клей-
менаго серебра, мѣховъ бѣльихъ²⁰⁶, и проч.

Смоленскъ имѣлъ также запиную тор-
говлю съ Ригою, съ Гопландіею и съ Нѣ-
мецкими городами: чему доказательствомъ
служитъ договоръ, заключенный съ ними ^{Дого-}
^{воръ} Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидо-^{съ}
вичемъ въ 1228 году²⁰⁷. — Предлагаемъ здѣсь ^{Нѣм-}
главныя спаны онаго, любопытныя въ
отношениі къ самимъ нравамъ и законода-
тельству древней Россіи.

I. «Миръ и дружба да будущъ опынѣ
«между Смоленскою обласцио, Ригою, Гот-
«скими берегомъ (Гопландіею) и всѣми Нѣм-
«цами, ходящими по Восточному морю, ко
«взаимному удовольствію той и другой спо-
«роны. А если — чего Боже избави — сдѣлаеш-
«ся въ ссорѣ убийство, шо за жизнь воль-
«наго человѣка платить десять гривенъ
«серебра, пѣнязями (деньгами) или кунами,
«считая опыхъ (кунь) 4 гривны на одну
«гривну серебра. Кто ударитъ холопа, пла-
тишь гривну кунъ; за поврежденіе глаза,

«описъченіе руки, ноги и всякое увѣчье 5
«гравенъ серебра; за вышибенный зубъ 3
«гравивы (серебра же); за окровавленіе чело-
«вѣка посредствомъ дерева 1½ гравны, за
«рану безъ увѣчья тоже; кію удариши па-
«лицею, башогомъ, или схватиши человека
«за волосы, даешь $\frac{5}{4}$ гравны. Если Россія-
«нинъ заспанешъ Нѣмца или Нѣмецъ Россі-
«янина у своей жены; также если Нѣмецъ
«или Россіянинъ обезчеспишъ дѣвицу или
«вдову хорошаго поведенія, то взысканіе съ
«виновнаго 10 гравенъ серебра. Пеня за оби-
«ду Посла и Священника должна быть двой-
«ная. Если виновный найденъ поруку, то
«не заключашь его въ оковы и не сажашь
«въ шемницу; не пріспавляши къ нему и
«спражи, пока испеци не даль знать о
«своей жалобѣ спарѣшему изъ единозем-
«цевъ обидчика, предполагаемому миропвор-
«цу. — Съ воромъ, поиманнымъ въ домѣ или
«у повара, хозяинъ воленъ поступитъ, какъ
«ему угодно.»

2. «Заемодавецъ чужеспиранный удовле-
«шиворяешся прежде иныхъ; онъ берешъ
«свои деньги и въ шакомъ случаѣ, когда
«должникъ осужденъ за уголовное преступле-
«ніе лишишься собственности. Если холопъ
«Княжескій или Боярскій умреть, занявъ
«деньги у Нѣмца, то наследникъ первого —
«или кто взялъ его имѣніе — плашитъ долгъ.

3. «И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны въ
«шляхбахъ представляти болѣе двухъ сви-

«дѣпелей изъ своихъ единоземцевъ. Испы-
«тіе невинности посредствомъ раскален-
«наго желѣза дозволяется только въ слу-
«чаѣ обояднаго на то согласія²⁰⁸; принужде-
«нія нѣть. Поединки не должны бывать тер-
«пичы²⁰⁹; но всякое дѣло разбирается су-
«домъ по законамъ той земли, гдѣ случилось
«преступленіе. Одинъ Князь судитъ Нѣм-
«цевъ въ Смоленскѣ; когда же они сами за-
«хочиятъ ишти на судъ общи, то ихъ во-
«ля. Сею же выгодою пользуются и Россія-
«не въ земль Нѣмецкой. Тѣ и другіе уволь-
«няющіяся опть судныхъ пошлины: развѣ лю-
«ди добрые и нарочитые присовѣчиваютъ
«имъ чѣпо нибудь заплатить судью.

4. «Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о при-
«быліи гостей Нѣмецкихъ на Волокъ²¹⁰, не-
«медленно даепъ знать памощнимъ жите-
«лямъ, чиобы они везли на возахъ товары
«сихъ гостей и пеклись о личной ихъ безо-
«пасности. Жители платятъ за товаръ
«Нѣмецкій или Смоленскій, ими упрачен-
«ный. Нѣмцы на пушки изъ Риги въ Смо-
«ленскѣ и на возвратномъ увольняютъ опть
«пошлины: такжे и Россіяне въ земль Нѣ-
«мецкой. Нѣмцы должны бросить жеребей,
«комуѣ хать напередъ; если же будеѣ съ
«ними купецъ Русской, то ему осипатъся
«позади. — Въѣхавъ въ городъ, гость Нѣ-
«мецкій даритъ Княгинѣ кусокъ полотна, а
«Тіуну Волокскому перчашки Гопскія: мо-
«жетъ купинъ, продать товаръ и.и. хать

«съ онымъ изъ Смоленска въ иные города.
«Купцы Русскіе пользуются шакою же сво-
«бодою на Готскомъ берегѣ и вольны ъз-
«днѣ опишуа въ Любекъ и другіе города
«Нѣмецкіе. — Товаръ, купленный и вынесен-
«ный изъ дому, уже не возвращается хозя-
«ину, и купецъ не долженъ требовать на-
«задъ своихъ денегъ. — Нѣмецъ даєть въ-
«совщику за двѣ капи²¹¹, или 24 пуда, куну
«Смоленскую, за гривну купленнаго золота
«ногату, за гривну серебра 2 вѣкши, за се-
«ребряный сосудъ опть гривны куну; въ
«случаѣ продажи металловъ ничего не пла-
«тишь; когда же покупаетъ вещи на се-
«ребро, то съ гривны вносишь куну Смо-
«ленскую. — Для повѣрки вѣсовъ хранится
«одна капъ въ церкви Богоматери на горѣ,
«а другая въ Нѣмецкой божнице» (след-
«ственно и въ Смоленскѣ была Каптоличе-
«ская церковь): «съ симъ вѣсомъ должны и
«Волочане свѣряти пудъ, данный имъ опть
«Нѣмцевъ.

5. «Когда Смоленскій Князь идетъ на вой-
«ну, то ему не братъ Нѣмцевъ съ собою:
«развѣ они сами захотятъ участвовать въ
«походѣ. И Россіяне не принуждали къ воен-
«ной службѣ въ земль Нѣмецкой.

6. «Епископъ Рижскій, Масперъ Фолкунъ
«(Velquin) и всѣ другіе Рижскіе Власпи-
«тели признаютъ Двину вольною, опть устья
«до вершинъ ея, для судоходства Россіяне
«и Нѣмцевъ. Если — чего Боже избави — ла-

«дія Русская или Нѣмецкая повредитсѧ, то
«гостіи можешъ везде пристать къ берегу,
«выгрузить товаръ и нанять людей для
«вспоможенія; но имъ болѣе договорной цѣ-
«ны съ него не требовать.

«Сія грамота имѣшъ для Полоцка и Ви-
«тебска то же дѣйствіе, чѣмъ и для Смо-
«ленска. Она писана при Священникѣ Ioан-
«нѣ, Masterъ Фолькунѣ и многихъ купцахъ
«Рижскаго царства, приложившихъ къ ней
«свои печати; а свидѣтелями подпісались»...
Слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жителей Гоп-
ландини, Любека, Минстера, Бремена, Ри-
ги; а внизу сказано: «кто изъ Россіянъ или
«Нѣмцевъ нарушишъ нашъ уставъ, будетъ
«пропиленъ Богу. »

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣ-
мецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма
благопріятнымъ для купцовъ Ливонскихъ²¹²;
но предки наши, давая имъ свободу и права
въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ:
такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ
гостей, продавцевъ серебра и золота, отъ
всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умно-
жить количество ввозимыхъ къ намъ ме-День-
шалловъ драгоценныхъ. Въ разсужденіи цѣ-²¹³-
ны серебра замѣтили, что она со временемъ
Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвы-
силась относительно къ Смоленской ходачей
или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ
въ Правдѣ 40 гривенъ пени кунами за убий-
ство, а Мстиславъ Давидовичъ въ уставѣ

свосмъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра, — следствено шту же самую пеню²¹⁵: напропись чего Новогородскія куны унизились.

Не только кутищевъ, но и другихъ чужеземцевъ, юлезныхъ знаніями и ремесломъ, Россіяне спарадались привлекашь въ свою землю: спроишель, живописцевъ, лекарей. Опль Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменишій церкви наши были созидаемы и расписываемы иностраницами²¹⁴; по въ 1194 году Владимірскій Епіскопъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Сузdalскаго храма Богоматери, нашелъ ме-жду собственными церковниками искусныхъ маснеровъ и липецниковъ, кошорые весьма красиво онідѣмали сю церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ въ шо-варищи ни одного *Премецкаго* художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонъгъ-Петръ, спроишель каменной спѣни на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, споль удивительной для со-временниковъ, что они говорили объ ней какъ о великомъ чудѣ²¹⁵. Греческие живописцы, украсивъ образами Кіевскую Лавру, выучили своему художеству добродѣтель-наго Монаха Печерскаго, Св. Алимпія, безкорыснаго и прудомобиваго: не требуя никакой мѣды, онъ писаль иконы для всѣхъ церквей, и занимая деньги на покупку кра-сокъ, платилъ долги своею работою²¹⁶. Сей

Алимпій есть древнійшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ Россійскихъ. Кроме иконъ церковныхъ, они изображали на хартияхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особенного искусства въ рисункѣ, но красками споль хорошо соспавленными, чѣмъ въ шесть или семь вѣковъ свѣжеспѣшь онъхъ и блескъ золота ни мало не помрачились²¹⁷. — Замѣтимъ пакже, касательно рукодѣлій, чѣмъ древніе Бояре Княжеские обыкновенно носили у насть шитыя золотомъ оплечья: и пакъ искусство золотошвое --сообщенное намъ, какъ вѣроятно, оно Грековъ — было извѣстно въ Россіи прежде, нежели во многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ²¹⁸.

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена кн.
Мономаховы славились въ Киевѣ Армянскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ пишутъ), взглянувъ на больнаго, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ пропивномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачъ Николы Святоши былъ Сиранинъ. Многія лекарства соспавлялись въ Россіи: лучшія и драгоценнѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ спарались узнавать силу илѣбныхъ правъ для облегченія недуж-

ныхъ, и часто успехами своими возбуждали зависть въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Июкъ Агапитъ самъ проспымъ зелемъ и молитвою исцѣлилъ Владимира II, осужденного на смерть искуснымъ врачемъ Армянскимъ²¹⁹.

Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Свѣрѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителиахъ уединенія и молитвы. Тъ же благочестивые Июки были въ Россіи первыми наблюдателями пверди небесной, замѣчая съ великою точностью явленія Кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; пушенистивали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ спранахъ знаменитыя святоспію мѣста, и пріобрѣтая географическія свѣдѣнія, сообщали онья любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли отъ забвенія память нашихъ древѣйшихъ Героевъ, ко славѣ отечества и вѣка. Миниатюры, Еписконы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли насправленія для мірянъ и Духовныхъ. Сузальскій Святынѣль, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, Монахъ Лавры Кіевской, описали ея достопамятности и житія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакожъ и знающие свѣтскіе люди

учились. Ярославъ I, Константинъ опимънно любили членіе книгъ. Мономахъ писаль не только умно, но и красорѣчivo. Дочь Князя Погоцкаго, Святая Евфросинія, день и ночь пррудилась въ списываніи книгъ церковныхъ²²⁰. Верхуслава, невѣспка Рюрикова, рѣвноспно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игоревъ* сочинено въ XII вѣкѣ²²¹, и безъ сомнѣнія міряниномъ: и́о Поэ-Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вероятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалилъ соловья стараго времени, Спихопворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, лепая по живымъ струнамъ, рокотали или гласили славу нашихъ Витязей. Къ несчастію, иѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Спихопворцевъ исчезли въ прошлѣстивъ семи или осми вѣковъ, большему часію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь испребляль людей, огонь зданія и харпіи. Тѣмъ досѣйнѣе вниманія *Слово о полку Игоревъ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ штуреніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мыста значительнѣйшія, копорыя даютъ понятіе о вкусѣ и пітическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Съверскій, желая воинской славы, убѣждаєшъ дружину иппии на Половцевъ и говоришь²²⁴: «Хочу преломить «копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ спешахъ, «положить шамъ свою голову или шлемомъ «испить Дону!» Многочисленная рать собирается: «Кони ржущъ за Сулою, гремитъ «слава въ Киевѣ, трубы трубящіе въ Но- «вѣгородѣ, знамена развѣваючися въ Пуппив- «ль: Игорь ждешь миаго браша, Всеволо- «да.» Всеволодъ изображаетъ своихъ муже- спвенныхъ витязей: «Они подъ звукомъ «трубъ повинны, концемъ копья вскормле- «ны; пушки имъ свѣдомы, овраги знаемы; «луки у нихъ напрянуты, колчаны опворе- «ны, сабли напочены; косятся въ полѣ какъ «волки сѣрые; ищущіе честии самимъ себѣ, «а Князю славы.» Игорь, вступивъ въ зла- тое стремя, видитъ глубокую пыль предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри реву- щи въ пустыняхъ, хищныя иппици спани- цами парящіе надъ воинствомъ, орлы клек- томъ своимъ предвѣщающіе ему гибель, и лисицы лающіе на багряные щипы Россі- янъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, зллю и пиками въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣшо московъ для Россіянъ²²⁵. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непрія- тельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идущий съ Юга черныя пучи или новые поики вар-

варовъ: «Вѣпры, Сприбоговы внуки, вѣ-
«ють опь моря спрѣлами на воиновъ Иго-
«ревыхъ.» Всеволодъ впереди съ своею дру-
жиною: «сыплеть на враговъ спрѣлы, гре-
«мить о шлемы ихъ мечами булатными.
«Гдѣ сверкнеть златый шишакъ его, тамъ
«лежатъ головы Половецкія.» Игорь спѣ-
шилъ на помощь къ братшу. Уже два дни
пылаелъ битва, неслыханная, спрашная:
«земля облиша кровію, усѣяна костями. Въ
«третій день пали наши знамена: кроваваго
«вина не доспало; кончили пиръ свой хра-
«брьес Россіяне, напоили гостей и легли за
«опечеснво.» Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ:
Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ
плѣнь, и дѣвицы ихъ²²⁴ «поють веселія
«пѣсни на берегу синяго моря, звеня Рус-
«скими золотомъ.» Сочинитель молитъ всѣхъ
Князей соединиться для наказанія Половцевъ,
и говорить Всеволоду III: «ты можешь Вол-
«гу раскропить веслами, а Донъ вычерпать
«шлемами» — Рюрику и Давиду: «ваши шле-
«мы позлащенные издавна обагряютъ кро-
«вію; ваши мужеспіеніе випязи яряются
«какъ дикіе волы, уязвленные саблями кале-
«нными» — Роману и Мстиславу Волынскимъ²²⁵:
«Липва, Япвяги и Половцы, бросая на зем-
«лю свои копья, склоняютъ головы подъ
«ваши мечи булатные» — сыновьямъ Яро-
слава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третью
ему ихъ братшу: «о вы, славнаго гнѣзда ше-
«стокрильцы! заградише поле врагу спрѣ-
Томъ III.

«лами острыми.» Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Остомысломъ²²⁶*, прибавляя: «си- «дя высоко на престолѣ златокованномъ, «ты подпираешь горы Карпатскія жельз- «ными своими полками, затворяешь врага «Дуная, опровергаешь путь къ Киеву, пуска- «ешь спрѣлы въ земли отдаленные.» Въ шожь время Сочинитель оплакиваєтъ ги- бель одного Кривскаго Князя, убитаго Ли- шовцами: «дружину свою, Князь, птицы «хищныя прюдѣли крыльями, а звѣри кровь «ея полизали. Ты самъ выронилъ жемчуж- «ную душу свою изъ мощнаго пѣла чрезъ «златое ожерелье.» Въ описаніи несчастна- го междуусобія Владѣтелей Россійскихъ и бывшы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: «на берегахъ Нѣмана²²⁷ сплюютъ «они снопы головами, молотятъ щѣпами бу- «лапными, вѣюютъ душу опь пѣла.... О «времена бѣдственныя! Для чего нельзя «было пригвоздить спараго Владимира къ «горамъ Киевскимъ» (или сдѣлать безсмерти- нымъ!)... Между пѣмъ супруга плѣненна- го Игоря льетъ слезы въ Пунинвѣ, съ го- родской стѣны смотря въ чистое поле: «Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими «крылами своими навѣялъ ты спрѣлы Хан- «скія на воиновъ моего друга? Развѣ мало «тебѣ волновать синее море и лелѣять ко- «рабли на зыбяхъ его?... О Днѣпръ слав- «ный! ты пробилъ горы каменные, спре- «маясь въ землю Половецкую; ты несъ на

«себѣ ладіи Святославовы до спана Кобяко-
ва²²⁸: принеси же и ко мнѣ друга милаго, да
«не шлю къ нему упренихъ слезъ моихъ въ
«сипес море!... О солнце свѣплое! ты для
«всѣхъ тепло и красно: почто же знойными
«лучами своими изпурило ты воиновъ моего
«друга въ пуспынѣ безводной?...» Но Игорь
уже свободенъ: обманувъ спражу, онъ ле-
пилъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ оте-
чества, спрѣля гусей и лебедей для своей
пищи. Ушомъ коня, садится на ладію и
плыветъ Донъемъ въ Россію. Сочиницель,
мысленно одушевляя сю рѣку, заславляетъ
оную привѣтствованій Князя: «Не мало те-
«бъ, Игорь, величія, Хану Кончаку доса-
«ды²²⁹, а Русской земль веселія.» Князь от-
вѣтствуетъ: «Не мало тебъ, Донецъ, ве-
«личія, когда ты лелеешь Игоря на вол-
«нахъ своихъ, сплелишь мнѣ праву мягкую
«на берегахъ сребряныхъ, одѣваешь меня
«шерстыми мглами подъ сѣню древа зеле-
«наго, охраняешь гоголями на водѣ, чайка-
«ми на спруяхъ, чернепѣми на вѣтрахъ.»
Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ъдѣлъ благода-
рилъ Всевышняго во храмъ Пирогощей Бо-
гоматери²³⁰, и Сочиницель, повторивъ сло-
ва Бояновы: «худо головѣ безъ плечъ, худо
«плечамъ безъ головы», восклицаетъ: «сча-
«слива земля и весель народъ, торжеславя
«снасеніе Игорево. Слава Князямъ и дру-
«жинѣ!» Читатель видитъ, что сіе произ-
веденіе древности означеновано силою вы-

раженія, красошами языка живописнаго и смѣльными уподобленіями, свойственными Стихони проречту юныхъ народовъ.

Со временъ Владимира Святаго нравы должныствовали измѣнившись въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Небожность распространялась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ нихъ отъ суеты міра. Достойные Святыни и Пастыри Церкви удили Государей спыднившись злодѣялій, внушаемыхъ дикими, необузданными спрасиями; были ходатаями человѣчества и вступались за упъсненныхъ²⁵¹. Россіяне, по старинному обыкновенію, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили презвость какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбителъ цѣломудренной жены наказывался какъ убийца²⁵²... Торговля писала роскошь, а роскошь требовала богатства: народъ жаловался на корыстолюбіе Тіуновъ и Князей²⁵³. Лѣтописцы XIII вѣка съ оптѣннымъ жаромъ хвалились умѣренностью древнихъ Владыцелей Россійскихъ²⁵⁴: «Прошли «пѣть благословенныя времена (говоряще они), «когда Государи наши не собирали имѣнія, «а только воевали за отечество, покоряя «чуждыя земли; не угнетали людей налагами, и довольствовались одиѣми справедливыми Вирами, опдавая и пѣть своимъ вои-

«намъ на оружіе. Бояринъ не пвердилъ Го-
«сударю: мить мало двухъ сотъ гривенъ;
«а кормился жалованьемъ, и говорилъ что-
«варицамъ: «станемъ за Князя, станемъ за
«Русскую землю! Тогда жены Боярскія и-
«сили не злазыя, а проспѣ серебряныя коль-
«цы. Цынъ другія времена!» — Однакожъ ни
миролюбивыя правила Христіанства, ни
торговля, ни роскошь не усыпляли рапана-
го духа нашихъ предковъ; даже самые успа-
вы церковные писали оный: такъ воинъ
наканунъ похода освобождался отъ всякой
Энигміи²⁵⁵. Сыновья Княжескіе возраспали
въ полѣ и въ спанахъ воинскихъ; еще не
достигнувъ лѣтъ юношескаго, уже садились
на коней и мечемъ грозили врагу²⁵⁶. Къ со-
жалѣнію, сей духъ воинственныій не былъ
управляемъ благоразуміемъ человѣколюбія въ
междоусобіяхъ Князей: злобствуя другъ на
друга, они безъ спыда разоряли опечесипво,
жгли селенія беззащитныя, плюяли людей
безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, что если бы Россія
была единодержавнымъ Государствомъ (опыт
предѣловъ Даѣспра до Ливоніи, Бѣлаго мо-
ря, Камы, Дона, Сулы), то она не успу-
пила бы въ могущеспѣ никакой Державѣ
сего времени; спаслась бы, какъ вѣроѧтно,
отъ ига Татарскаго, и находясь въ пѣс-
ныхъ связяхъ съ Греціею, заимствую худо-
жеспва ея, просвѣщеніе, не отпала бы
отъ иныхъ земель Европейскихъ въ граждан-

скомъ образованіи. Торговля виѣшняя, споль обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова пошомства съ Домами многихъ знаменитѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Германіи — дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, Юга и Запада. Къ донедавнемъ до насъ чужестранніемъ извѣстіямъ о погодахъ Россіи принадлежитъ сказаніе Испанскаго Еврея, Веніатини, сына Іоны, о многихъ Азіатскихъ и Европейскихъ земляхъ, имъ видѣнныхъ. Въ 1173 году выѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ долѣвѣРоссіи путешествовалъ, и записывалъ свои при-
мѣчанія, иногда съ довольною подробностію; по упомянувъ о Россіи, говорилъ сполько, что ога весьма проспранна; что въ ней много лѣсовъ и горъ; что жили опѣ чрезмѣрного холода зимою не выходятъ изъ домовъ, лоятъ соболей и торгуютъ людьми²³⁷.

Такимъ образомъ предложивъ Чишапелю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древностей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Г. 1224 — 1238.

Происхождение Ташарь. Чингисханъ. Его завоевания. Половцы бывутъ въ Россію. Миѳнія о Ташарахъ. Совѣти Князей. Избеніе Пословъ Ташарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Ташарь. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междуусобія. Набыги Липковскіе. Походъ въ Финляндію. Хрисіанство въ земль Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Немлюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ южной Россіи. Льготный грамоты Вел. Ярослава. Землепрасеніе. Запимъніе солнця. Мяшечъ въ Новгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцамъ. Криводушіе Михаила. Свящая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Липовою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніловы. Война съ Мордою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завещаніе. Новое нашествіе Ташарь или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Зараъ. Взятие Рязани. Мужество Евпакія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятие Владимира. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сипи. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Овшесствіе Баштево.

Въ вынѣшней Ташаріи Кишайской на Югъ г.
опѣт Иркутской Губерніи, въ степяхъ не-¹²²⁴.
извѣстныхъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ, ски-
пались Орды Моголовъ, единоплеменныхъ ^{Про-}
жде-
сь Ташарь-¹²³⁸. Сей народъ ди-
кій, разсѣянный, пипаясь ловлею звѣрей,
скотоводствомъ и грабежемъ, зависѣлъ опѣт
Ташарь *Niuchey*, господствовавшихъ въ сѣ-

верной части Кипая; по около половины XII вѣка усилился, и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ нѣкоторыя области сосѣдственныя, и скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставилъ въ наслѣдіе тринацати лѣтнему сыну, Темучину, 40,000 подвластныхъ ему семействъ или данниковъ. Сей опрокъ, воспитанный матерію въ прошломъ жизни насѣтырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить миллионы людей и сокрушить Государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими Искусствами, Науками и мудростію своихъ древнихъ Законодателей.

По кончинѣ Багадура многіе изъ данниковъ оплакались отъ его сыча. Темучинъ собралъ 50,000 воиновъ, разбилъ мяшежниковъ, и въ семидесяти коплахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунта. Юный Ханъ все еще признавалъ надъ собою власть Монарха Тапарского и служилъ ему съ честію въ разныхъ воинскихъ предпріятіяхъ; но скоро, надменный блескющими успѣхами своего побѣдноснаго оружія, захопїль независимости и первенства. Ужасанъ враговъ mestію, пишать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Тапарскихъ Ордъ добровольно или отъ спраха

покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстропрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пить ея воду, и клялся дѣлать съ ними все горькое и сладкое въ жизни. Но Ханъ Керашскій, дерзнувъ обнажить мечъ на сего вспораго Аппилу, лишился головы, и чепръ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ *Темучинова гильва*²³⁹. Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположение въ девяти спахахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ щитами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на своего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился шамъ какой-то святый пустынникъ, или мнемий пророкъ, и возвѣшилъ собраю, что Богъ отдастъ Темучину всю землю, и что сей Владытель мира долженъ впредь именоваться *Чингисханомъ* или Великимъ Ханомъ. Воинны, чиновники единодушно изъявили ревностъ быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы²⁴⁰ южной Сибири и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, называлися подданными Чингисхана. Сіи Уйгуры, обожая идоловъ, имѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Науки, художества, и сообщали грамоту всѣмъ другимъ народамъ Татарскимъ²⁴¹. Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Достигнувъ споль знаменитой степени величія, сей гордый Хань торжественно отрекся плащаниемъ дань Монарху Ніучей и съверныхъ областей Кипая, вельвъ сказашъ ему въ насмѣшку²⁴²: «Кипайцы издревле «называютъ своихъ Государей сынами Неба; «а пы человѣкъ — и смертный!» Большая Его каменная стѣна, служаща оградою для Кипая, не оспановила храбрыхъ Моголовъ: они взяли шамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умершили множества пльнныхъ спарцевъ, какъ людей бесполезныхъ. Монархъ Ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и сполько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, впорично вступивъ въ Кипай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Огненное сопротивленіе жителей не могло спасти города: Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуцая, родственника послѣднихъ Императоровъ Кипайскихъ, славного въ Исторіи благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣрію сподвижниковъ Чингисхана, спасъ миллионы несчастныхъ отъ погибели, умѣрявъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образования дикихъ Моголовъ.

Еще Ташары-Ніучи пропицеборщиковали

Чингисхану: оспавивъ сильную рапу въ Кипшакъ, подъ начальствомъ мужественного предводителя, опъ успремился къ спраниамъ западнимъ, и сie движение войска его сдѣмалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о Туркахъ Алыпайскихъ²⁴³: хотя они, упѣсненные съ одной стороны Кипшаками, а съ другой Аравіянами (въ XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время Калифамъ, освободились наконецъ опъ ига и были основателями разныхъ Государствъ могущественныхъ. Такъ въ исходѣ XI вѣка Монархъ Турковъ-Сельчуковъ²⁴⁴, именемъ Челаддинъ, господствовалъ опъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и даваль повелѣнія Багдадскому Калифу, Папѣ Магометанъ. Сie Государство исчезло, ослабленное расприями частныхъ его Владытелей и завоеваніями Крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая Турецкая Династія Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ²⁴⁵, которые завладѣли большою частію Персіи и Бухаріею. Въ сie время шамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь віторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ великъ умертвить Пословъ Могольскихъ...

Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; при ночи молился на горѣ и торжественно объявиль, что Богъ во сновидѣніи обѣщаль ему побѣду успами Епископа Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сие обспѣчительство, вымыщенное для ободрѣнія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная оспервленіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственno о защите городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухарію (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своимъ долинами, богатыми рудами, красопою лѣсовъ и водъ²⁴⁶, но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣпущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, вѣхалъ на конѣ въ главную мечеть, и видя шамъ лежащей Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепель. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ

въ спѣнахъ своихъ около січа пысячъ рашниковъ и множесшво слововъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смопря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, копорые, взявъ сь нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны²⁴⁷: умертили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчного рабства. Хива, Термезъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и 200 бань для спранниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ шеченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ оспровъ Каспійскаго моря, и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1225 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ опрядилъ двухъ знаменитыхъ Военачальниковъ, Судая Байдура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербеніть. Первый городъ сдался, и Моголы хопѣли ишии самымъ крапчайшимъ пушемъ къ Дербеніу, построенному, вмѣстѣ съ Каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I,

или Чуширваномъ, для защиты Государства его опь Козаровъ²⁴⁸. Но обманутые путеводителями Моголы зашли въ тѣсныя ущелія, и были со всѣхъ споронъ окружены Аланами — Ясами, жителеми Дагестана²⁴⁹ — и Половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хипроспи, опправилъ дары къ Половцамъ и велиль сказать имъ, что они, будучи единоплеменниками Моголовъ, не должны восставать на своихъ братьевъ и дружиться съ Аланами, которые совсѣмъ илаго рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствиемъ или дарами, оставили союзниковъ; а Моголы, пользуясь симъ благоприятнымъ случаемъ, разбили Аланъ. Скоро главный Ханъ Половецкій, именемъ Юрій Кончаковичъ²⁵⁰, раскаялся въ своей оплошности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хонгель бѣжалъ въ степи; но Моголы умершили его и другаго Князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ татарами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ.

Многіе Половцы ушли въ Киевскую область съ своими женами, скопомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Копянъ, шесть Мстислава Галиц-

каго: сей Ханъ взволновалъ Россію вѣстю Поро-
нашесшвіи Моголовъ; дарилъ Князей вель-
блодами, конями, буйволами, прекрасными гуттъ
невольницами, и говориль: «нынѣ они взяли въРос-
сію. «нашу землю; завѣтра возьмутъ вашу.» Рос-
сіяне ужаснулись, и въ изумлениі спрашивали
другъ у друга, что сіи пришельцы, до
шого времени неизвѣстные? Нѣкоторые на-
зывали ихъ Таурменами, другіе Печенѣгами, ^{вія о-} Тата-
но вообще Татарами²⁵¹. Суевѣрные разска-
зывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣть
до Рождества Христова побѣжденный Ге-
деономъ, и нѣкогда заключенный въ пусты-
няхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ предъ
концемъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ,
и завоевать всю землю. Храбрый Князь Га-
лицкій, пыная ревносшю опровергнуть счастія ^{вѣить} Кня-
сь новымъ и споль уже славнымъ врагомъ, зей.
собралъ Князей на совѣтъ въ Киевѣ, и пред-
ставлялъ убѣдительно, что благоразуміе и
государственная польза обязываютъ ихъ во-
оружиться; что упѣнчные Половцы, бу-
дучи оставлены ими, непремѣнно соединят-
ся съ Татарами и наведутъ ихъ на Россію;
что лучше сразиться съ опаснымъ непрія-
щелемъ въ отечества, нежели впустить
его въ свои границы. Мициславъ Романовичъ
Кievskій (называемый въ лѣтописяхъ Спа-
рымъ и Добрымъ), Князь Черниговскій²⁵²
шого же имени (братъ Всеволода Чернаго)
и Мициславъ Галицкій предсѣдалиствово-
ли въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пыл-

кіс юноши, Даніель Романовичъ Волынскій, — Михаиль, сынъ Чермнаго, и бывшій Князь Новогородскій, Всеvolodъ Мстиславичъ. Они долго разсуждали: ваконецъ единодушно положили искать непріятелия. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и Ханъ ихъ Баспый принялъ тогда же Вѣру Христианскую.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и Варяжскаго осипрова: тамъ явились десять Пословъ Татарскихъ. «Слышишь» — говорили они Князьямъ Россійскимъ — «чию вы, обольщенные Половцами, «идене пропиць нась; но мы ничемъ не «оскорбили Россіянъ: не входили къ вамъ въ «землю; не брали ни городовъ, ни сель вавшихъ, а хопимъ единственно наказать «Половцевъ, своихъ рабовъ и конюховъ. Знаемъ, чио они издревле враги Россіи: будь-«ис же намъ друзьями; пользуясь слuchаемъ, «опишите имъ нынѣ, испребине злодѣевъ, и возьмите ихъ богатство.» Сie bla-

Избі- горазумное миролюбіе показалось нашимъ
еніе Князьямъ или робостию или коварствомъ:
No- словъ забывъ правила народной чесчи, они велѣли
слова Татар- умерившись Пословъ; но Татары еще при-
скими. слали новыхъ, кооторые, вспрѣшивъ войско
Россійское, въ семнадцатый день его похода, на берегахъ Днѣпра, близь Олешья, сказали Князьямъ: «И такъ вы, слушаясь Половцевъ, умеривили нашихъ Пословъ и «хопиние бипы? да будешь! Мы вамъ не

«сдѣлали зла. Богъ единъ для всѣхъ народа вѣ: Онъ нась разсудитъ.» Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ Ташаръ, оппушшили сихъ Пословъ, и ждали оспальванаго войска. Мстиславъ Романовичъ, Владіміръ Рюриковичъ и Князья Черниговскихъ Удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились Волынцы и Галичане, копорые на 1000 ладіяхъ плыли Днѣпромъ до моря, вошли въ Днѣпръ, и спали у рѣки Хорпицы²⁵³. Половцы также спекались къ Россіянамъ полнами. Войско наше расположилось спланомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что опрядъ Ташарскій приближается, юный Князь Даніилъ съ вѣкопорыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему на всірѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мстиславу Галицкому. Но всіни были не согласны легкомысленные юноши сказывали, что Ташары суть худые рапники, и не достойны уваженія; а Воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домаръчикъ, уверялъ, что сіи враги кажущіяся опытыми, знающими, и стрѣляютъ лучше Половцевъ. Молодые Князья непрерѣливо хотѣли вступить въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ тысячесю воиновъ ударивъ на опрядъ непріятельскій, разбилъ его совершенно. Стрѣлки наши оказали въ сеmъ дѣль искус-

спво и мужеспво. Лѣтописцы говоряшъ, что Татары, желая спасши начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что Россіяне нашли, а Половцы, съ дозволенія Мстислава, умершили сего Могольского чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ, и взявъ въ добычу множество скота, всѣ Россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской Губерніи, близъ Мариуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ. Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику Половцевъ, и Даніилу съ Россійскою дружиною идти впередъ; а самъ ѿхажъ на конѣ за ними, и скоро увидѣлъ многочисленное войско Татарамъ. Битва началася²⁵⁴.

Май
31.
Бит-
ва на
Кал-
кѣ.

Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ преснилъ густыя толпы ихъ, и кошемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ Пѣтъ, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помошь, и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголовъ: сминались, обратили тыль; въ безнамяштствъ ужаса успремились на Россіянъ, смяли ряды ихъ и даже опдаленный спашъ, гдѣ два Мстислава, Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изголовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользов-

вашася чеснію побѣды, не даль имъ никакой вѣспи о сраженіи. Сie излишнее славолюбіе Героя споль знаменитаго погубило наше войско: Россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстъ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискаравъ къ рѣкѣ, оспановилъ коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ, убивъ ихъ множествомъ, и въ штомъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; такоже отличного Витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ богатырей²⁵⁵. Земля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, опѣ начала своего не выдала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; однихъ Киевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять ихъ копей или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился въ ладію, перехалъ за Днѣпръ и велѣль испребиши всѣ суда, чтобы Татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичъ; а Владимиръ Рюриковичъ Смоленскій въ Киевъ.

Между шѣмъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій еще оспавался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ спанѣ, на горѣ каменистой; видѣль бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ пронуться съ мѣста: доспопамяшный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приспутили къ сему укрѣпленію, при дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода Бродниковъ²⁵⁶, именемъ Плоскиня, служа тогда Моголамъ, опѣ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Оспервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ спанѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, прѣхъ Князей задушили подъ досками, и сѣли лировать на ихъ трупахъ! — Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ Моголами, которыхъ, по извѣстію Татарского Историка, умышленно заманили Россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣльне семь дней²⁵⁷.

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ Россійскаго войска до са-

маго Днѣпра, Житиeli городовъ и сель, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностию, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами; но Татары безжалостно убивали и гражданъ и землемѣльцевъ, сѣдя правилу, что побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей, и что смерть первыхъ Татары нужна для безопасности вторыхъ. Всѧ южная земля. Россія трепетала: пародъ, съ всплескомъ и спасаніемъ ожидая гибели, молился въ храмахъ — и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ Востоку, и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, где сей дикий скрытый Герой, собравъ всѣхъ Полководцевъ и Князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы спартанамъ завоеваннымъ. Опять съ удовольствиемъ всенпрѣнилъ свое побѣдоносное войско, возвращавшееся опять Днѣпра: съ любопытствомъ слушалъ донесеніе Вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный погода могущесплененнымъ Царемъ Тангутскимъ, Чингисханъ пошелъ сокрушилъ его величие²⁵⁸.

Россія опдохнула: грозная шуча какъ внезапно явилась надъ ся предѣлами, такъ же и сокрылась. «Кого Богъ во гнѣвѣ ^{леніе} _{Россіи} «Своемъ насыпалъ на землю Русскую?» говорилъ народъ въ удивленіи: «откуда приходили си ужасные иноzemенники? куда ушли? извѣстно одному Небу и людямъ

«искуснымъ въ книжномъ учени²⁵⁹.» — Селенія, опустошенныя Татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ; опицы, маппери, друзья, оплакивали убитыхъ: но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Князья южной Россіи, готовясь ити на Моголовъ, требовали помощи отъ великаго Князя Георгія. Племянникъ его, Василько Константиновичъ, шелъ къ нимъ съ дружиною Росповскую, и стоялъ уже близъ Чернигова: шамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря Небо за спасеніе жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущаго, Владімірцы упѣшились мыслю, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галіцкимъ, могъ даже съ пайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣда сего Героя Ужас-возбуждали зависть. — Но скоро несчастныя пред-для суевѣрныхъ знаменія произвели общий знамен-спрахъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета, звѣзда величины необыкновен-ной, и цѣлую ночь въ сумерки показывалась на Западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ²⁶⁰. Въ сie же лѣто сдѣмалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма заполнивали свѣтъ солнца; мгла шагонила воздухъ, и пиницы,

къ изумлению людей, падали мертвые на землю. Вспомнили, что въ княжение Всеvoloda I было такое же лѣто въ Россіи, и что опечесиво наше спасало тогда отъ враговъ иноческихъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно горючое искусить Россію всѣми возможными для Государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ ожало ихъ; а Россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ, чтобы свѣжую рану опечесива расправить новыми междусобіями. Юный сынъ Но-Георгіевъ, исполняя шайное повелѣніе опца, впопрично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ Дворомъ своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, Князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду: ибо Великій Князь досадовалъ на многихъ памощникъ чайновниковъ за ихъ своевольство. Новогородцы оправили къ Георгію двухъ Пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына; а Великій Князь пребовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ, и сказалъ: «я поилъ коней своихъ Тверцею: «вапою и Волховомъ.» Вспоминая съ гордостью, что самъ Андрей Богословскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Новогородцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важные мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ

новыхъ Пословъ отвѣтиствовали Георгію : «Князь ! мы тебѣ кланяемся , но своихъ братъ- «евъ не выдадимъ . Дерзнеши ли на крово- «пролитіе ? у тебя мечъ , у насъ головы : «умремъ за Свяшную Софию .» Георгій смяг- чился ; вспушили въ переговоры , и шуринъ его , Михаиль Черниговскій , поѣхалъ кня- жить въ Новгородъ .

Г.
1225. Правленіе сего Князя было мирно и счаст- ливо . «Вся область наша » — говорилъ Лѣ- тописецъ Новогородскій — «благословляла «свой жребій , не чувствуя никакой шаго- «спи .» Георгій вышелъ изъ Торжка , захва- тивъ казну Новогородскую и достояніе мно- гихъ частныхъ людей : Михаиль , провождае- мый знаменитыми чиновниками , ъздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу . Народъ любилъ Кня- зя ; по Михаиль считалъ себя пришельцемъ въ съверной Россіи . Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время , когда Татары приближались къ Днѣпру , онъ спремился душю къ своей отчизнѣ , где снова царствовали пищина и безопасность . Напрасно усердные Новогород- цы доказывали ему , что Князь , любимый народомъ , не можетъ съ покойною совѣ- стию оставить его : Михаиль на Дворѣ Яро- слава проспился съ ними , сказавъ имъ , что Черниговъ и Новгородъ должны быти какъ бы единою землею , а жители брашьями и друзьями ; что свободная торговля и го- сподріимство свяжутъ ихъ узами общихъ

выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя Князей ненавистныхъ, Новгородцы давали волю добрымъ жить съ ними, или, говоря погдашнимъ языкомъ, поклониться Святой Софіи: изъявили благодарность Михаилу, опиупшили его съ великою честпю, и послали за Ярославомъ - Феодоромъ.

Въ то время Липовцы, числомъ до 7000, Набѣгали на Липовы-
ворвались въ наши предѣлы; грабили обласпь Торопецкую, Новогородскую, Смолен-скіе, скую, Полоцкую; убивали купцевъ, и пльняли землемѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ, что сіи разбойники никогда еще не причинили споль великаго зла Государству Россійскому²⁶¹. Ярославъ, предводительствуя своею дружиною Княжескою, соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ, съ Г. братомъ его, Владиміромъ Псковскимъ, и 1226. наснigъ непріятели близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2000 Липовцевъ, взялъ въ пльнь ихъ Князей, освободилъ всѣхъ нашихъ пльнниковъ. Князь Давидъ и любимый Меченосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убитыхъ Россіянъ. Новгородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожъ Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не изъ-1227. явилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣдующій Понходъ ходилъ съ войскомъ въ сѣверную, оп-въ даленную часпь Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали Россіяне; не обогащился въ сей діо-

бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но опиняль у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольносТЬ. Новогородцы взяли сполько пленниковъ, чибо не могли всѣхъ увеспи съ собою: и въкопорыхъ безчеловѣчно умершили, другихъ опипушили домой²⁶².

Хри-
спіан-
ство
възм-
ущен-
іе Ко-
рель-
ской.
— Ярославъ въ сей же годъ опличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: опправилъ Святѣнниковъ въ Корельскую землю, и не употребивъ никакихъ мѣръ насилиственныхъ, крестилъ большую часть жителей, уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятию Христианства²⁶³. Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ Вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія: въ то време

Ново-
город-
цы
житѣ-
и вол-
шеб-
никовъ.
— Мя, какъ наши церковные учители проповѣдывали Кореламъ Бога испиннаго и чено-
вѣколюбиваго, ослѣпленные Новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на Дворѣ Ярослава. Къ честии Духовенства и тогдашняго Новогородскаго Архиепископа Антонія — который въ 1225 году возвратилъся изъ Перемышля Галицкаго — замѣшивъ, что въ семъ жалостномъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны Церковныхъ Паспурей.

Россіяне думали, чибо грозно опустошивъ Финляндію, они уже на долгое время будуть съ сей стороны покойны; но месть даєть силы. Лишенные отцевъ, братьевъ,

дѣпей, и пылая справедливою злобою, Фин-^{г.}лянцы разорили селенія вокругъ Олонца и ¹²²⁸ сразились съ Посадникомъ Ладожскимъ. Ихъ было около двѣхъ тысячъ. Ночь прекрасна была битву. Нарасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ пльникоў, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, где Иже-ряне и Корелы испребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ Ладожанами, праздно спояль на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мяпежа воиновъ Новогородскихъ, хо-щевищихъ убить какого-то чиновника, име-немъ Судимира: Князь едва могъ спасши несчастнаго, скрывъ его въ собственной ла-діи своей:

Вообще Ярославъ не пользовался любовію ^{Нел-} народною. Желая имѣть Псковъ въ своей за-^{бовъ}висимости, онъ поѣхалъ туда съ Новогород-^{въ}скими чиновниками; но Псковитяне не хотѣли принять его, думая, что ^{сей} Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Яро-^{слаку.}славъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворъ Архиепископскомъ и тор-жественно принесъ имъ жалобу. «Небо сви-«дѣтель» — говорилъ онъ — «что я не хо-«тиль сдѣлать малѣйшаго зла Псковитя-«намъ, и вѣзъ для нихъ не оковы, а дары, «овощи и паволоки. Оскорблена честь моя «требуетъ месчи.» Недовольный холдо-стю гражданъ, Князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣсскаго, и Новогородцы съ

изумленіемъ увидѣли шапры его полковъ вокругъ дворца. Славянскій Конецъ такжে наполнился толпами сихъ рабниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и спрашныхъ для народа своеевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочеть иппии пропивъ Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его пайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; опѣ прибытия многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами $53\frac{1}{2}$ копейки, пшеницы $89\frac{1}{2}$, а пшена рубль 25 копескъ. Ярославъ требовалъ опѣ Псковишины, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Псковитяне уже заключили особенный пѣсный союзъ съ Рижскимъ Орденомъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ такимъ опѣвѣшомъ: «Князь Ярославъ! кланяемся тебѣ «и друзьямъ Новогородцамъ; а брашевъ «ихъ не выдадимъ, и въ походъ нейдемъ, «ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали «Колывань (Ревель), Кесь (Венденъ) и Ме-«двѣжью Голову, но брали вездѣ не города, «а деньги; раздраживъ непріятелей, сами «ушли домой, а мы за васъ терпѣли: наши «сограждане положили свои головы на бере-«гахъ Чудскаго озера; другіе были опровер-«гнуты въ плѣнъ. Теперь воспрашаете пропивъ «насъ: но мы головы ополчились съ Свя-

«пюю Богородицею. Идите, лейте кровь
«нашу; берите въ плень женъ и дѣтей:
«вы не лучче поганыхъ.» Сіи укоризны оп-
носились вообще къ Новгородцамъ; одна-
ко же народъ взялъ спорону Псковитянъ:
рѣшишельно объявили Князю, что не хо-
чепъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ
Орденомъ Нѣмецкимъ, и требовалъ, чтобы
рапть Переславская удалилась. Ярославъ ве-
лѣль полкамъ выступилъ, но въ досадѣ и
гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новгорода, оспа-
вивъ шамъ юныхъ сыновей, Феодора и Але-
ксандра; подъ надзираніемъ двухъ Вельможъ.
Псковитяне торжествовали; оппушчили
Нѣмцевъ, Чудь, Лапыши, уже призван-
ныхъ ими для защиты, и выгнали изъ го-
рода друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ:
«подите къ своему Князю; вы намъ не бра-
«пья.» Тогдашній союзъ Россіянъ съ Ливон-
скимъ Орденомъ и дружелюбныя ихъ сно-
шенія съ Посломъ Гонорія III въ Ригѣ, Епи-
скопомъ Моденскимъ, споль обрадовали Па-
пу, что онъ въ 1227 году написалъ весьма
благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ Князь-
ямъ, обѣщаю имъ миръ и благодеянишвіе въ
объятіяхъ Лапинской Церкви, и желая ви-
дѣть ихъ Пословъ въ Римѣ. «Ваши заблу-
жденія въ Вѣрѣ (говорилъ онъ) раздражаютъ
Небо и приносятъ всѣхъ золъ въ Рос-
сіи: бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не
«обратитесь къ испанѣ. Увѣщаемъ и мо-
лимъ, чтобы вы письменно изъявили на-

«по добрую волю чрезъ надежныхъ Пословъ,
«а между тѣмъ жили мирно съ Христианами
«ми Ливонскими»²⁶⁴.

Без спасия Новогородъ былъ нѣсколько-
ко лѣтъ жертвою еспесивенныхъ и гра-
городъ-жданскихъ бѣдствій. Опѣт половины Авгу-
ста до самаго Декабря мѣсяца густая пыль
покрывала небо и шли дожди безпрестан-
ные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ по-
зѣ: жининцы спояли пустыя. Народъ, же-
лая кого нибудь обвинить въ семъ несча-
стіи, возсыпалъ противъ новаго Владыки
Новгородскаго, Арсенія (ибо Антоній, слав-
ѣшъ здоровьемъ, лишился языка и добро-
вольно заключился въ монастырѣ Хупын-
скомъ). «Богъ наказываетъ насъ за ковар-
«ство Арсенія,» говорили безразсудные: «онъ
«выпроводилъ Антонія въ Хупынскую Оби-
«тель, и несправедливо присвоилъ себѣ его
«санъ, подкупивъ Князя.» Добрый, смирен-
ный Паспѣръ молился денно и нощно о bla-
гѣ согражданъ; но дожди не преставали, и
народъ, послѣ шумнаго Вѣча, извлекъ Ар-
хіепископа изъ дома, гналъ, шокаль, едва не
умертилъ его какъ преступника. Арсеній
искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, на-
конецъ въ монастырѣ Хупынскомъ, опку-
да нѣмый Антоній долженъ быть возвра-
тился въ домъ Святителей. Новгородцы
дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ
чиновниковъ, и еще не могли успокоиться:
вооружились, разграбили домъ Тысячскаго,

Спольниковъ Архіерейскаго и Софійскаго, хошъди повѣстить одного Старосту, и кричали, что сіи люди наводяшь Князя на зло. Избравъ новаго Тысячскаго, Вѣче послало сказать Ярославу, чтобы онъ немедленно тѣхъ въ Новгородъ, снять налогъ церковный, запретилъ Княжескимъ судьямъ вѣдти по областии, и наблюдая въ точности льготы грамопы Великаго Ярослава, дѣйстви-^{льготы} въ всемъ сообразно съ успавомъ Новогородской вольности. Или» — говорили ему послы Вѣча — «наши связи съ тобою на-^{грамо-} «вѣки разрываются.» Ещѣ Князь не далъ слава опишиша, когда юные сыновья его, Феодоръ и Александръ, успрашенные мяшежемъ Новогородскимъ, шайно уѣхали къ отцу съ своими Вельможами. «Одни виновные мо- «гутъ быти робкими бѣглецами» (сказали Новогородцы): «не жальемъ обѣихъ. Мы «не сдѣлали зла ни дѣшевъ, ни отцу, ка- «зивъ своихъ братьевъ. Нѣбо ошменилъ «вѣроломныхъ; а мы найдемъ себѣ Князя. «Богъ по насть: кого успрашимся?» Они кля- мися другъ другу быти единодушными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Кня- земъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ²⁶³.

Доселѣ, описавъ несчастную Калкскую Пробишу, говорили мы только о происшествіяхъ съверной Россіи: обратимъ взоръ въ южна полуденную. Михаиль, возвращаясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ,

нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскому, и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, шамъ бытъ Кіевскій Митрополитъ Кирилль, родомъ Грекъ, присланный Константинопольскимъ Патріархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примиріль враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ Удѣль Великаго Княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу²⁶⁶. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ попомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другие равно уважами знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ Главу и посредника. Сей Герой, долго называемый Удатнымъ²⁶⁷ или счастливымъ, провелъ осшапокъ жизни въ беспокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣль-было доброго зятя своего, мужественнаго Даниила, союзника Поляковъ, и хотѣль отнять у него владѣніе; узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Данииломъ, и, во-преки совѣту другихъ Князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знанийшихъ Бояръ Галицкихъ и скора съ Королемъ Венгерскимъ были для

него такжে весьма чувствительных огор-
ченiemъ. Одинъ изъ Вельможъ, именемъ Жи-
рославъ, увѣрилъ первыхъ, что Князь на-
мѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на из-
біеніе Хану Половецкому, Котяну: они ушли
со всеми домашними въ горы Карпатскія и
едва могли быть возвращены Духовникомъ
Княжескимъ, посланнымъ доказать имъ не-
измѣнное праводушіе, милосердіе Государя,
который велѣлъ обличенному во лжи, без-
стыдному Жирославу, шолько удалившись,
не сдѣлать ему ни малѣйшаго зла. Споль
же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздо-
рѣ съ Венграми. Нареченный его зять, юный
сынъ Короля Андрея, послушавъ коварныхъ
наушниковъ, уѣхалъ изъ Переяславля къ опи-
цу съ жалобою на какую-то мнимую не-
справедливость своего будущаго шеспія. Ан-
дрей вооружился; завоевалъ Переяславль,
Звенигородъ, Теребовль, Тихомль, и послалъ
войско осадить Галичъ, боясь самъ иппи
къ оному: ибо волхвы Венгерскіе, какъ го-
ворилъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что
онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей
городъ. Воевода Сеномирскій находился съ
Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хопѣлъ къ
нимъ присоединиться; но Даніилъ, вѣрный
шеспію, убѣжденіями и хипострію удалилъ
Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и
Король Андрей могъ бы совершенно ноги-
бнуть, если бы Вельможа Галицкій, Суди-
славъ, вопреки Даніилову мнѣнію не скло-

ниль побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, чѣмъ Мстиславъ не только прекратилъ военные дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за Королевича, но и возвель зятя на пронъ Галицкій, оспавивъ себѣ одно Понизье, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наследниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе ино-племеннику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ, но въ пропавности желанію народа, не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее беспокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даниломъ, пѣмъ болѣе, чѣмъ сей юный Князь изъявлялъ опимѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. «Лѣспечесцы обманули меня,» говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даниловымъ: «но если угодно Богу, то мы поправимъ сю ошибку. Я со-беру Полоццевъ, а сынъ мой, вашъ Князь, свою дружину: изгоню Венгровъ, отдамъ ему Галичъ, а самъ останусь въ Понизѣ». Онъ не успѣлъ сдѣлать этого, занемогъ и нещерпѣливо желалъ видѣть Даниила, чтобы поручить ему свое семейство: но козлами Вѣльможъ лишенный и сего упышненія, преславился въ Торческѣ Схимникомъ, подобно опищу заслуживъ имя Храбраго²⁶⁷,

даже Великаго, впрочемъ слабый характеръ, во многихъ слушахъ неблагоразумный, игралъ хитрыхъ Бояръ и виновникъ перваго бѣсѣдія, препершннаго Россію отъ Моголовъ. Смертию его воспользовался Королевичъ Венгерскій, Андрей, немедленно завладѣвъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Галицкимъ: Князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междуусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даниила наследникомъ городъ своихъ: Переяславцы, Черниговска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмаго); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а Князь Пинскій Черниговскъ. Сие случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даниилъ съ согласія племянія доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на бѣгомольѣ, почти одного и безоружнаго; даль ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: «плѣнимъ его не здѣсь, а въ сполицѣ.» Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даниилѣ и получилъ отъ него въ Удѣль Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черниговскъ, Даниилъ плѣнилъ сыновей Князя Пинскаго, Роспислава, который, будучи союзникомъ Владимира Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даниилъ по кончинѣ Мстислава Хра-

браго не присвоилъ себѣ власти надъ другими Князьями. Владіміръ Рюиковичъ вздумалъ испытать сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою поспригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно Митрополитъ спарался прекратить сю вражду. «Такія дѣла не забываются,» говорилъ Владіміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ Половецкій, Копянъ, Михаиль Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружескую связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однімъ спыдомъ, и долженствовали сами просить мира: ибо Даніиль склонилъ Копяна на свою спорону, призвалъ Ляховъ, и съ Воеводою Сендорскимъ, Пакославомъ, готповился осадить Кіевъ.

Г.
1229. Михаиль, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новогородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ споронъ безопаснымъ, онъ немедленно побѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе упвердить общую къ себѣ любовь, Михаиль клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани; а другимъ вельможамъ легкій оброкъ, установленный древними Князьями. Народъ, какъ бы изъ ве-

ликодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покой — то есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хопѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сю пенью собрали въ особенности съ жителемъ Городища, где находился Княжескій дворецъ, и где многіе люди держали спорону Ярослава.

Михаиль, восстановивъ пишину, предложилъ Новогородцамъ избрать иного Святителя на место Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархиєю. Одни хотѣли иметь Владыкою Епископа Волынского, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили при жеребѣ на омпарь Св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридовъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлся Главою Новогородского Духовенства и попечителемъ Республики; ибо Архиепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. — Михаиль поѣхалъ въ Черниговъ, оспавивъ въ Новогородѣ юнаго сына, Роспислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ» — сказалъ онъ гражданамъ — «чтобы вы съ честію «возвратили мнѣ сына, и чтобы я могъ «быть для васъ посредникомъ истины и

правосудія.» Межу п'ять Ярославъ овла-
дѣль Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у
себя Пословъ Михайловыхъ, которые жало-
вались на сю несправедливость. Отверг-
нувъ всѣ ихъ мирныя предложения, Ярославъ
ждалъ случая еще болѣе упѣнить Новогородцевъ. Сей Князь въ то же время поссори-
лся и съ братомъ своимъ, Георгіемъ; шай-
ными внушеніями удалилъ отъ него пле-
мѧнниковъ, сыновей Константиновыхъ, и
замышлялъ войну междуусобную; но Георгій
спарался всячески обезоружить его. Дяди и
племѧнники съѣхались наконецъ въ Суздалъ,
гдѣ Великій Князь говорилъ споль благораз-
умно, споль убѣдительно, что Ярославъ
склонился къ искреннему миру, обнявъ бра-
тa, и вмѣстѣ съ племѧнниками назвалъ его
своимъ опцемъ и Государемъ^{26с}.

Новгородцы, озабоченные набѣгомъ Ли-
товцевъ въ окрестностяхъ Селигерского
озера, не могли оপинити Ярославу за оби-
ду; разбили непріятелей въ полѣ, но скоро
увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ сѣнахъ
своихъ. Предшечею его было землетрясе-
ніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣй-
шее въ южной, такъ что каменные церкви
разсыдались. Ударъ почувствовали въ самую
обѣдину, когда Владіміръ Рюриковичъ Кіев-
скій, Бояре и Митрополитъ праздновали въ
Лаврѣ память Св. Феодосія; трапезница,
гдѣ уже стояло кушанье для Монаховъ и
гостей, поколебалась на своемъ основаніи:

Г.
1250
Маія
3. Зе-
мле-
тря-
сеніе.

кирпичи падали сверху на споль. Чрезъ де-
сять дней необыкновенное запмъніе солнца 14.
и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя Зап-
сильнымъ вѣтромъ, также успрашили на-
родъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные
люди ждали конца своего, спенали на ули-
цахъ и прощались другъ съ другомъ²⁶⁹.

Михаилъ, какъ бы желая ободрить Ново-
городцевъ, подобно другимъ изумленныхъ
сими явленіями, прѣѣжалъ къ нимъ на нѣ-
сколько дней, совершилъ обрядъ торже-
ственныхъ постригъ надъ юнымъ Ростис-
лавомъ, и возвратился въ Черниговъ²⁷⁰.
Посадникомъ Новогородскимъ былъ тогда
Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, испи-
шельный, злобный. Вражда его съ сыномъ
знаменишаго Твердислава, чиновника гордаго, Ма-
друга буйной вольноспи, а послѣ смирен- тежъ
наго инона Аркальевской Обители, произвела въ Но-
междоусобіе въ городѣ. Народъ волновался,
шумѣлъ на Вѣчахъ: шо Посадникъ, шо не-
пріятеліи его одерживали верхъ; дрались,
жгли дома, грабили. Свирѣпый Водовикъ
собственою рукою убилъ наконецъ одного
изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Вол-
ховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Яро-
славу. «Небо» — говорилъ Лѣтописецъ —
«оскорблѣнное сими беззаконіями, опѣ коихъ
«Ангелы съ печалію закрываюпъ лица свои
«крылами, наказало мое отечество.» Же-
стокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ ози- Го-
ми; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная: лодъ и
моръ.

за четверть ржи платили въ Новъгородѣ
пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ
рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу
вдвое, за четверть овса 4 рубли 65 копе-
екъ. Хотя жили славились богатствомъ;
но сія неумѣренная дороговизна испощила
всѣ средстva пропитанія для города. От-
крылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый
Архіепископъ, какъ испинный другъ отече-
ства, не имѣя способовъ прекратить зло,
спарался по крайней мѣрѣ уменьшить дѣй-
ствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ
поспроилъ скудельницу, или убогій домъ, и
выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ
Спанила, для скораго погребенія мертвыхъ,
чтобы плѣніе ихъ не заражало воздуха. Спа-
ниль съ утра до вечера вывозилъ трупы,
и въ короткое время скончилъ ихъ 3,030.
Съ неперѣніемъ ожидали Князя: ибо онъ
далъ слово возвратиться къ нимъ въ Сентя-
брѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для за-
щиты ихъ областей; но Михаиль пере-
мѣнилъ мысли и желалъ мира съ Яросла-
вомъ, гопловымъ объявивъ ему войну за Нов-
городъ. Митрополитъ Кирилль, Порфирий,
Епископъ Черниговскій, и Посоль Владимира
Рюриковича Кіевскаго прїѣхали къ Великому
Князю Георгію, моля его, для общей пользы
Государства, быть миротворцемъ. Яро-
славъ упрекалъ Черниговскаго Князя въ про-
ломствомъ. «Коварныя его внущенія» — го-
ворилъ онъ — «возбудили пропивъ меня Но-

«вогородцевъ.» Однакожъ Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою²⁷¹.

Узнавъ о томъ, Новогородцы велѣли скажать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, чѣто опецъ его измѣнилъ имъ и не доспѣинъ уже быть ихъ Главою; чтобы Роспіславъ удалился, и чѣто они найдутъ себѣ иного Князя. Народъ избралъ новаго Посадника и Тысячскаго, разграбилъ дома и села прежнихъ чиповниковъ, умершвиль одно-го славнаго корысполюбіемъ гражданина и взяль себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новогородцы призвали Ярослава, которыи далъ имъ на Вѣчъ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обычновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переяславль Зальскій, впоричко оспавивъ въ Новгородѣ двухъ сыновей, Феодора и Александра²⁷².

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За чепверть ржи плашили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами²⁷³. Бѣдные єли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самые шруны человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы пипаться ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертию. Другіе въ отчаяніи зажигали дома

гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ жилищахъ, и грабили оные; а беспорядокъ и беспѣхъ только увеличивали бѣдствія. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, коихъ было счислено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладные псы терзали множествомъ непогребенныхъ тѣлъ и самыя живыхъ оспавленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слыхать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. «Не было жалости въ людяхъ,» говорилъ Лѣтописецъ: «казаюсь, что ни отецъ сына, ни мать дочери не любитъ. Сосѣдъ со съду не хотѣлъ уломить хлѣба!» Кто могъ, бѣжалъ въ иные области; но зло было общес для всей Россіи, кроме Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячъ людей.

Г.
1231. Новгородцы весною испытали еще иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій обратился въ пепель; спасаясь отъ пламени, многіе жители утонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служить преградою для огня. «Новгородъ уже кончался,» по словамъ лѣтописи²⁷⁴. . Но великодушная дружба иноzemныхъ купцовъ опровергла сюю погибель. Услышавъ о бѣдствіи Новгородцевъ, Нѣмцы¹¹ изъ за-моря спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ, цевъ и думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корысти, остановили голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъявилъ жи-

вѣйшую благодарность за такую услугу.

Михаилъ Черниговскій, не смотря на за-
ключенный миръ въ Владімірѣ, дружесно-
но принималъ Новогородскихъ бѣглецовъ,
враговъ Ярославовыхъ, общая имъ покро-
вительство. Самъ Великій Князь Георгій
оскорбился симъ криводушіемъ и высипу-
пилъ съ войскомъ къ съвернымъ предѣламъ
Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги;
но, Ярославъ, предводительствуя Нового-
родцами, и сыновья Константиновы вы-
жгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской
Губерніи), осаждали Мосальскъ и сдѣлали
много зла окрестнымъ жителемъ²⁷³. Такимъ
образомъ древняя семейственная вражда воз-
обновилась. Бѣглецы увѣяли, что Яро-
славъ ненавидитъ большею частію ихъ со-
гражданъ, гоповыхъ взяли спорону Ольго-
вичей: для того Князь Трубчевскій Святопо-
ловъ, родственникъ Михаиловъ, опира-
лся въ Новгородъ съ дружественными
предложеніями; но свѣдалъ пропивное, и съ
великимъ спыдомъ уѣхалъ назадъ. Послѣд-
нею надеждою Новогородскихъ изгнаниковъ
осипавался Псковъ, где они дѣйствительно
были приняты какъ братья. Тамъ нахо-
дился сановникъ Ярославовъ: они заключи-
ли его въ цѣпи, и пылая злобою, желали
кровопролитія. Граждане стояли за нихъ
усильно, однако же не долго. Ярославъ, самъ
прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ
купцевъ, ни товаровъ. Нуждаясь во мно-

Г.
1232.

гихъ вещахъ — плащя за берковецъ соли окончо-
ло 10 нынѣшихъ рублей серебряныхъ —
Псковицяне смирились. Ярославъ не хотѣлъ
дать имъ въ Намѣстники сына, юнаго Кня-
зя Феодора, а далъ шурина своего, Геор-
гія²⁷⁶, котораго они приняли съ радостю,
выгнавъ бѣглецовъ Новогородскихъ.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Медвѣ-
жью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго
Князя Псковскаго Владимира, именемъ Яро-
славу²⁷⁷, и съ помощію Ливонскихъ Рыща-
рей взяли Изборскъ; но Псковицяне схва-
тили ихъ всѣхъ и выдали Князю Нового-
городскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и
Ярославъ Владимировичъ: подобно опцу то-
врагъ, что союзникъ Нѣмцевъ, онъ считалъ
Псковъ своимъ наслѣдіемъ, и хотѣвъ завое-
вать его съ бѣглецами Новогородскими,
былъ вмѣстѣ съ ними започенъ въ Пере-
славль Суздальскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ
супруга его, жившая въ Оденпе, приняла
смерть мученицы отъ руки злобнаго па-
сынка, и погребенная въ монастырѣ Псков-
скому Св. Иоанна, славилась въ Россіи памя-
тию своихъ добродѣтелей и чудесами²⁷⁸.

Свѧ-
щая
Ев-
пра-
кса.

Присутствіе Ярослава Всеволодовича бы-
ло нужно для Новогородцевъ; но поражен-
ный внезапною кончиною спаршаго сына,
онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Феодоръ,
цвѣтущий красоппою, готовился къ сча-
стливому браку; невѣста прїехала; Князья и
Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидае-

маго шира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ²⁷⁹. Народъ изъявилъ искреннее участие въ скорби нѣжнаго опца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечъ для защиты Новогородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Ливонскіе Рыщари, приспавъ къ Россійскимъ мягежникамъ и захвативъ близъ Оден-^Г 1254.
пе одного чиновника Новогородскаго, дали по-^{съ} Война
водъ Ярославу разорить окрестности сего Нѣмцами
города и Дерпта. Нѣмцы, требуя мира, заключили его на условіяхъ выгодныхъ для ^{и съ} Лит-
Россіанъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ
стѣшилъ наспигнуть Литовцевъ, которые
едва было не взяли Русы, опустошивъ
церкви и монастыри въ окрестности: онъ
разбрѣлъ ихъ въ Торопецкомъ Княженіи, за-
гналъ въ гуспые лѣса; взяль ^{въ} добычу
пришпа коней, множествомъ оружія и щи-
повъ. Сей народъ безпрепятственнымъ набѣга-
ми болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; зани-
мался единственно земледѣлемъ и войною;
презиралъ мирныя искусства гражданскія,
но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ
образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оные
не мѣною, не торговлею, а своею кровію.
Общая польза государственная предписы-
ла нашимъ Князьямъ испрѣбить гнѣздо раз-
бойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто
чего они только гонялись за Литовцами,
которые чрезъ нѣсколько времени одержа-
ли совершенную победу надъ сильною ра-

шю Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Магистръ, спасець Волькинъ, положилъ голову въ битвѣ, вмѣстѣ со многими винзами Нѣмецкими и Псковицяниами, бывшиими въ ихъ войскѣ²⁸⁰.

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, описаніе несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ Смоленскъ, опускоженный моромъ, по кончинѣ Князя Мспислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покорицься двоюродному его племяннику, Святославу Мспиславичу, внуку Романову²⁸¹. Предводительствуя Полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году), и безъ жалости лиль кровь гражданъ.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преславали. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Даніиль мужеспивенный. Подвиги Даніи- шерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, зловы дѣйски убившомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убийцъ Лешка, Герцогъ Владиславъ, сынъ Ошиповъ²⁸². Сей городъ, окруженній лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смошря на усильные приступы, въ коихъ Россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности нежели Конрадовы Ляхи; но граждане хотѣли мира. Здѣсь Лѣтописецъ разсказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Кон-

радъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего Князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сенномирскій Воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ спѣнамъ крѣпости, а Даніилъ въ проспой одеждѣ, и закрывъ шлемомъ лицо свое, спалъ за нимъ. Городскіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить Посла. «Въ «насъ паче пить одна кровь,» сказали они: «пынѣ служимъ брату Конрадову, а завѣтра «будемъ служить самому Конраду. Може пѣ «ли онъ испить намъ какъ измѣнникъ «или врагъ, и видѣть спокойно Ляховъ «невольниками Россіянъ? Какая буде пѣ «ему честь, если возмешть сей городъ? Же-«спокій иноплеменникъ, Даніилъ, присво-«итъ ее себѣ одному.» Пакославъ опѣвъ-спроводъ: «Мой и вашъ Государь расположе-«женъ къ милости; но Князь Россійскій не «хотѣть о томъ слышать. Говорите съ «нимъ сами: вонъ онъ!» Даніилъ снялъ шлемъ, и видя изумленіе городскихъ чинов-никовъ, которые споль неоспорожно его злословили, засмѣялся опять доброго сердца; успокоилъ ихъ, доспавиль имъ выгодный миръ и далъ клятву, что Россіяне, уча-ствуя въ Польскихъ междуусобіяхъ, нико-гда не будуть впередь превозжитъ безору-жныхъ земледѣльцевъ, съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣпо-писи, что никто изъ нашихъ древніихъ Кня-

зей, кроме Святаго Владимира, такъ далеко не заходилъ въ землю Польскую, какъ Даніиль.

Возвращаясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую область, пленілъ Королевича Андрея, и помня спарную дружбу его отца, дозволилъ ему жхань въ Венгрию вмѣстѣ съ Бояриномъ Судиславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галиче великокольпный домъ съ арсеналомъ. Народъ мешалъ кампами въ сего мятежнаго Боярина, восклицая: «удались, злодѣй, навѣки!» Но Судиславъ, нечувствительный къ великолѣпію Даніилову, думалъ только о меспи, и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ спаршаго сына, Белу, снова завоевать Галичъ. Сей походъ имѣлъ весьма горестное следствіе для Венгровъ. *Хляби небесныя*, по словамъ лѣтописи, отверзлись на нихъ въ горахъ Карпатскихъ: опять сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница шонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, доспигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника; слыша, чи то Ляхи и Половцы идутъ съ Даніиломъ защищать городъ; присступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха, и спрашиваясь бытъ жерпвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ удалившись, гонимый Судбою и войскомъ Даніиловымъ. Множество Венгровъ погибло въ Днѣстровѣ, ко-

пторый быль опъ дождей въ разливѣ, шакъ, чио въ Галицкой землѣ оспалась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру Уграмъ.* Множесиство ихъ нало опъ меча Россіянъ или ешидалося въ пльнѣ; другіе умирали опъ изнуренія силь или опъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорного владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было еще далеко опъ Даніила. Начались заговоры между Боярами подъ начиньемъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворце или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился спрапнымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шутку обнажилъ мечь: заговорщики въ ужасъ думая, что ихъ намѣреніе открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ не успѣвъ захватить казны съ собою, ушел изъ Бельза въ Венгрию, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ Венгры были счастливѣ. Городъ Ярославъ сдался имъ опъ невѣрности шамонинаго Восводы. Они приспутили ко Владиміру, гдѣ начальствовалъ Бояринъ, дошолъ извѣстный мужесиствомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны, блестящія оружiemъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять

Владиміра; но Бояринъ Даніиловъ измѣниль правиламъ великородшія, оробъль, и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ, отдалъ Бельзъ и Червень союзнику его, Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе, нечувствительные къ рѣдкому милосердію Даніила, проспившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его спана къ непріятелю и довершили торжество Венгровъ, копорые заняли Галичъ, гдѣ сынъ Андреевъ, утвержденный опцемъ на престолъ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только въ послѣдователіи вѣроломство двухъ недостойныхъ Князей Россійскихъ. Изяславъ Владимировичъ, внукъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оспавивъ Венгровъ, взялъ спорону своихъ братцевъ, чиобы снова измѣнить имъ. Наконецъ внезапная смерть Королевича (въ 1234 году) и единородное желаніе народа возвратили Галичъ Даніилу. Бояре не дерзнули прошипѣться: главный изъ нихъ, извѣстный мяшежникъ Судиславъ, спѣшиль уѣхать за Карпатскія горы, а Князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Киевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженного имъ наказанія, и

свраченный на пупи Даниловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даниилъ могъ еще опасаться Венгровъ; но бѣдствіе вспрѣпилось ему шамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣнѣ съ братомъ Василькомъ смирившъ хищныхъ Яшвяговъ и Липковцевъ, которыхъ въ особенности превозжили тогда область Пинскую, сей дѣятельный Князь вмѣшился въ скору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быти его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даниилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: «за благодѣ́ «янія вашего отца.» Тщетно желавъ примирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ, и заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михаиловымъ, Мстиславомъ Гльбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое Княженіе; по Владиміру, слыша о нападеніи Половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умилъ Даниила иппи къ нимъ на вспрѣчу. Когда жъ они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностью варваровъ, хотѣлъ удалитъся отъ битвы. «Ныть!» сказалъ Даниилъ: «ты заставилъ меня пропасть воли съ другою упомленною искать враговъ въ послѣдній разъ, видя ихъ передъ собою, могу единственно или побѣдить или умереть.» Хотя Даниилъ долго сражался какъ

Герой, однажды принужденъ бытъ спасатъся бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взявъ Кіевъ, пленили самого Князя Владимира съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирепости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, шамъ обиравшихъ²⁸³. Первый взялъ себѣ Кіевъ; віторый спѣшилъ вступить въ область Галицкую, и занялъ ея столицу, откуда горестный Даниилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы памощникъ Бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не стало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восцель на престоль, и Даниилъ, поручивъ брату Васильку оберегать Владимира, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что отъ тогода, надѣясь съ помощью Адресса преемника удержать за собою Галичъ, далъ ему слово быть даникомъ Венгрії: ибо, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белана коронованія²⁸⁴, вель его коня (что было тогода знакомъ подданства). Уничоженіе безполезное! Даниилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика Венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, следствіено безсильнымъ Владытелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Поль-

скимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей и пленилъ шамъ называемыхъ Князей Болховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имъвніихъ свой Удѣль на Бугъ, не далеко отъ Бресла): однакожъ не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую. — Кромъ сей войны междуусобной, кроме непрестанныхъ сшибокъ съ Яшвятами, бодрый Даніилъ разбогорсивовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣй: опидалъ ихъ, и пленилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотя даже весни полки свои въ Германію, чтобы защищить Герцога Австрійскаго, его союзника, упѣсенаго Императоромъ Фридрихомъ: но возвращился изъ Венгрии, уваживъ совѣтъ Короля Белы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными доспоянствами сердца и неупомнимыми подвигами занималъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ. Одинъ Ярославъ Всеволодовичъ Новгородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружилася въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичъ женился на Вели-

кой Княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго величался на пронѣ Киевскомъ: Владимиръ Рюриковичъ изгналъ его, выкупивъ себя изъ пльна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даніи:овыхъ съ Великимъ Княземъ Г. 1236. Георгіемъ долженствовалъ уступить Киевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжитъ въ древней столицѣ Россійской; а Владимиръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Великое Княженіе Сузdalьское или Владимиrское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій отъ времени до времени Война посыпалъ войско и самъ ходилъ на Морду, съ Мордъ жечь села и хлѣбъ, пленять людей и брать вою скопъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и шамъ рѣдко спасались отъ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Отроки или молодые воины Росповской и Переславской дружины были однажды жертвою ихъ мески и своей неосторожности²⁸⁵. Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣялся даже приспуштать къ Нижнему Новугороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князья Мордовскіе были ротниками или присяжными данниками Георгія, и многіе Россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на то,

что Болгары и Половцы превожили опую.—
Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ
шестипѣтняго несогласія²⁸⁶: размѣнялись Миръ
пльнниками, съ обѣихъ споронъ дали ама-^{съ} Болга-
наповъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣ-^{рами.}
шописецъ сказываетъ, что ихъ Труны, или
знатные люди, и чернь присягнули въ вѣр-
номъ исполненіи условій. Впрочемъ миръ не
препятствовалъ симъ ревноспинымъ Маго-
мепанцамъ изъявлять ненависть къ нашей
Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умерши-
ли одного Христаціна, богатшаго купца, ^{Муче-}
пріехавшаго для торговли въ ихъ шакъ на-^{никъ} Авра-
зываємый Великій Градъ, и не хоптѣвшаго мій.
поклонились Магомету. Купцы Россійскіе,
бывъ свидѣтелями убийства, взяли шѣло
сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ че-
стю опивезли въ Владимиръ, гдѣ Великій
Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Ду-
ховенство, народъ встрѣчили оное со свѣ-
щами и погребли въ монастырѣ Богома-
шери²⁸⁷.

Послѣ несчастной Калкской битвы Россі-
яне лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ,
думая, что сей спрашный народъ, подобно
древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣ-
тъ. Чингисханъ, совершино покоривъ Тан-
гутъ, возвратился въ опчизну и скончалъ Смер-
жизнь — славную для Исторіи, ужасную и ^{Чин-}
ненавистную для человѣчества — въ 1227 ^{на.}
году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Окшая
или Угадая, старшаго сына, и предписавъ

Его ему давать миръ однімъ побѣжденныимъ на-
заки-
шаніе. родамъ²⁸⁸: важное правило, коему следовали
Римляне, желая повелевать вселеною! До-
веривъ завоеваніе съверныхъ областей Ки-
пайскихъ и разрушивъ Имперію Нучей,
Окпай жилъ во глубинѣ Ташаріи, въ вели-
колѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Кипайски-
ми художниками²⁸⁹; но пылая славолюбiemъ
и ревноснію исполнить волю онца — коего
прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ
подъ сѣнью высочайшаго дерева — новый
Хань далъ 300,000 воиновъ Башнио, своему
племяннику, и велѣлъ ему покорить съвер-
ные берега моря Каспийскаго съ дальнѣйши-
ми спранами. Сіc предпріятіе рѣшило судь-
бу нашего отечества.

Уже въ 1229 году какіе-то Саксины —
Новое въроятино, единоплеменные съ Киргизами —
наше-
Половцы и спрѣжа Болгарская, отъ бере-
Та-
говъ Яика гонимые Ташарами или Могола-
шаръ или ми, прибѣжали въ Болгаріо съ извѣстіемъ
Мого-
до-
домъ. о нашеспії сихъ грозныхъ завоевашелей²⁹⁰
Еще Башний медлилъ; паконецъ, чрезъ три
года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ
Волги, не далеко отъ Великаго Города; въ
1237 году, осенью, обратилъ въ пепель
сю Болгарскую столицу, и велѣлъ умер-
Г. 1237. ившіи жишелей. Россіяне едва имѣли время
узнать о томъ, когда Моголы, сквозь гу-
стые лѣса, вспушили въ южную часть Ря-
занской области, пославъ къ нашимъ Князь-
ямъ какую-то жену чародѣйку и двухъ чи-

новниковъ²⁹¹. Владѣтели Рязанскіе — Юрій братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Иронскій и Муромскій — сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Башыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но даcниковъ и рабовъ. «Если желаете мира» — говорили Послы — «по десятая часинъ всего вашего «доспоянія да будеятъ наша.» Князья отвѣтили великодушно: «когда изъ насъ «никого въ живыхъ не останется, тогда «все возмуще,» и велѣли Посламъ удалились. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко спать за ощечеспиво и Вѣру, просили опѣть него помощи. Но Великій Князь, надменный своимъ могущеспвомъ, хотѣль одинъ управиться съ Татарами, и съ благородною гордоспию опровергнувъ ихъ требование, предалъ имъ Рязань въ жерту. Провидѣніе, гоповое наказаніе людей, осѣпляєшъ ихъ разумъ.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія обстоятельства: «Юрій Рязанскій, осрамленный Великимъ Княземъ, «послалъ сына своего, Феодора, съ дарами «къ Башыю, кошорый, узнавъ о красотѣ «жены Феодровой, Евпраксіи, хотѣль видѣть ее; по сей юный Князь опѣшилъ «валъ ему, что Христіане не показываютъ

«женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый
«вельмъ умертвилъ его; а несчастная Ев-
«праксія, свѣдавъ о погибели любимаго су-
«пруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, Іоан-
«номъ, бросилась изъ высокаго перема на
«землю и лишилась жизни. Съ того време-
«ни сіе мѣсто, въ память ея, называлось
За-
разъ. «зоразомъ или убоемъ. Отецъ Феодоровъ,
«Юрій, имѣя войско малочисленное, опва-
«жился на битву въ полѣ, гдѣ легли всѣ
«випази Рязанскіе, вмѣстѣ съ Князьями Прон-
«скимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. Только
«одного Князя, Олега Ингворовича Краснаго,
«привели живаго къ Батыю, который, бу-
«дучи удивленъ его красотою, предлагалъ
«ему свою дружбу и Вѣру: Олегъ съ пре-
«зрѣніемъ отвергнулъ ту и другую; иско-
«диль кровію отъ многихъ ранъ, и не бо-
«ялся угрозъ, ибо не спрашивалъ смерти
«^{292.}» — Въ лѣтописяхъ современныхъ нѣть
о шомъ ни слова: послѣдуемъ ихъ доспо-
вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Батый двинулъ ужасную рапу свою къ
сполицѣ Юріевѣ, гдѣ сей Князь запворил-
ся. Татары на пушкы разорили до основанія
Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая
всѣхъ людей безъ милосердія, и приспушивъ
къ Рязани, оградили ее шыномъ или острогомъ,
чтобы пѣмъ удобнѣе битться съ оса-
жденными. Кровь лилась пять дней: воины
Батыевы перемѣнялись, а граждане, не вы-
пуская оружія изъ рукъ, едва могли спо-

ять на спѣхахъ опѣ успалоспи. Въ шестый день, Декабри 21, по упру, изгопо-
вивъ лѣсницы, Татары начали дѣйствованиемъ Взл-
скѣнобишными орудіями и зажгли крѣпость; ^{ше} Ряза-
сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, ^{ни} и
испредбляя все огнемъ и мечемъ. Князь, су-
пруга, мать его²⁹³, Бояре, народъ, были
жеритвою ихъ свирѣпости. Веселясь опчая-
ниемъ и муками людей, варвары Баптыевы
распинали пѣнниковъ, или связавъ имъ ру-
ки, спрѣбляли въ нихъ какъ въ цѣль для
забавы; оскверняли святыню храмовъ наси-
лиемъ юныхъ Монахинь, знаменишыхъ жепъ
и дѣвицъ въ присуществіи издыхающихъ су-
пруговъ и матерей; жгли Іереевъ или кро-
вью ихъ обагряли олтарі. Весь городъ съ
окрестными монастырями обратился въ пе-
ппель. Несколько дней продолжались убий-
ства. Наконецъ исchezъ вопль опчаянія: ибо
уже некому было спенатъ и плакать²⁹⁴.
На семъ ужасномъ феапрѣ опустошенія и
смерти ликовали побѣдители, снося со всѣхъ
сторонъ богатую добычу. — «Одинъ изъ
Князей Рязанскихъ, Игорь, по сказанію но-
вѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ
Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коло-
вратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о наше-
ствіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою Му-
опчицу; но Баптій уже выступилъ изъ же-
ся предѣловъ. Пылая ревноснію опмѣстить Евпа-
врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ успре-
мился въ слѣдъ за ними, наспигъ и бы-

стрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные Ташары думали, что мерквичи Рязанские воспали, и Башний спросилъ у папки взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? Слуги Князя Рязанского, полку Евпатіева, опившись спивали сіи люди: *памъ вельно съ честію проводить тебя, какъ Государя знаменитаго, и какъ Россіяне обыкновено провождаютъ отъ себя иноплемениковъ: стрѣлами и копьями.* Горсть велико-душныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпакій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнь живые, и Башний, уважая споль рѣдкое мужество, велѣль освободить ихъ. Между тѣмъ Ингоръ возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ спрашной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, оспались единственно кучи пепла и труповъ, перзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойныхъ винзей лежали рядомъ на мерзломъ ковыль, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингоръ, собравъ Іереевъ съ горестными священными пѣснями предаль земль мерквичей. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрия, и привезъ его въ Рязань а надъ гробами Феодора Юрьевича, нѣжной

его супруги Евпраксія и сына поспавиль каменныя кресты, на берегу рѣки Осенира, гдѣ сплюнѣть нынѣ славная церковь Николая Заразскаго²⁹³.»

Башый близъ Коломны вспрѣшилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь со-^{Коло-}
единился съ Романомъ Ингоровичемъ, пле-<sup>мен-
житва.</sup>
мянникомъ Юрия Рязанскаго, и неуспраши-
мо вступилъ въ битву, весьма первенную.
Знаменитый Воевода его, Еремей Глѣбово-
вичъ, Князь Романъ и большая часть ихъ
дружины погибли отъ мечей Тапарскихъ;
а Всеволодъ бѣжалъ къ опицу въ Владимиръ.
Башый въ то же время сжегъ Москву²⁹⁶,
плѣнилъ Владимира, вніораго сына Георгіе-<sup>Сож-
женіе</sup>
ва, умеривши шамошнаго Воеводу, Филиппа-<sup>Мо-
сквы.</sup>
на Няньку, и всечъ жипелей. Великій Князь
содрогнулся: увидѣль, сколь опасны сіи не-
пріятели, и выѣхалъ изъ сполицы, пору-
чивъ ея защищу двумъ сыновьямъ, Всеволо-
ду и Мстиславу. Георгій удалился въ область
Ярославскую съ премя племянниками, дѣнъ-
ми Константина, и съ малою дружиною;
расположился спланомъ на берегахъ Сини,
виадающей въ Мологу; началь собирашь вой-
ско, и съ несприѣніемъ ждалъ прибытия
своихъ братъевъ, особенно болраго, умнаго
Ярослава.

2 Февраля Тапары явились подъ спѣна-^{г.}
ми Владимира: народъ съ ужасомъ смопрѣль 1258.
на ихъ многочисленноснъ и быстрѣя дви-
женія. Всеволодъ, Мстиславъ и Воевода,

Взя-
ше
Вла-
дими-
ра
Пепръ Осядюковичъ, ободряли гражданъ.
Чиновники Башыевы, съ коннымъ опрядомъ
подъехавъ къ Златымъ вратамъ, спрашивали,
гдѣ Великій Князь, въ столицѣ или въ
опускѣ? Владімірцы, вмѣсто опивъ па,
пушими нѣсколько спрѣль; непріятели
также, но кричали нашимъ: *не стрѣляйте!*
и Россіяне съ горестно увидѣли предъ спѣ-
ною юнаго Владіміра Георгіевича, пленен-
аго въ Москвѣ Башыемъ. «Узнаете ли ваше-
го Князя?» говорили Тапары. Владіміра
дѣйствительно трудно было узнать: споль
онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый
бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ. Башыя
его и граждане не могли удержаться отъ
слезъ; однажды не хотѣли показывать сла-
бости и слушать предложеній врага над-
менного. Тапары удалились; обѣхали весь
городъ и посыпали шапры свои пропивъ
Златыхъ вратъ въ виду. Пыная муже-
ствомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали
битвы. «Умремъ» — говорили они дружинѣ —
«но умремъ съ честію и въ полѣ.» Опыт-
ный Воевода Пепръ удержалъ ихъ, надѣ-
ясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ
спасти отечество и столицу²⁹⁷.

Батый немедленно опрядилъ часть вой-
ска къ Суздалю. Сей городъ не могъ со-
противляться: взявъ его, Тапары по сво-
ему обыкновенію испребили жителей, но
кромѣ молодыхъ Инооковъ, Инокинь и цер-
ковниковъ, взятыхъ ими въ пленъ²⁹⁸. Фе-

враля 6 Владими́рцы увидѣли, что непріятель готишилъ для присступа орудія спѣнишнныя и лѣсницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый ми-
луелъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Опікнулось зрѣлище доспопамятое, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и многіе чиновники собрались въ храмъ Богомащери, и требовали, чтобы Епископъ Миндофанъ облекъ ихъ въ Схиму или въ Великій Образъ Ангельскій. Священный обрядъ совершился въ шинѣ торжеспѣнной: знаменитые Россіянне про-
спились съ міромъ, съ жизнью, но споя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: Татары вломились въ Но-
вый Городъ у Злашихъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыхъ Ирины, опѣ рѣчки Лыбеди; такоже опѣ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множествомъ Бояръ и народа запворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! проснри не-

«видимую руку Свою и пріими въ миръ души рабовъ Твоихъ,» благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо Татары опубили наконецъ двери и ворвались въ священный храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоценныя каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами Княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдавались добычею инонаеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ пленъ, и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ спань непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли проплыть сквозь ихъ шлюзы, и положили свои головы въ города.

Завоевавъ Владіміръ, Татары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городу и Косиromскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ Великаго Княженія — Переславль, Юрьевъ, Дмигровъ — то есть, опустошили ихъ, убивая или пѣняя жителей. Еще Георгій споялъ на Сини: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣпсы, онъ проливалъ горькія слезы,

и будучи усерднымъ Христіаниномъ, молились Бога даровать сму спасеніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличивають душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную превосходность въ несчастіи; забыть свою печаль, когда надлежало действовать; поручилъ Воеводство Дружинѣ Боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ решительной битвѣ. Передовыій отрядъ его, соспавленный изъ 3000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвращился съ известиемъ, ч то полки Башыевы уже обходяще ихъ²⁹⁹. Георгій, брашь его Свѧтославъ и племянники сѣли на коней, успроили войско и вскорѣшили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратились вѣтъ. Георгій наль на берегу Сипи. Князь Василько остался пленникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Сей досѣйный сынъ Константиновъ глупился постыдною жизнью невольника. Изнуренный подвигами жесипокой битвы, скорбю и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи ошь руки враговъ. «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Басыя!» говорили ему Татары. «Люпные Герой «кровопийцы, враги моего отечества и Хри- Ва- «сина, не могу ошь быть мнѣ друзьями,» от- силько вѣщевовалъ Василько: «о темное царство! «есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполн- «нися мѣра твоихъ злодѣй»³⁰⁰.» Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами ошь

яростии: великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. — Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между птьмъ Росповскій Епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для Россіянъ битвы на берегахъ Сипи, въ кучѣ мертвыхъ пѣль искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по Княжескому одѣянію; но труворище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные оспаки знамениаго Князя и положилъ въ Росповскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и пѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго Священника: вдовствующая Княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, Епископъ и народъ всپрѣшили оное со слезами. Сей Князь быль искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хваляти его красоту цвѣшущую, взоръ свѣплый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кропотливость въ обхожденіи съ Боярами. «Кто служилъ ему,» говорятъ они: «кто хлѣбъ его и пилъ съ «нимъ чашу, то пѣже не могъ быть слугою иного Князя.» Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее опысканную послѣ голову Великаго Князя.

Многочисленныя толпы Баптыевы спре-

мились къ Новугороду, и взявъ Волокъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жипели двѣ недѣли обронялись мужеспвенно, въ надеждѣ, чпо Новогородцы усердною помощю спасутъ ихъ. Но въ сie несчастное время всякой думаль только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, Бояре говорили, чпо опечеспво гибнепъ, и не упопрѣбляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли наконецъ Торжекъ и не дали никому пощады; ибо граждане 5 Мар-дерзнули прошипиться³⁰¹. Войско Баштия^{ма.} шло далѣе пушемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жипелей, по словамъ Лѣшописцевъ, падали на землю какъ пправа скопленная. Уже Баштий находился во 100 верспахъ отъ Новагорода, гдѣ плоды цвѣ-спущей, долговременной торговли могли обѣ-щать ему богатую добычу; но вдругъ — испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края — къ радостному изумлѣнію тамошнихъ жипелей, обратился назадъ къ Козельску (въ Губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменипый, имѣлъ тогда особенного Князя еще въ дѣшскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени Князей Черниговскихъ³⁰². Дружина его и народъ со-вѣтовались между собою, чпо дѣлать. «Нашъ «Князь младенецъ,» говорили они: «но мы, «какъ вѣрные Россіяне, должны за него уме-«реть, чтобы въ мірѣ оставилъ по себѣ

Спасение
Новагорода.

Осада «добрую славу , а за гробомъ принять въ-
Ко- зель- «нець безсмертия.» Сказали и сдѣлали. Та-
ска. шары семь недѣль спояли подъ крѣпостю
и не могли поколебать твердости жите-
лей никакими угрозами; разбили стѣны и
взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними
ножами, и въ единодушномъ порывѣ герой-
ства успремились на всю рапту Баптыеву;
изрубили многія стѣнобитныя орудія Та-
шарскія, и положивъ 4000 непріятелей, са-
ми легли на ихъ трунахъ. Ханъ велѣль
умертишилъ въ городѣ всѣхъ людей безоруж-
ныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Ко-
зельскъ Злымъ городомъ: имя славное въ
шакомъ смыслъ! Юный Князь Василій про-
палъ безъ вѣсти: говорили, что онъ уто-
нуло въ крови.

Очи- ше- сивie ми и разрушениемъ, опошель на время въ
Бапты- землю Полоцкую, къ Дону, и брашь Геор-
евъ, Ярославъ — въ надеждѣ, что буря
миновалась — спѣшилъ изъ Киева¹⁰⁵ въ Вла-
димиръ принять доспопись Великаго Кня-
зя.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ III ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Кiev. Лѣт.* — Обласінь Суздальская граничила съ Новогородскою близъ Торжка, съ Княженіемъ Смоленскимъ въ Калуж. Губерніи, въ Тульской съ Вяничами и съ Рязанью, въ Нижегород. и Владимір. Губерніяхъ съ Муромскою обласію.

(2) См. *Kiev. Лѣт.*

(3) См. *Новогородск. Лѣт.* стр. 37. Со Мстиславомъ Апдреевичемъ ходили къ Новугороду Романъ Смоленскій, братъ его Мстиславъ, сынъ Рязанскаго, сынъ Муромскаго и проч. Въ *Лѣт. Новогород.* прибавлено: «вся земля *Просторусьская*,» вместо *Русская*. Въ *Степен.* и въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано: «единыхъ бо Князей бяще шогда 72.» Тапищевъ замѣчаєтъ, что и во всей Россіи не было шогда 72 Князей; но всехъ ли ихъ знаемъ по лѣтописямъ? Сей же Испорикъ говорить, что въ Новгородѣ былъ шогда Архіепископъ не Іоаннъ, а Илья: его называютъ шѣмъ и другимъ именемъ; одно мірское, а другое Монашеское (см. Т. II, пр. 353).

(4) Сie разсужденіе находится въ харап. лѣтописяхъ, въ *Степен.* (I, 300) и въ другихъ. Въ первыхъ сказано: «Не глаголемъ, прави супъ Новгородци, яко издавна супъ свободени Новгородци правдѣды Князь нашихъ. Не велѣли имъ предніи Князи крестить преступници, или внуки или правнуки со ромляти (посрамляши). То доколѣ Богови щерпини?» и проч.

(5) Въ *Степен.* и въ *Никонов.* сей храбрый Якупъ названъ Андреевичемъ.

(6) См. о чудѣ въ *Степен.* I, 502, въ Архив. *Псков.* и въ *Kiev. Лѣт.* Новгородцы успавили тогда праздникъ *Знаменія Богоматери*: см. *Прологъ 27 Ноября.*

(7) Т. II, пр. 78 и 224; также Т. I, пр. 475. — Рюрикъ, выѣхавъ въ Новгородъ изъ Овруча Авг. 8 (*Kiev. Лѣт.*) прїѣхалъ въ Новгородъ Окт. 4.

(8) Глѣбъ умеръ 20 Генв. въ 1170 или 1171 г.; его погребли тамъ, гдѣ лежалъ отецъ его Георгій: у Св. Спаса въ Бересиновѣ. О характерѣ Глѣба говорить *Kiev. Лѣт.*

(9) См. *Kiev. Лѣт.*

(10) См. тамъ же.

(11) См. тамъ же.

(12) Сей Ярополкъ, сынъ Ростислава Юрьевича, былъ прежде высланъ Андреемъ изъ Суздальской области, какъ мы упоминали. Изъ Греции не возвращился одинъ Василько Георгіевичъ.

(13) См. *Kiev. Лѣт.*

(14) См. тамъ же.

(15) См. тамъ же. Слово *подручникъ* въ древнемъ Русскомъ языке знаменовало тоже, что Лапшинское *Vassus*, *Vassallus*, или Польское *Holdownik*, внесенное въ *Словарь Академіи Российской* единственно въ угожденіе Болшуну, если не ошибаюсь: ибо онъ думалъ, что мы не имѣмъ въ языке нашемъ слова для выраженія сего смысла. Въ Олеговомъ договорѣ съ Греками упоминается о Князьяхъ, *иже суть подъ рукою* Великаго Князя: то есть, о *подручникахъ* его или *головникахъ*, если Польское, совсѣмъ неизвѣстное у насъ слово предпочтеннѣе коренному Русскому.

(16) Сіи Каптолики были, думаю, купцы иностранные: Поляки, Венгры, Богемцы и проч.

(17) См. Т. II, спрап. 216.

(18) Такъ въ *Воскресен.*, *Ростов.*, *Kiev.* и другихъ; но въ харашиныхъ нѣпѣ ни слова о причинѣ злодѣйства. — Городокъ Боголюбовъ нынѣ село на берегу Клязмы. Тамъ находится монастырь, гдѣ есть церковь и кельи весьма древнія.

(19) Въ Москов. Оружейной Палатѣ есть древній мечъ Греческой работы, съ вырѣзанною *Греческою* надписью: «Пресв. Богородица! помоги рабу «твоему.. Въ лѣто по Христу..» Не сей ли мечъ принадлежалъ Св. Борису и Андрею? Онъ издревле

хранился какъ святыни вмѣстѣ съ Мономаховою шапкою.

(20) Здѣсь въ первый разъ упомянуто имя *Дво-
рянъ* въ смыслѣ *Придворныхъ*. См. *Кiev. Лѣт.*

(21) Андрей едва ли дожилъ до 60 лѣтъ. Отецъ его женился въ 1107 г., но имѣлъ спаршихъ дѣтей — Въ *Синопсисѣ* сказано, что сей Князь, названный Боголюбскимъ за его любовь къ Богу, до крещенія своего именовался *Китаемъ*. Въ древнихъ лѣтопи-
сахъ иѣшьшаго — и развѣ Андрей былъ крещенъ уже въ иѣкопорыхъ лѣтахъ? Имя *Боголюбскаго* да-
но ему, думаю, опѣ города Боголюбова, имъ поспро-
енного.

(22) См. *Kiev. Лѣт.* — Въ штомъ же 1160 г. сто-
рѣла въ Ростовѣ Соборн. церковь Богоматери, *див-
ная и великая*, яко же не было и не будетъ. О
сей дубовой церкви см. въ *Воскр. Лѣт.* Г, 153.

Въ 1164 году освятили въ Владимірѣ церковь на
Златыхъ вратахъ и заложили храмъ Спаса.

(23) Въ хараштейныхъ и въ *Kiev. Лѣт.* Въ числѣ
пропавшихъ Леоповыхъ находился и Св. Кирилль,
Еписк. Туровскій, мужъ знаменитый ученостью по
тогдашнему времени, кошорый имѣлъ переписку съ
Андреемъ Боголюбскимъ (*Прологъ* Apr. 28) и сочи-
нилъ иѣсколько разсужденій богословскихъ. Мне из-
вѣсчило одно изъ его твореній, *Кюрила Епископа
Туровскаго сказание о Черноризчествѣ чину*, пайденное мною въ хараштейной Кормчей Книгѣ (Синод.
библ. № 82). Въ примѣръ слога и мыслей выписы-
ваю слѣдующее: «Прѣвое речемъ о исходящихъ изъ
«мїра въ манасырь и вѣзимающихъ искусныѣ ри-
«зы Мнишскаго образа; по успаву онъ обѹ закону
«исправлено бысть шо, и лѣпо есть първѣ въ иску-
«сѣ быши. Внимай своему образу и жишию, Мнише;
«и смопри своихъ ризъ обличенія, и познай собе...
«Да небудеши короспавъ и хромъ, и слѣпъ, и ранынъ;
«си бо вси повержени бываюши, порока дѣля, псомъ
«и птицамъ на сиѣдь... Блюди опасно, да не бѣ-
«сомъ поконще» (покоемъ или храминою) «зде бывъ

«и душю свою геенъскими повържеши птицамъ, ко-
«рославъ бывъ твореніемъ грѣловъ, хромъ же при-
«лѣжаніенъ житійскихъ венцій, слѣпъ же неплодъ-
«спвомъ жива (живя), о чревѣ такмо пекася....»

(24) См. *Воскресен.* II, 81.

(25) Извлеченис изъ сей лѣтописи напечатано въ Казанской Исторіи Рычкова и въ журнале его путешесствія, II, 30. Подлинная рукописная находиться въ Архивѣ Иноспр. Коллегіи, въ собранныхъ Миллеромъ историческихъ бумагахъ, подъ № 75.

(26) Сіе было уже въ 1181 г. — Никулицынъ есть нынѣ село Никулицкое.

(27) Сей обрядъ и нынѣ исполняется: только спрѣмы опмѣнены. Изъ села Никулицкаго приносятъ также въ Вятку образъ Св. Бориса и Глѣба, въ воспоминаніе счастливаго приспупа къ городку Болванскому.

Маловажные случаи послѣднихъ лѣтъ Андреева кляженія суть слѣдующіе: Въ 1171 г. родился сынъ Василій у Мстислава Андреевича. Въ 1174, Генв. 11, скончался братъ Андреевъ, Святославъ Юрьевичъ. — Въ томъ же году, Генв. 19, умеръ Ки. Муромскій, Юрий Ярославичъ, сынъ Ярослава Святославича, внука Великаго Ярослава.

(28) См. *Рос. Библ.* стр. 261. Въ подлинникѣ сказано: *пригородовъ*.

(29) Ки. Глѣбъ былъ сынъ Ростиславовъ и внукъ Ярослава Святославича, Рязанскаго и Муромскаго (см. Т. II, пр. 216).

(30) Отецъ сихъ послѣднихъ, сынъ Георгіевъ, былъ Князь Переяславскій (см. Т. II, страи. 255). Ростиславъ могъ княжить въ одномъ изъ городовъ Суздальской области прежде, нежели отправился въ южную Россію. — Мстиславъ и Ярополкъ были въ 1162 г. изгнаны Андреемъ.

(31) Съ Владимиромъ Святославичемъ (*Кiev. Лѣт.*).

(32) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 41.

(33) См. въ *Рос. Библ.* стр. 261, 262, и въ ха-

рапт. спискахъ. — Михаила погребли въ Соборной Владимира церкви.

(34) См. *Степен. Книгу*, I, 285.

(35) См. *Кiev. Льт.* Маловажныя происшествія сего времени: Въ 1175 г., въ исходѣ Генваря мѣсяца (число показано разно) во Вторникъ Мясопуст. недѣли, Ярополкъ Ростиславичъ, тогда Ки. Владимира, сочетался бракомъ въ Соборной церкви съ дочерью Всеслава (Басильковича), Ки. Витебскаго (и Полоцкаго), привезенною въ нему изъ Смоленска. Витебскимъ Княземъ въ 1165 г. былъ Давидъ Ростиславичъ (см. Т. II, стр. 502). Втрагинно, что онъ, перехавъ въ Вышегородъ, уступилъ Витебскъ Всеславу. — Въ 1176 родился у Игоря Свѣрскаго сынъ Олегъ Павель, а въ 1177 Святославъ-Андреинъ.

(36) См. *Ross. Библіот.* 255.

(37) Сынъ Мстислава, оспавленный имъ въ Новгородѣ, назывался Святославомъ. — Чтобы опровергнуть Боярскихъ Опроковъ или Дѣлскихъ отъ Княжескихъ чиновниковъ сего имени, назвали первыхъ *Пасынками*; ихъ же послѣ спали именовать *Дѣльми Боярскими*.

(38) Сей Ярославъ, сынъ Мстислава Георгіевича, прозвывался Краснымъ (*Новог. Льт.* въ *Вивлію*. стр. 314).

(39) Олегъ и Владимиръ Святославичи.

(40) См. *Kiev. Льт.* — О *Воронеежѣ* упоминается здѣсь въ первый разъ.

(41) См. *Новгород. Льт.* — Мстиславъ, прозваниемъ *Безокий* (*Новог. Льт.* въ *Продолж.* *Др. Вивлію* стр. 514) умеръ въ 1178 г., Апр. 20, и положенъ въ притворѣ Софійского храма.

(42) Романъ Смоленскій послѣ *Чистой недѣли* (первой Вел. посты) прѣѣхалъ въ Новгородъ, где уже находился сынъ его, Борисъ или Мстиславъ (*Новог. Льт.* въ *Продолж.* *Лревн. Вивлію*.)

(43) См. *Kiev. Льт.* — О прозваніи *Храбраго* (см. *Льт. Новогород.* въ *Прод. Рос. Др. Вивл.* Въ *Нов.*

Лѣт.: «На зиму (1179) иде Мешиславъ на Чудъ на «Очелу.» Такъ называлось одно мѣсто въ Ливоніи (Арии. *Liesländ. Chr.* II).

(44) Въ то время Романъ былъ въ Кіевѣ.

(45) См. *Кіев. Лѣт.*

(46) *Никопов. Лѣт.* — Здѣсь говорится о Спарой Рязани, на Окѣ, пропивъ Спаска. — Городъ Борисовъ или *Борисовъ-Глѣбовъ* уже не существуешь.

(47) См. *Кіев. Лѣт.*

(48) См. шамъ же.

(49) См. шамъ же.

(50) Названный Иваномъ въ *Никон. лѣтописи*. Онъ и Вел. Кн. Всеяолодъ были женаты на двухъ сестрахъ Ясныяхъ (*Рос. Библ.* 271, 272). По другому же извѣсію, первая супруга Всеяолода, Марія, была дочь Кн. Чешскаго или Богемскаго, Шварна (см. лѣтопись въ Син. Библ. № 349, л. 225 на об.). Тѣло ея лежитъ въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія Княгиня именована Марою *Шварновою*. Имя Марои ей дано въ монашесквѣ.

(51) См. *Кіев. Лѣт.* — Со Всеяолодомъ ходили Глѣбовичи Романъ, Игорь, Всеяолодъ, Владиміръ, Князья Рязанскіе и Муромскій Владиміръ *Юрьевичъ* (у коего былъ еще братъ Давидъ).

(52) См. *Кіев. Лѣт.* — Можетъ быть, пынѣший Цывильскъ основанъ на развалинахъ сего города Болгарскаго.

(53) Владимира Глѣбовича, внука Юрьева. — Въ *Кіев. Лѣт.* упоминается здѣсь о Болгарахъ *Тимьюзахъ*, и сказано, что ихъ всѣхъ собралось до пяти тысячъ, а осталось живыхъ половина. Городъ *Торцкий* или *Торкъ* существовалъ по взятии Казани, и былъ опѣданъ Государемъ Андрею Ильичу Квашину (см. *Человѣчную Квашину на Лобанова* въ Арх. Иноспр. Колл. въ Миллер. собраніи бумагъ № 84).

(54) См. Хронику Спирковскаго кн. VIII, гл. 6; также Грубср. *Liesländ. Chronik*, I, 67, 64. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (спр. 55) упоминается о

смерти Ки. Изяслава Васильковича, убитаго Липцою около сего времени. Слова: «Двина болошомъ «печепть онымъ грознымъ Полочаномъ (а не Половъ «чанамъ) подъ кликомъ поганыхъ,» изображаютъ ужасъ погибшихъ Липовскихъ набѣговъ на Кривскую землю.

(55) Съ Мстиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ. См. *Кiev. Лѣт.* — Еще въ 1183 г. были дѣла съ Половцами. — Князь Глѣбъ, о коемъ упоминаемъ здѣсь въ Исторіи, былъ сынъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, а Мстиславъ Всеvolодковичъ внуkъ Мономаховъ. — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано, что иностранны, бывшиe въ Кіевѣ, славили побѣду Святославову: «Нѣмци и Венеци, Греци и Морава.»

(56) См. *Кiev. Лѣт.*

(57) Святославъ Ольговичъ Рыльскій. Всеvolодъ Святославичъ господствовалъ и въ Курскѣ. Съ Игоремъ былъ сынъ Владіміръ, княжившій въ Путинѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ упоминается здѣсь о двухъ сыновьяхъ Игоревыхъ.

(58) Въ 1111 г. См. *Кiev. Лѣт.* и харашейныя. Обстоятельство, что Половцы 3 дни пускали только спрѣлы въ Россіянъ, находится въ харашейныхъ лѣтописяхъ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* также сказано, что Игорь три дни сражался: «бишася день, бишася другой; третьяго дни къ полуdnю падоша «спязи Игоревы . . . на брезѣ быстрой *Каялы* . . . «Се бо Готскія красныя дѣвы вспѣна на брезѣ синяго «моря, звоня Рускымъ злашомъ.» Въ Тавридѣ, завоеванной Половцами, жили *Готы* (см. сей *Исторія* Т. I, пр. 86). *Каяла* называется нынѣ *Кагальникъ*, впадающій въ Донъ. Россіяне отступали къ Донцу, не далеко оттуда соединяющемся съ Дономъ.

(59) См. *Кiev. Лѣт.* — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* описывается горестъ Святославова: «Великій Святославъ изрони злашо слово, слезами смѣшено, «и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеvolode! рапо (не «во время) еспа начала Половецкую землю мечи (ме-

«чами) *цвълти*, а себѣ славы искаши,» и проч. *Цвълти* то же, что *квелитъ*, приводишь въ слезы, огорчашь. На Польскомъ *Kwilić sie*, а на Богемскомъ *Kwjljm* значиши *выть и плакать*. Въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукописн. спр. 727) сказано: аши инаа дѣшій не «*цвълти*,» вмѣсно: «не оскорблѧши.»

(60) См. *Кiev. Лѣт.*

(61) См. шамъ же. — Древній городъ Донецъ быль не далеко отъ впаденія рѣки Харькова въ Уды (см. *Больш. Чертежъ*), и принадлежалъ или къ Курской или къ Переяславской обласніи.

(62) См. *Кiev. Лѣт.*

(63) До сего времени нигдѣ не упоминалось о Проинскѣ, кошорый названъ здѣсь въ харап. *Прынскъ*.

(64) «Брашь славна лучше есипъ міра спудна.» Мы сократили описание войны. Все володъ и Святославъ Глѣбовичи, осажденные въ Проинскѣ, требовали помоши отъ Вел. Князя, кошорый и прислашъ къ нимъ 500 человѣкъ Владимірской дружины, велѣвъ шиппи, въ следъ за симъ отрядомъ, свояку своему Ярославу Владиміровичу и Князьямъ Муромскимъ, Владиміру и Давиду Юрьевичамъ. Узнавъ о штомъ, старшие Глѣбовичи сняли осаду. Раши Вел. Князя возврашилась отъ Коломны, и Все володъ Глѣбовичъ, оспавивъ Святослава въ Проинскѣ, самъ уѣхалъ въ Владиміръ: чѣмъ воспользовались большие брашья; снова осадивъ Проинскѣ, опшили у жишелей воду, и велѣли сказать Святославу: Не мори людей голодомъ; шы намъ брашъ: сдай городъ, а мы тебя не съдимъ: только не приспавай ко Все володу. Малодушный Святославъ, исполняя волю Бояръ, примирился съ брашьями, и чтобы не упрашивать Княженія, выдалъ имъ связанную дружину Все володову, жену его и Владимірцевъ. Все володъ Глѣбовичъ, прїехавъ въ Коломну, мешнулъ Святославу разореніемъ обласніи Проинской; а Вел. Князь требовалъ отъ измѣнника, чшо бы онъ возврашиль ему Владимірцевъ, говоря: Ты у мене выбилъ я челомъ. Аще ты ратенъ, си ратни же; аще ты миренъ, а си мирни же. Глѣбовичи,

слыша, что Всеволодъ Юрьевичъ собираетъ войско, объявили себя покорными. Вел. Князь не хотѣть съ ними мириться. Въ 1187 г. прѣхалъ въ Владиміръ Еписк. Порфирий.

(65) См *Кiev. Лѣт.* — Сочинитель *Слова о полку Игоревѣ*, обращаясь къ Ярославу, говориши: «Галичы Осмомысле Ярославе! высоко сѣдни на семъ златокованнѣмъ сполѣ; подперъ горы Угорскыи (Карпатскія) своими желѣзными плѣкы, заспупивъ Королеви (Венгерскому) пушь, запвори къ Дунаю ворота, меча (кидая) бремены чрезъ облаки, суды рѣдя до Дуная. Грозы твоя по землямъ шекутъ; опровергъши Кыеву врана, спрѣялени съ опия злаша спола Салтани за землями.»

(66) О семъ происшествіи говоряще Польскіе Испорики Кадлубекъ и Богуфаль, но отчашни несправедливо и вообще неясно. Сіи Испорики (или ихъ новѣйшіе дополнители, какъ мыслилъ Нарушевичъ: см. его Hist. Nar. Polsk. IV, 57) перемѣшали людей и случаи. — Длагошъ пишеть, что Казимиръ Справедливый женился въ 1168 г. на Елена, дочери Всеволода Мстиславича, Князя Бельзскаго. Супруга Казимира и въ нашихъ лѣтописяхъ называется родною племянницею Романа Мстиславича (*братаничною*: см. *Рос. Библ.* снр. 300). Всеволодъ Мстиславичъ скончался Монахомъ въ 'Апрѣль' 1195 г. (см. *Кiev. Лѣт.*) и погребенъ въ Владимірѣ Волынскомъ въ церкви Богоматери.

(67) См. Нарушев. Hist. Nar. Polsk. IV, 68, и Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, снр. 179.

(68) Константинъ Всеволодовичъ ролился, какъ означено въ хараетныхъ, въ 1186 г., Маія 18, въ Субботу (но сіе число Субботою было въ 1185). Бракъ Константиновъ совершился за годъ до войны Черниговской; а какъ она была, по лѣтописи Новогородской, въ 119 г.: то вѣроятно, что сей Князь женился въ 1195. — Всеволодъ въ 1187 г. выдалъ дочь свою Всеславу за Роспислава, сына Ярослава Всеволодовича Черниговскаго. Другая Всеволовода дочь,

Верхуславе или Антонія (см. ниже, примѣч. 137) сочесалась бракомъ съ Росииславомъ Рюриковичемъ, 1189 г., Юны или Іюля 30: шакъ въ харашейныхъ и другихъ; а въ *Kiev. Лѣт.*: «кого же лѣта» (будто бы еще въ 1187).

(69) Въ Кашалогахъ сказано, что Мишрополитъ Константинъ преставился въ 1174 или въ 1177 г. Лука поспавленъ Марша 11 (1185 г.), скончался въ 1189 г., Ноября 10, и ногребенъ на другой день у Соборной Владимирацкой церкви. Всееволодъ въ 1190 году отправилъ къ Святославу и Мишрополиту духовнаго отца своего, Иоанна, копорый и былъ поспавленъ Епископомъ Генв. 23.

(70) О разрушениі Городца или Остпера см. Т. II, стр. 256.

(71) Сына Романова, Ярополка, въ 1175 г.: о чёмъ мы выше упоминали.

(72) См. *Новогород.* год. 1185, а харашейная подъ г. 1186. — Полоцкимъ Княземъ въ 1181 г. былъ Всеславъ Васильковичъ, Логожскимъ Всеславъ Микуличъ, а Друцкимъ Глѣбъ Рогволодовичъ. — Новогородцы погибли въ Заволочьѣ въ 1187 г. — Мишиславъ изгнанъ въ томъ же 1187 г., а Ярославъ Владимировичъ прѣѣхалъ въ Новгородъ Ноябр. 20. — «Оже купляху по «двѣ ногалиѣ хлѣбъ, а кадъ ржи по 6 гривнѣ.» Въ кади было 8 осминъ.

(73) См. Далина *Gesch. des R. Schw.* II, 119, 120. Далинъ говорилъ, что сіи врата церковныя назывались въ Новѣгородѣ *Сартунскими*: вѣроятно, что онъ слышалъ о *Корсунскихъ* (См. *Исторіи* нашей Т. I, пр. 443); но въ Софийской церкви сесь дѣйствительно шакъ называемыя *Шведскія* врата, ис серебряныя, а мѣдныя. — По Финляндскимъ извѣстіямъ Россіиные около сего времени сожгли Або (*Iust. Chron. Episc. Finl.* стр. 12).

(74) См. Грубер. *Liefländ. Chronik.* I, 69, и Далина *Gesch. des Schw.* II, 97, 98.

(75) См. Грубер. *Liefl.*, Chr. 146. Кто послѣ Всеслава Васильковича (выше, стр. 55) или 1181 г. кня-

жилъ въ Полоцкѣ, не знаемъ. У Володаря Минскаго былъ сынъ Василько: не онъ ли назывался и Влади- міромъ? Татищевъ, ссылаясь на Хрущевскую летопи- сь, разсказывавшую, что въ 1182 г. Василько Яро- полковичъ Дрогичинскій воевалъ съ *Владиміромъ Володаревичемъ Минскимъ*; что первый, соединясь съ Поляками и Mazovianами, у рѣки Буга разбили Влади- міра, и взявъ *Bрестъ*, оставилъ шамъ *брата же- ны своей, Князя Mazовецкаго*; что Влади- міръ съ дружиною Полоцкихъ Князей опять завладѣлъ Бре- стомъ, что Лягъ Мазовицъ, побѣдивъ за Бугомъ Ва- силька и Лаховъ; что Василько ушелъ къ шешию *Лешку*, который прогналъ Влади- міра изъ Подляшья въ Брестъ; что Василько, не имѣя чѣмъ заплатить шешию за его труды и будущи бездѣшень, уступилъ ему свое владыніе, оставленное послѣ *Лягами у дѣтей Лешковыхъ*, что Романъ Мешиславичъ Влади- мірскій, узнавъ о шомъ, завоевалъ Дрогичинскую область. Сіе из- вѣніе могло бы служить доказательствомъ, что сынъ *Володаревъ* назывался *Владиміромъ*, если бы оно не смыщено было съ явною ложью. *Bрестъ* принадлежалъ не *Минскимъ*, а Волынскимъ Князьямъ, и *Лешко Mazовецкій не имѣлъ дѣтей* (Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 69).

(76) Въ горахъ, по Енисею, находятся изгарины и плавильни древнихъ памониныхъ рудокоповъ, доказывающія, что Сибирскіе народы издавна плавили се- ребро и золото, дѣлая всѣ нужныя для того орудія не изъ жалѣза, а изъ мѣди (см. *Путеш. Палласа*, III, 572 въ Русск. переводѣ). Сіи спарыя рудокопии обыкновенно называются въ Сибири *Чудскими копя- ми* (*Сочиненія о Сибирск. рудникахъ*, I, 134).

(77) См. *Kiev. Лѣт.* — Свянославъ умеръ въ 1194.

(78) См. шамъ же и въ *Синопсисѣ*.

(79) И Кадубекъ упоминаетъ о шомъ (Н. Р. 810).

(80) См. Кадуб. Hist. Pol. 812.

(81) См. *Kiev. Лѣт.* Ярославъ Великій отдалъ спер- ва лѣвую сторону Днѣпра брату Мешиславу: обла- сти Свянослава Ярославича (Черниговъ, Муромъ, Рязань) находились шамъ же.

(82) Въ *Новогород*. сказано, что Черниговцы ильнили Бориса Романовича: следственю Мстиславъ назывался Борисомъ (выше, прим. 42)? — См. *Кiev. Лѣт.*

(83) Въ Торжкѣ, въ 1181 году.

(84) См. *Кiev. Лѣт.*

(85) Ярополкъ Ярославичъ.

(86) Ярославъ въ 1198 году послать сына, Изяслава, княжину на Лукахъ: «и ближе отъ Липвы оплеине «(защитиша) Новугороду» . . .

(87) См. *Пушкин. и Троицк.*

(88) См. *Воскресенск. II*, 117. Племянникъ Всеволодовъ умеръ въ Переяславлѣ въ 1199 или 1200 году, а Ярославъ или Феодоръ отправился туда въ 1201.

(89) О смерти Владимира Галицкаго не упоминается ни въ харашейныхъ, ни въ *Ростов.*, ни въ *Воскр.*, ни въ *Кiev. Лѣт.* — Длугошъ говоритъ о Владимировой смерти подъ годомъ 1198, а Кадлубекъ передъ 1200, сказывая, что Владимиръ не оставилъ *законного* наследника, и что Российские Князья отчалиши силою, отчалиши хитростию, старались присвоить себѣ Галичъ. Сей же Историкъ пишетъ, что Романъ выросъ въ Польшѣ.

(90) Кадлубекъ, спр. 814: *quia non possumus ferre iram terrae, Principum seditiones, invidiam.* Далѣе о тиранстве Романа, спр. 815: *quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alias excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit, и проч.*

(91) Спр. 816: *unde solenne illi erat quasi proverbium: melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso non rarefacto exanimare.* Сю пословицу, извѣстную и Римлянамъ во времена ихъ тирановъ, нашелъ я въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукописи, спр. 657).

(92) Сей Ингварь Ярославичъ былъ внукъ Изяслава II и правнукъ Мстислава Великаго. — О погибшемъ счастливомъ походѣ Романа въ землю Полоцкую говорятъ согласно наши и Византійскіе Лѣтописцы (*Mem. Pop. II*, 1023).

(95) См. *Рос. Библ.* спр. 500, 501.

(94) Письмо Епископа Машея находящееся въ вынискахъ, сдѣланныхъ Аббатомъ Альбершранди изъ Библиотеки Ватиканской въ 1790 г. для Историка Нарушевича, по волѣ Короля Станислава. Як. Ив. Булгаковъ получилъ сіи любопытныя выниски отъ самого Альбершранди и сообщилъ мнѣ. О Епископѣ Краковскомъ Машеѣ см. въ Длугош. *Hist. Polon.* I, 461, 509. Письмо начинается такъ: *Matthaei Cracoviensis Episcopi epistola ad Abbatem Clarevallensem de suscipienda Ruthenorum conversione.* Выписываемъ изъ онаго слѣдующее: *Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili seu sideribus adaequata. . . . Christum solo quidem nomine confitetur, factis autem penitus abnegat . . . . Ruthenia, quae quasi est alter orbis, etc. . . . Si enim gloria celeberrima et Thracius Orpheus et Thebanus Amphion coelo inseruntur et astris, et post mortem carmine vivunt, quod sylvestres et lapideos homines lyrae cantibus delinavit, quanto magis nos sperramus, quod gentes exteris et inumanes sacer Abbas Christo conciliet, etc.* — Иппокенцій III, уподобляя власинь духовную солнцу, а мірскую луну, спавиль себя ниже одного Бога, и гораздо выше Царей. Онъ любилъ жаловать въ Короли: Армянскій, Болгарскій, Чешскій были ему обязаны спmъ достоинствомъ.

(95) Въ Некрологѣ Эрфуртскаго Пеплрова монастыря (см. *Traditiones veteres Coenobii S. Petri Erfordiae*, спр. 19) записано: XIII Kal. Julii Romanus, Rex Ruthenorum: hic dedit nobis XXX marcas; и. е.: «19 «Іюня (умеръ) Король Русской Романъ, давшій намъ «50 марокъ.» Точно въ сей день Западная Церковь празднує память Св. Гервасія, день, въ который убиши Романъ, по сказанію Длугоша.

Описелъ начинаетъ повѣстновать *Волынскій Льтописецъ*, но въ описаніи происшествій не означаетъ времени, сказавъ, что сдѣлаетъ что послѣ согласно съ Хронологію Греческою и Лапинскою. Хотя въ Илліевскомъ спискѣ и означены годы, но безъ сомнѣнія не Авторомъ, а переписчикомъ, и на угадъ,

ибо его извѣстностіе во всѣхъ извѣстныхъ памъ случаюхъ неизправимо.

(96) См. *Волынск. Лѣт.*, стр. 621. — О бѣдствії, прещернишномъ Інною онь Романа см. Мапп. Спринковскаго. Спринковскій ошибся, счиная его Князя Романомъ *Ростиславичемъ* Смоленскимъ (а за нимъ и Ташищевъ). Романъ *Галицкій* и *Волынскій*, а пе *Смоленскій*, былъ тогда союзомъ Липковцевъ на Свѣрѣ: онъ смиряль ихъ; обѣ немъ сказано и въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 51, 52): «а шы, буй Романе «и Мешиславе (братья его)! суть бо у ваю желѣзныи «шапорзи» (верхняя часть брони) «подъ шлемы Лашинскими. Тѣми пресену земля и многи сїраны. Литва, Ятвязи, Деремела» (одинъ изъ Лашинскихъ народовъ) «и Половци сулици своя повръюна, а главы «своя поклониша подъ шы мечи харалужныи.» — Объ извѣстности Романа въ Византи. Лѣтоп. см. выше, примѣч. 92.

(97) См. *Воскресен. II*, 441.

(98) См. *Троицк. л.* 188 на обор. — Игорь Святополкевичъ Сѣверекій умеръ въ 1202 году. Олегъ Святополкевичъ въ 1201, а братъ его, Владимиръ, въ 1201, осенью.

(99) См. *Волын. Лѣт.*

(100) «Совокупя Новгородци, Плесковичи, Ладожаны, Новоторжци, и пойде скоро, и дождася отца «на Москву.» *Новгород. Лѣт.* относить сіе произошедшествіе къ 1209, а Сузdal'ский къ 1207: первый ошибся. Вел. Князь выступилъ Авг. 19 въ *Воскресенѣе* и взялъ Рязанскихъ Князей подъ спражу *Сент. 22* въ Субботу: такъ было въ 1207 г. После того упоминается въ лѣтописяхъ о лунномъ запомынѣ Февр. 3: оно случилось въ 1208 г. (см. Аспирономич. табличы въ *l'Art de vér. les Dates*).

(101) См. *Новг., Пушк. и Воскр.* — Клеветники, Олегъ и Глѣбъ Владимировичи, были внуки Глѣба, а Романъ и Святославъ братья Игоря Глѣбовича, коего сыновья именуются въ Родослов. Книгѣ Нигварь-Козма и Юрій. Всеволодъ Глѣбовичъ за иѣсколь-

ко времени до того умеръ въ Проинскѣ.—Вел. Князь послалъ заключенныхъ сперва въ Владими́ръ, а послѣ въ Петровъ или Петровскъ (въ Яросл. Губ.); см. *Воскр. Лѣт.*

(102) Сей Михаилъ былъ сынъ Всеволода Глѣбови-
ча. Въ харашейныхъ онъ называется Чюрь-Михаилъ;
въ другихъ Кирѣ (господинъ) Михаилъ; въ иѣкопо-
рымъ Рюрикѣ-Михаилъ.

(103) Здѣсь въ первый разъ упоминается о Рязан-
скомъ Епископѣ: сія Епархія зависѣла до того вре-
мени отъ Черниговскаго Епископа.

(104) «Избышъ раздѣлиша по зубу, по три гри-
«виѣ по всему городу и на щипѣ; аще кио пошай
«похвапшиль, а того единъ Богъ вѣдаешь.» Здѣсь
зубъ не есть описка, вопреки мнѣнію Болшина: шакъ
и въ харашейномъ и въ другихъ спискахъ. Нѣшъ со-
мѣнія, чио сіе имя употреблялось въ Новогородскомъ
денежномъ счѣпѣ. *Никон. Лѣт.* выпустилъ имя зу-
ба, не разумѣвъ его. Великий Князь Ростиславъ въ
1159 г. дарилъ Святослава Ольговича рыбыми зуба-
ми (см. сей *Исторіи* Т. II, спр. 290). Въ спарин-
ныхъ нашихъ сказкахъ часто говорится о рыбыхъ
зубахъ ярагоцѣнныхъ. Напримеръ: «въ чердакѣ была
«бесѣда (сѣдалище) дорогъ рыбей зубъ» (*Древн. Рус.
Стихотворенія* спр. 2). Обыкновенная цѣна шакого
зуба могла быть приниша въ денежный счѣпъ, по-
добно кунѣ и вѣкишь. Въ 1641 г. Паштіархъ Іоасафъ
прислалъ въ Соловецкій монастырь пять зубовъ рыбь-
ихъ, вѣсомъ въ 11 фунт., а цѣною въ 11 тогдаш-
иихъ рублей (*Лѣтоп. Солов. монаст.* спр. 48). Из-
вѣстно, что зубы морскихъ единороговъ, причисля-
емыхъ къ роду китовъ (Бомара Dict. d'Hist. Nat. подъ
словами Baleine, Narwhal, Licorne de mer) гораздо
лучше слоновой kostи для всякой работы. Въ Даниї,
въ Розенбергскомъ дворцѣ, показываютъ престоль,
сдѣланный изъ сихъ зубовъ, и цѣнящъ его дороже
золота. Новогородцы могли издревле получать опые
отъ промышленниковъ Норвежскихъ. Такъ бы я ду-
малъ, если бы Герберштейнъ не сказалъ намъ, чио

въ древней Россіи называвшись *рыбыми зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки (см. его De R. M. Comment. стр. 85). Моржъ, какъ известно, есть огромное морское животное (*Trichecus Rosmarus*): оно часто показывается на берегахъ Сѣвернаго Океана.

(105) О Князѣ Владимирѣ см. выше стр. 49. Братъ Владимира, Давидъ, княжилъ около 1214 г. въ Торопцѣ (*Новог. Лѣт.* 79).

(106) См. *Лѣт. Воскресен.* — Бѣлгородъ находился близъ Старой Рязани.

(107) См. выше, стр. 116.

(108) См. *Волынск. Лѣт.*

(109) См. харашейная, также *Воскр.* и *Ростовск.*

(110) См. *Воскресен.*

(111) Все́володъ преставился въ 1212, Апр. 15, въ Воскресеніе, по окончаніи Литургіи (см. *Воскр. Лѣт.*) — Онъ въ разныхъ мѣстахъ лѣпописей называется Великимъ, а въ Родослови. Книгахъ *Большии Гипподомъ*, отъ многочисленности своего поименія.

(112) См. *Книгу Степ.* I, 285. — Сіи мнимые коробы суть обросшіе мехомъ глибы, посмимые вѣнгромъ по озеру: см. *Дневн. Записки Лепехина*, I, 20.

(113) См. *Рос. Библіот.* стр. 285, 286.

(114) См. *Воскр. Лѣт.* II, 150. Тапищевъ назвалъ ее Любовію.

(115) См. *Никоповск. Лѣт.* Въ *Троицк.* харашейной тоже.

(116) Тапищевъ пишетъ, что и въ его время пѣ-
кооторые знахоры люди еще держались сего древня-
го обыкновенія, и что младенцы переходили тогда
изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Въ *Гребнице* есть
молитва на первое сприженіе волосовъ у младенца.
Тамъ сказано: «Заповѣдавъ намъ вся во славу Твою
«твориши, пришедшаго раба твоего начашокъ со-
«твориши сприщи власы главы своея, благослови вку-
«пѣ съ его восприемникомъ» и проч. Крестный отецъ
приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ Священ-
никъ читалъ надъ ими сию молитву.

(117) Слова Мартина Галлуса. Калубекъ также пишетъ о семь обрядѣ, сказывая, что постриги разжали между людьми духовное свойство, и что мать постригаемаго считалась названием постригающаго. (Кал. Hist. Polon. стр. 659).

(118) См. Историческое Изображение Грузии, сочиненное въ Александровской Академіи, стр. 15—17.

(119) Посланіе къ Рос. Духовенству находящееся въ выпискѣ Альбертрандіевой, о коей мы упоминали (выше, пр. 9⁴). Оно такъ начинается: *Archiepiscopis, Episcopis etc. per Rutheniam constitutis.* Назначенное посла въ Россію называется Папа *filium nostrum G. tituli S. Vitalis Pre-byterum Cardinalem, virum genere nobilem, litterarum scientia praeditum, и проч.* Въ концѣ подписано: *Datum Viterbii, Nonis Octobris (7 Окт.) anno X* (то есть, въ 10 г. Иоаноксипіева правленія).

(120) Грубер. Liefländ. Chron. I, 1⁴, 31, 45, 47, 51, 52, 65; Кельх. Liefl. Hist. 25—30, и Балтаз. Руссова Liefl. Chronica, л. 1—3, — Архиепископу Іупденскому, Апостолу, о коемъ здѣсь упоминается, Саксонъ Грамматикъ приписалъ свою Исторію Данскую. Руссовъ говорилъ, что Инфляндцы обожали еще свѣтила небесныя и землѣ. Лапшии называли Юммала *Auxtheias Vissagistis.* Женщины поклонялись богинямъ Лаймѣ и Дякль: первая благосвятила родильницамъ, а вторая младенцамъ. Дѣвицы приносили жертву идолу Ванцганту (*Waitzgantos*), моля его, чтобы онъ далъ имъ лыну для одежды.

(121) Liefländ. Chr. I, 7⁴, 75. — О Геренкѣ см. Бишинг. Erdbeschr. Т. I, 1027.

(122) Случай Всеволодова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе:

Въ 1180 у Вел. Князя родилась четвертая дочь Сбыслава-Пслагія въ день Св. Дмитрія. Въ 1182 преставился Архимандритъ-Игуменъ Печерскій Поликарпъ (см. *Kiev. Лѣт.*) и Епископъ Полоцкій Діонисій. Въ 1185 г. Маія 18, въ Субботу, родился у Вел. Князя сынъ Константинъ. Въ 1186, Сент. 7, преставился Новогор. Епископъ Илія, или Іоаннъ, и погре-

бенъ въ притворѣ Св. Софії. Князь и народъ избрали на его мѣсто Гавріила, браха Іоаннова. Въ 1187 г. родился у Вел. Князя сынъ Борисъ, у Рюрика осенью сынъ Владими́рь-Димитрій. Въ 1188 г. скончался сынъ Всеволодовъ, Борисъ. Въ 1189 г. скончался сынъ Всеволодовъ, Гльбъ, Сенп. 29. У Ярослава Владими́ровича, свояка Всеволодова, родилась въ Новѣгородѣ дочь на Рождество Богородицы. Родился у Вел. Князя Всеволода сынъ Георгій. Въ 1190 г. умеръ Еписк. Бѣлогородскій Максимъ, на мѣсто коего поспавилъ Рюрикъ своего онца духовнаго, Андреяна, Игумена опѣ Св. Михаила Выдумецкаго. Апр. 19 скончался Святополкъ Юрьевичъ, шуринъ Рюриковъ. Внукъ Святослава Всеволодовича, Давидъ Ольговичъ, женился на дочери Игоря. Родился въ Новѣгородѣ у Ярослава Владими́ровича сынъ Михаилъ-Ізяславъ; а въ 1191, Фев. 8, у Вел. Князя Ярославъ-Феодоръ. Въ 1192 г. въ Русѣ на оспровѣ Игуменъ Марширій соорудилъ церковь Пребображенія и завель монастырь. Въ 1193, Маія 24, преставился Архіеписк. Гавріль (въ монашествѣ Григорій); на его мѣсто избрали Игумена Марширія, бывшаго въ Русѣ. Въ Новѣгородѣ у Ярослава родился сынъ Роспіславъ. У Давида Роспіславича родился сынъ Мешпіславъ Феодоръ, зимою. Въ 1194, Окт. 25, родился у Всеволода сынъ Владими́рь-Димитрій. Въ 1195 умеръ Ки. Рязанскій, Игорь Гльбовичъ. Въ 1196, въ Февр., преставился Изяславъ, меншій сынъ Ярослава Ізяславича, правнукъ Мешпіслава Великаго. Въ Маршѣ привезли въ Кіевъ тѣло умершаго Гльба Юрьевича Туровскаго, шурина Рюрикова. Маршъ 27 родился у Всеволода сынъ Святославъ Гавріль. Въ 1198 г., по Кіев. Лѣт.: «на зиму родися дѣти у Роспіслава у Рюриковича, и нарекоша имѧ ей Ефросиніа, прозваніемъ Ізмарагдъ, до-рогий камень.» Рюрикъ отдалъ дочь свою Веселаву за Рязанск. Ки. Ярослава Гльбовича. У Ярослава Владими́ровича умерли два сына, Изяславъ въ Лукаль, Роспіславъ въ Новѣгородѣ. Всеволодъ послалъ Павла

на Епископство въ Переяславль южный. Авг. 28 родился у Вел. Князя сынъ Гоацъ.—Здесь конецъ древней *Кiev.* *Литописи*, соединенной съ *Волынск. Лит.* Далѣе следуютъ одни Волынскія и Галицкія извѣстія.—Въ 1201, Дек. 24, преставилась въ Владимира супруга Ярослава Владимировича, свестъ (своячина) Вел. Князя. Архіеписк. Митрофанъ поспавленъ Юля 5, а въ Новгородъ прїѣхалъ Сени. 14. Въ 1202, Авг. 5, преставилась Февронія, супруга Михайлова, бывшаго Вел. Князя. Зимою скончалась Евфросинія Борисовна, дочь Всеволодова брата, въ Кидекшъ. Въ 1204 умеръ сынъ Олега, Ки. Черниговскаго (вмѣстѣ съ отцемъ). Дек. 18 преставился Муром. Ки. Владимиръ Юрьевичъ и положенъ въ церкви *Христовъ*. 50 Дек. скончалась дочь Всеволодова Елена. Въ 1206 Вел. Ки. женился своего сына, Ярослава-Феодора, на дочери Юрья Кончаковича (Хана Полоцкаго). Въ 1209, Дек. 7, родился у Константина сынъ Василій, а въ 1210, Июля 18, Всеволодъ-Гоацъ. Но житію благовѣри. Ки. Константина и сыновъ его, *Михаила и Феодора, Муромскихъ Чудотворцевъ*, напечатанному въ Прологѣ (Май 21), до самыхъ временъ Всеволода III языческію царствовали въ Муромѣ. Тамъ сказано, что въ 1192 г. Князь Великий Константинъ *Святославичъ*, попомокъ Св. Владимира, собравъ войско въ Кіевѣ, съ сыновьями Михаиломъ и Феодоромъ осадилъ Муромъ и взялъ его; что въ жаркой битвѣ подъ стѣнами города убили Михаилъ; что Константинъ основалъ тамъ первую церковь Благовѣщенія, просвѣтилъ весь народъ крещеніемъ; что ердникъ его, Георгій Ярославичъ, (въ XIII вѣкѣ) возобновилъ сей храмъ, и съ того времени моши Константиновы и сыновей его начали славить чудесами. Мы должны зачѣпить для Читателей, что о Князѣ Константинѣ *Святославичѣ* совсѣмъ не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ; что опять временіе Андрея Боголюбскаго до пашешия Ташаръ господствовали въ Муромѣ попомки Ярослава Святославича, правнука Св. Владимира,

изъ коихъ ни одинъ не назывался Константиномъ; что отъ 1175 г. до 1204 княжилъ шамъ Владимиръ Юрьевичъ, а отъ 1204 до 1228 братъ его, Давидъ Юрьевичъ. — Въ рукописномъ Житии сего Константина, Муромскаго Чудотворца (см. нашей *Истории* Т. I, пр. 209) прибавлено, что Муромъ имѣлъ прежде спѣны камения и мраморные, отъ коихъ и названъ *Муромомъ*; что Константинъ ввелъ шамъ испинную Вѣру въ 1223 г. съ такими же обрядами, какъ Св. Владимиръ въ Киевѣ. Мы знаемъ по современнымъ языкоискусствамъ, что уже въ 1096 г. находились Христіанскія церкви въ Муромѣ.

(123) См. *Воскр. Лѣт.* II, 156. — Владимиръ погибъ въ Переяславль въ 1215 г.; а женился въ 1215 на дочери Гльба Святославича, который по кончию Рюрика сдѣлялся Черниг. Княземъ.

(124) Сей городъ былъ ниже Владимира 60 верстъ: см. *Больш. Чернѣцк.*, стр. 201.

(125) Вѣроятно, что Рюрикъ умеръ не за-долго до изгнанія его наследниковъ изъ Кіевской области въ 1214 г. (*Новог. Лѣт.*). — Старший Рюриковъ сынъ, Ростиславъ, зять Всеволода Великаго, тогда же или скоро умеръ: обѣ немъ не упоминаются болѣе.

(126) О причинѣ Владимира изгнанія сказано въ Liefl. *Chronik*, I, 97. Напрасно искалъ защиты Полоцкаго Князя, онъ уѣхалъ въ Ригу. — См. о Всеволодѣ Борисовичѣ *Новог. Лѣт.* стр. 79. Сей Князь былъ сынъ Бориса Романовича (см. выше, пр. 82).

(127) См. Груб. Liefl. *Chronik*, I, 98, 121. Сie было въ 1214 г.

(128) «Иде Князь (въ 1214 г.) на Чудь на Ереву» (Ервенъ, гдѣ ныне Вейсенштайнъ) «къ морю.» См. Liefl. Chr. I, 95, и *Новог. Лѣт.* 79. — Въ Нов. Л. Давидъ Торопецкій названъ и только братомъ Владимира Псковскаго: вѣроятно, что Мешиславъ родился отъ первой супруги Мешислава Храбраго, а Давидъ и Владимиръ отъ випоры.

(129) См. *Новогород.* и *Воскресен.* — Ингварь, внука Изяслава II, княжилъ и прежде въ Кіевѣ, въ 1202 году.

(130) Сей Князь былъ прежде женатъ на Княжнѣ Половецкой (*Воскр.* II, 141). Въ хараштойной *Цушкин.* и *Тромъ.* лѣтописи сказано, что Новогородцы выгнали Мешислава въ 1216 г. Мы болѣе вѣримъ *Новогородской.*

(131) О Владимірѣ Псковскомъ см. Liefl. *Chronik.* I, 104 — 107. Тессинъ Владимировъ, Диприхъ, братъ Епископа Альберта, отдалъ ему въ управлениѣ Идумейскую область (между Ригою и Венденомъ), но какъ его господство не нравилось Ордену, то Владимиръ уѣхалъ въ Россію. Чрезъ иѣсколько мѣсяцевъ онъ возвратился съ женою и съ сыновьями, принялъ опять начальство надъ Идумею, жилъ въ замкѣ Мешимѣ, судилъ народъ и спарался всеми способами умложашь казну свою. Одинъ изъ памошникъ Священниковъ, именемъ Алобрандъ, недоволыній его корысиполюбiemъ, сказалъ ему: «Государь! ты долъ «женъ судишь людей право, а не упѣснять ихъ. «Опнимая послѣднее у бѣдныхъ, можешь ли утвер- «дить здѣшній народъ въ Христіанской Вѣрѣ?» Князь разсердился и съ гневомъ ему опвѣспивовалъ: «Ало- «брандъ! я заспавлю ітебя подѣлившись со мною соб- «сѣвеннимъ пивомъ богатствомъ.» Владимиръ опять уѣхалъ въ Россію, и сдержалъ слово, данное имъ Священнику, какъ увидимъ послѣ.

(132) Синод. библ. № 46.

(133) Библ. Синод. № 565 въ четв., и № 46 въ листѣ.

(134) Свѧтиослава Всеvolodовича. — О бывшѣ см. *Воскресенск.* и другія. Въ *Новогор.* Лѣт. сказано, что Мешиславъ и Константинъ стояли на рѣкѣ *Литице.* — Всеvolодъ, сынъ Мешислава Романовича, находился также съ Новогородцами. — *Никон.* Лѣт. говоришь, что Александръ Поповичъ, слуга его Торопъ, Добрыня Резаничъ *Златый Поясъ* и Невѣдій *Дикунъ* были вишлязи Константина Всеvolодовича;

но въ другихъ доспомѣрѣйшихъ лѣтописиахъ обѣихъ не упоминается. — Число убийныхъ означено мною по *Воскр. Лѣт.*

(155) См. рукописная (Син. бібл. № 565) и *Воскр.*

(156) См. *Новогор. и Воскресен. Лѣт.* II, 165.

(157) Иоаннъ, Епископъ Суздал., Рослов. и Владімірскій, въ 1214 г. оказался отъ Енархіи. Тогда Константинъ опровергъ духовнаго опца своего Нахомія, Игумена Печерского, въ Кіевѣ, и Миниролинъ-Машоей поставилъ его Епископомъ Рослову (Ноябр. I). Когда же Нахомій (въ 1215 г. приѣхалъ въ Рословъ, Георгій захотѣлъ имъть особеннаго Епископа и выбралъ Симона, бывшаго Игуменомъ въ обители Рождественской; а Кіевский Миниролинъ посвятилъ его. Въ современной лѣтописи названъ Симонъ (умерший Слімникомъ въ 1226 г., Маія 22) *учителыемъ и милостивымъ*. Тѣло его было погребено въ Соборной Владімірской церкви: какимъ же образомъ очутилось въ Кіевской пещерѣ (гдѣ его показываютъ), не знаю. О сочиненіяхъ этого Епископа см. въ *Натерникѣ* (л. 196 и 201 на об.), гдѣ напечатано и посланіе его къ Поликарпу, но выпущены самыя любопытнѣйшія мысли, или все историческое, касающееся до характера и жизни Поликарповы (Синодал. Бібл. № 165): «разумѣхъ ия самолюбца, и славы ищени отъ чесловѣкъ. . . Сущимъ отъ Бога не хощени *позвутися* (позионоваться), и мыслиши высочайшая . . . «Пишени же ми книги (письма) Княгиня Росинслава-*ля*» (супруга Росинлава Рюриковича, дочь В. Кн. Всеволода III), «Верхуслава, хощющи тебе посвящини Епископу Новуграду на Оппионіево мѣсто, «или Юрьеву на Олекіево мѣсто: аще ми и ти сяша сребра (слова Княгини) расточати тебе ради и Поликарпа ради. И рѣхъ сї: лица моя Анастасіе! Або не богоугодно хощени сътворини. Абы «иребыль въ монастыри исходио съ чешюю «съвѣщеніо . . . то не иокмо бы въ Свяшинельскую «одежду сболченъ, но и Вышияго Царьства доспопинъ бы былъ. . . Аще бы шы быль доспопинъ

«шакового сана, не быхъ ия нусить оиъ себе; но
«своими руками Цамбенника ия посыпалъ быхъ въ обѣ
«Еписконы, Володимерю и Суздалю, яко же Князь
«Георгий хопъль, по азъ ему възбранилъ, видя швое
«сельдущие (гордосп) . . . . Азъ бы ради осна-
«шиль Еписконышво и рабошаиль Игумену, по въси,
«какъ вещъ дережинъ ми; и кто не вѣситъ мене грѣш-
«шаго Епископа Симона и сей Зборния (Соборния)
«церкви красоны Володимерскія и другія Сузdalськія,
«юже самъ создаль! Колико имѣша градовъ и сель!
«десѧтину збирають по всей земли ѹой; а шѣмъ
«всѣмъ владѣситъ наша худосп. Предъ Богомъ ши
«молвлю: всю сию славу и власинъ яко каль мнѣмъ
«быхъ, аще бы ми прескою (коломъ) торчали за
«враты или смѣшись (соромъ) валялись въ Печер-
«скомъ манасыри и попирасму быши человѣки,
«лучини есипъ чесии временныя. День единъ въ до-
«му Маппере Божія наче 1000 лѣтъ, въ немъ же во-
«лигъ быхъ пребывали, наче ис же жили ми въ се-
«лѣхъ грѣшничихъ.» Сей Поликарпъ, описатель жи-
«шія Печерскихъ Угодниковъ, здравствовалъ, какъ
видимъ, и быль проспымъ Монахомъ Лавры во время
Епископства Симонова, оиъ 1215 до 1226 г., слѣд-
ствено онъ ие Архимандришъ Поликарпъ, умершій
въ 1182 г. (выше, прим. 122): чего не зналь Авноръ
Поликарпова житія, писанаго въ новѣйшія времена
(см. *Патерикъ*).

(138) См. *Воскресен. Лѣт.*

(139) Современный Ливонский Лѣтописецъ (Liefl. Chr. I, 125) говорицъ, чио Россіяне, соединясь съ Эзельцами и Чудью, имѣли около 20,000 воиновъ; чио они бросали мериныя шѣла въ рѣку, текущую у поднізвы горы, на коїй стоялъ Оденскій замокъ, дабы осажденные не могли брати воды для утоленія своей жажды; чио Пемцы переплыли недоступникъ въ сѣверныхъ принасахъ, и чио голодные лошади Рыцарей отгрызали хвости одно у другой. Сіе происходило въ 1217 г.

(140) См. *Волынск. Лѣт.* — По хронології Ипатьевскаго списка (выше, прим. 95) Король Венгерскій приходилъ въ Галичъ въ 1209 г., Данінгъ уѣхалъ къ брату въ Каменецъ въ 1210, а съѣхъ на Владимірскому пресеню въ 1211. —

(141) Райцальд. *Annal. Ecclesiastici.*, XIII, 256. — *Воскр. Лѣт.* II, 156. Бракосочетаніе и коронованіе Андреева сына совершилось, можетъ быть, года черезъ два. Въ рукописномъ харашейномъ житіи Св. Саломеи, которое находится въ Залуской библіотекѣ, сказано, чѣмъ сія Княжна не имѣла еще тогда и трехъ лѣтъ отъ рожденія (Наруш. *Hist. Nar. Pol.* IV, 185).

(142) Сіе злодѣяніе совершилось по *Новог. Лѣт.* въ 1218 г., а по харашейнымъ въ 1217, Іюня 20, когда Георгій Всеволодовичъ уже княжилъ въ Суздалѣ.

(143) Константина преславился въ 7 часу дня. Васильку было тогда 9 лѣтъ, а Всеволоду 10 отъ рожденія. — Супруга Константина скончалась въ 1221 г. Генв. 24, и положена въ Рословъ.

(144) Сынъ Мстислава Романовича Киевскаго.

(145) «Пособи Богъ Новгородцемъ» См. *Liesländ. Chr.* I, 159. Ксмыль въ своей Испоріи (спр. 59) говоритъ, чѣмъ Россіяне одержали побѣду.

(146) *Воскр. Лѣт.* I, 26.

(147) *Воскр. Лѣт.* II, 169. Сіе было въ 1219 г. — *Лѣтоп. о великомъ градѣ Устюгѣ* (наход. въ Вологодской Епископской библіотекѣ). Въ житіи Св. Іоанна Успенского (*Пролог. Маія 29*) сказано, чѣмъ сей городъ былъ нѣкогда шамъ, гдѣ село *Нухово* на берегу Сухоны. — *О Князьяхъ Устюжскихъ* см. *Новогор. Лѣт.* спр. 176. — Первѣйшіе обицаптели Волог. и Арханг. Губерній обыкновенно называются въ нашихъ лѣтописяхъ Заволоческою Чудью. Опакуда же пришли Россіяне въ Устюгъ, изъ Новогородской или Сузdalской области, и кто основалъ сей городъ, они или Чудь, не знаемъ. Здѣсь въ первый разъ обѣ немъ упоминается. Устюгъ зависѣлъ тогда отъ В. Кн. Сузdalского: ибо жители его сосставляли часть Георгіева войска; а послѣ отъ

Росповского (см. Т. IV, примѣч. 188). Древнійший изъ Успенскихъ Святыхъ, коихъ житіе описано въ Прологѣ, есть Прокопій Юродивый, умершій въ 1303 г., купецъ Немецкій, пришвшій въ Новгородъ Вѣру Греческую (*Прол. Іюля* 8); но въ рукописныхъ святыцахъ именующія еще Иоаннъ Праведникъ и супруга его Марія, начальники древнаго Успенска (погребенные у церкви Вознесенія на посадѣ) также преподобный Кипріанъ, строитель Архангельскаго монастыря, которые жили гораздо прежде.

(148) (*Воскр. II*, 169) Мѣсто, нынѣ именуемое посадъ Старая Унѣса, находится въ Костромской Губ. на берегу рѣки сего имени. — Святославъ ходилъ на Болгаровъ въ 1220 г. Въ харашейныхъ сей походѣ описанъ краинко. — Городъ Ошелъ, находившійся не далеко отъ устья Камы, былъ взяты и сожжены Іюлемъ 15.

(149) По харашейнымъ Новгородъ Нижній заложенъ въ 1221 г. Тащищевъ пишетъ, что на семъ мѣстѣ находился прежде Болгарскій городъ, разоренный Россіянами.

(150) См. *Воскресен. II*, 174. — Въ Волынск. Лѣт. о Коломанѣ и словѣ: вѣроятно, что отъ быль въ Венгрии. Длугоишъ пишетъ, что Коломанъ ушелъ тогда изъ Галича въ сѣверъ съ Ешик. Krakowskimъ, Викентіемъ Кадлубекомъ, и съ Канцлеромъ Лешка Бѣлаго Ивономъ; но именитые чиновники Польскіе не могли быть въ сіе время у сына Андреева, ибо Лешко находился въ ссорѣ съ Андреемъ. Нарушевичъ справедливѣ говорить о бѣгствѣ Кадлубека уже по разбитіи Венгерскаго Воеводы Филья. — Первый походъ Мстислава въ Галичъ былъ въ 1219 г.

(151) См. *Волынск. Лѣт.*

(152) «Въ тоже время прислаша Князи Литовскіе къ Вел. Княгини Романовой, и къ Данилови, и къ «Василкови, миръ дающи. Бяху же имена Князей: «се спаршій Живиньбу дѣ, Довылъ, Довыспруикъ; «брать его Мидогъ, братъ Довыловъ Великаиль, «а Жемонійскии Князъ Эрдивилъ, Выкнитъ Арускокъ»

«*сичь, Кинтибұдз, Вәнибұдз, Бутовитз, Виженевъ и сынъ его Вишни, Китеній, Никосовъ Асебуле-сичь, Вишнумутъ*, его же уби Миндогъ и жену его «*поля и браиню его побилъ, Эдивила, Сырудайка*; «*а се Князи изъ Лопвы: Юдыки, Чукыйкъ, Гикши, Ликтыйкъ*. Всі миръ даша Князю Даи. и Вас. и бѣ «*земля покойна. Ляхомъ же не престаюнимъ пако-спящимъ и приведе на ня Липву и много убийства сътворишась въ нихъ*» (*Вол. Льт.*).

(153) Полагаемъ, чи то Мешиславъ въ первый разъ занялъ Галичъ въ 1219 г., изгнанъ Венграми уже въ следующемъ, а победилъ ихъ и погналъ Коломана или въ 1220 или въ 1221 г.

(154) См. Длугоша и Спирковскаго. Такую же хитрость употребилъ Изяславъ II (см. выше). Длугошъ I, 607: *O magne lux et victor Mscislae Mscislavice! o fortis accipiter* (соколь) и проч.

(155) Нѣкоторыя позъ описаныхъ здѣсь обстоятельствъ взяты изъ Длугоша, коего повѣщеніе кажется на сей разъ дословѣрнымъ, будучи согласно въ главныхъ обстоятельствахъ съ Волынск. Льт. Онь безъ сомнѣнія пользовался какими нибудь Галицкими извѣстіями.

(156) См. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 190.

(157) Спирк. Лип. Хроника и Мѣхов. Hist. Pol.

(158) Сіи мірнія умовія извѣстны намъ по грамотѣ Папы Гонорія III, написанной въ 1222 г. къ Андрею Венгерскому (Райнальд. Annal. Eccles XIII, 32¹, 325). Папа, оптѣштуя сему Королю, говорить: *Casu sinistro accidit, Regem iurum (Коломана) cum sponsa sua et pluribus aliis viris nobilibus à tuis hostibus capturari, et tamdiu extra regnum iurum manus ipsos custodiae detineri, donec, necessitate compulsus, cum ipsos aliter liberare non posses, iuramento praestito promisisti, quod filio tuo, tertio genito, concesseris ipsi regnum (Галицію) praefatum... filiam nobilis viri Mieszslai (Мешислава) matrimonialiter copulares, super quo nuptique Apostolicae provisionis suffragium postulasti.* Волынск. Льт., не сказавъ ничего о мирѣ, говорить

о бракѣ Мстиславовой дочери.... «Галичаномъ бо «хопящимъ» Данила.... Мстиславъ же дасть Галич «Королевичю.» Сие было уже послѣ Калкской битвы съ Татарами въ 1224 г.; по Мстиславъ единовѣнно исполнилъ тогда договоръ прежній (какъ видно изъ письма Гоноріева), заключенный въ 1221 г. Длугошъ пишетъ, чѣмъ Венгерскій Королевичъ, по условію черезъ три года получилъ Галицкое Княженіе. Сей Историкъ не зналъ пренебрѣгшаго сына Королевскаго, Андрея, и думалъ, что Мстиславова дочь, которую онъ называлъ *Marieю* (а другое *Еленою*: см. Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 91) вышла за Белу, и чѣмъ Мстиславъ возвратилъ Галич Коломану.

(159) Въ письмѣ Гонорія (см. выше): *Regi, nato suo secundo genito (Коломану) ad Regnum Gallitiae sibi datum per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archi-Episcopum, auctoritate Sedis Apostolicae coronato in Regem.* О первой невѣстѣ Андреевої, Царевнѣ Арменской, см. Прая Ann. Reg. Hung. III, 216. Да-льѣ говорить Папа: *Cum enim, sicut accepimus, praefatus filius tuus et filia supra dicti Mizoslai in minori existant constituti aetate, antequam ad nubiles annos perveniant, tibi cautius et consultius provideri poterit in hoc casu, и проч.*

(160) *Волынск. Лыт.* — Въ Червенскѣ княжилъ братъ Александровъ, Всеиволодъ Всеиволовичъ.

(161) См. Liefl. Chr. I, 140, 148, 158, 170, 176, 177. Владими́рь Псковский ограбилъ тогда домъ Свя-щенника Алобранда (см. выше). Ярославъ, сынъ Владимира Псковскаго, названъ въ Liefl. Chr. Герцесла-вомъ. — Лапшины и нынѣ именующіе Венденъ Кескель и Цесисъ, Zehsis.—Ливон. Лыпоинеъ и здѣсь въ от-личіи времени опспаєтъ онъ нашего 4 годами.

(162) См. Маллеша Hist. de Dan. III, 395—401. Ревель основать въ 1218 или 1219 г. Тамъ быль прежде замокъ Липданессе: Датчане разрушили его. Прежде вся сія область называлась Ревелемъ. Опять чѣго произошло Русское имя Колываня, не знаю: оно должно быти Чудскаго языка.

(163) Liefl. Chr. I, 160, 189, 189. Шведскій Король Йоаннъ около 1220 г. приспалъ къ берегамъ Эспоніи — той частина ея, която называлась Ропалею, противъ остррова Эзеля, и гдѣ донынѣ одинъ по-госпѣ называется Rötel. Оставивъ войско въ замкѣ Леалѣ, Король возвратился въ Швецию. — Походъ Россіанъ къ Еоливанию или Ревелю былъ по нашей лѣтописи въ 1225, а по Ливонской въ 1222 г.

(164) Liefl. Chr. I, 64, 189, 191, 193, 196. Сей Лѣтописецъ разсказываєшъ, что Вячко (Viesccka), начальствуя въ Кукенойсѣ, былъ плененъ Рыцарями, по освобожденьи Епископомъ въ 1206 г.; а послѣ ограбилъ, умертвивъ многихъ Нѣмцевъ, и боясь мести, ушелъ въ Россію. Въ Новогор. лѣтописи (стр. 36) еще подъ 1167 г. упоминается о Князе Вячкѣ, томъ или другомъ (сей *Исторіи* Т. II. примѣч. 556). — Сами Нѣмцы укрѣпили замокъ Юрьевскій.

(165) Въ *Новгородск. Лѣт.* сказано: «убиша Князя Вячка Нѣмца въ Гюргевѣ, а городъ взяша» (въ 1224 г., а по Ливонск. лѣтописи въ 1225).

(166) Liefl. Chr. I, 201.

(167) Маловажныя проишествія описанного нами времени суть слѣдующія:

Въ 1215, Окт. 25 род. у Георгія сынъ Всеволодъ-Димитрій. Въ 1214 у Константина родился сынъ Владіміръ-Димитрій. Въ 1216 преславился Ростов. Еписк. Пахомій и погребенъ въ церви Богоматери: мужъ добродѣтельный, исполненный книжнаго ученія. Поставленъ Епископомъ Ростову Киприлъ, Черноризецъ Сузdalской общепели Св. Димитрія. Новогородцы смилили Посадника Юрія Ивановича и выбрали Твердила Михалкова. — Въ 1219 родился у Ярослава Всеволодовича сынъ Феодоръ. — Въ 1220 преславился въ Кіевѣ Россійскій Митроп. Машеїй, Авг. 19. — Въ 1223 скончался Новогор. Архіепископъ Митрофанъ Юля 3. Граждане въ тошъ же день ввели въ домъ Святынильскій Хуиниискаго Монаха, Арсенія, человѣка добродѣтельнаго.

(168) См. сей *Исторію* Т. II, стр. 55 и г. 1153. Изяславъ Мстиславичъ ъздилъ въ Смоленскъ, чиобы взять съ шамошняго Владѣтеля дары для Великаго Князя: сіи дары были обыкновенною данио.

(169) См. Т. II, стр. 121.

(170) Въ семъ смыслѣ Рязанскіе, Тверскіе, иного Смоленскіе и Черниговскіе именовались *Великими*, а не *Мъстиними*, какъ сказалъ Болтинъ. Послѣднее название принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Князь Мъстиний значилъ тоже, что Помѣстиний; онъ былъ пыре Удѣльного или Владѣельного.

(171) Города Слуцкъ, Мозырь и другіе на берегахъ Припяти были описаны Георгіемъ Долгорукимъ роду Князей Черниговскихъ: см. сю *Исторію* въ описаніи годовъ 1149 и 1153; также *Воскр. Лѣт. II*, 67, и *Новог. 20*, 79.

(172) См. Т. II, стр. 118, и выше стр. 166.

(173) Такъ по смерти Изяслава I вступилъ на Киевский престоль не сынъ его, а братъ Всеволодъ I, послѣ Всеволода старшій его племянникъ Святополкъ, послѣ Мстислава Великаго братъ Ярополкъ, и проч.

(174) То есть, Ярославъ Святополковичъ, сынъ его Юрій, внуkъ Глѣбъ, и проч.

(175) *Рос. Бібл.* стр. 210, и *Воскр. Лѣт. I*, 290. Монахъ Рубрукъ въ 1253 г. встрѣтился съ Половчаниномъ, который даже говорилъ Лапинскимъ языкомъ (Бержер. *Voyages*, I, 45.)

(176) *Мемор. Ропул. II*, 672—722.

(177) См. Ярославову *Правду* и *Новогор. Лѣт.* стр. 81, 89 и 112, где сказано, что Князь на пять лѣтъ освободилъ простой народъ отъ лани.

(178) Мы уже видѣли множества примѣровъ сего народнаго своеольства. Не говоря о славныхъ Вѣчаль Новгородскихъ, вспомнимъ мятежъ Кіевлянъ при Изяславѣ I и пребованія предложенныя ими на Вѣчѣ Игорю II (см. Т. II, стр. 72 и 205.) — На Вѣчѣ, бывшемъ въ Владимирѣ по смерти Андрея Боголюбскаго, присутствовала вся *Дружина*, отъ мала до велика: см. *Рос. Бібл.* стр. 255.

(179) См. выше, спр. 15, *Рос. Библ.* спр. 202, 203, и *Новогород. Лѣт.* спр. 40.

(180) См. *Новогород. Лѣт.* спр. 75, гдѣ сказано, что у Дмишра, Посадника и богащаго купца, были села; см. также выше, спр. 29.

(181) Она напечатана при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, по благословенію Госифа Патріарха (слѣдствію прежде Никона), по была извѣсна въ Россіи вѣка за четыре до временія его: что доказывається харашейною Коричею Книгою, писанною для Софійской Новогородской церкви около 1280 г. (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65). — Кормчая Книга содержитъ въ себѣ и иѣкошоры гражданскіе законы, коими въ случаяхъ, неопредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ, руководствовались наши суды въ государственное Иоанна III (см. Т. VI). Царь Алексій Михайловичъ, уже издавъ Уложение, счелъ за нужное въ 1654 г. разослать ко всемъ Воеводамъ выписки изъ Греческихъ законовъ Номоканона, и велѣль судить по опымъ дѣла уголовныя: о чемъ будемъ говорить въ Исторіи XVII вѣка, и тогда представимъ доспопамятный указъ Царскій въ подлинникѣ.

(182) *Воскр. Лѣт.* I, 28⁴, 501; II, 57, и *Новогор. Лѣт.* 83. Росіиѳцы изгнали Епископа Леона, Ки. Черниговскій Аппонія, и проч. — О Епископѣ Кириллѣ сказано въ Пушкинской лѣтописи.

(183) См. *Воскр. Лѣт.* II, 39 и 10, Новогород. 62, и сю *Исторію* въ описаніи 1150 года.

(184) См. *Воскр. Лѣт.* I, 205. Далѣе см. *Рос. Библ.* спр. 9⁴ и 20⁴, *Воскр. Лѣт.* II, 35. О Конюшихъ упоминающіяся въ Ярославовой *Правде. Следники и Кощен* также были въ числѣ придворныхъ.

(185) См. выше, примѣч. 20.

(186) См. выше, примѣч. 57. Имя *Пасынковъ* въ смыслѣ Боярскихъ Отроковъ есть весьма древнее. Въ Несторово время одно мѣсто въ Киевѣ называлось *Пасынча беспѣда*, то есть, сборное мѣсто сильныхъ людей.

(187) Такъ вооружались Переяславскіе *граждане* для спасенія Владимира Глѣбовича (выше, спр. 6⁴) и поселянє Сузdalьскіе для отраженія Новогородцевъ и Смоленъ въ 1216 г.: см. выше.

(188) См. Т. II, спр. 71.

(189) См. *Воскр. Лѣт. II*, 8⁴, 111, *Рос. Библ. 156* и *Новогород. Лѣт. 95*.

(190) Войско Андрея Боголюбскаго, осаждавшее Вышегородъ въ 1175 г.; но кромъ дружинъ его союзниковъ.

(191) См. *Рос. Библ. 223, 224, Новогород. Лѣт. 58*, и *Liefl. Chr. I*, 195, 195.

(192) См. *Воскр. Лѣт. II*, 76.

(193) См. въ Бержерон. *Voyages пущеніесиївіе Рубруквиса* (въ 1255 году) спр. 1 и 5. Россіяне давали за возъ соли по двѣ ткани бумажныя, коптирыя стопли $\frac{1}{2}$ гиперпера или Константинопольскаго червоица (см. Дюканж. *de infer. aevi numism. Dissert.* спр. 71.)

(194) См. *Sammlung Russ. Gesch. T. II*, спр. 10, 85. Половцы не владѣли Херсонскою областю.

(195) См. Фоліеш. *Hist. Genuens.* спр. 297.

(196) См. выше спр. 63, и *Рос. Библ. 278*.

(197) См. выше, прим. 16, *Патерикъ* въ житії Св. Агапита, и *Слово о полку Игоревъ* спр. 22. Венециане узнали Россіянъ чрезъ Константинополь со времени Крестовыхъ походовъ. — Объ изгнаніи Мартина Сандомирскаго писцемъ Длугошъ, *Hist. Polon. Kn. VI*, спр. 6⁴9: *Wladimirus Kioviensis Dux veritus ritum suum Graecum per fratres Praedicatores, videlicet Martinum de Sandomiria, Priorem Kioviensem, et alios fratres ejus, utpote viros Religiosos et exemplares, persundari et confundi, praefatos Fratres de Ecclesia S. Mariae in Kiow, ordini praefato consignata, et circa quam habebant suum conventum, expellit, redeundi facultatem eis interminans.* Эптель въ своей *Gesch. von Halitsch* спр. 556, ссылаясь на Окольского, сочинившемъ книги *Russia Florida*, разсказываетъ, что Владимиръ выгналъ тогда Доминиканскаго Монаха Іакин-

еа; что сей Монахъ, вылечивъ прежде его дочь и возвративъ ей зрѣніе, пользовался опімъниою милостию Княжескою, съ дозволенія Владимира проповѣдывалъ Лапинскую вѣру въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Москвѣ и проч. Это сказка. Владимиръ не могъ дозволить Іакинѳу проповѣдывать въ Черниговѣ и Москвѣ, ибо сіи города не зависѣли отъ него. Къ тому же Іакинѳъ находился въ Кіевѣ послѣ 1210 г. (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 9).

(198) См. *Путешествіе Палласа I*, 192 — Лепехина *Записки*, I, 272 — Миллер. Samml. Rus. Gesch. V, 21⁴, 428. Сіи надписи переведены для Государя Петра I въ 1122 г. Казанскимъ Армяниномъ Иваномъ Васильевымъ. Одна изъ нихъ 557 года; то должно знать, что Армянское лѣпосчислѣніе начинается съ нашего 552 года, Іюля 9 (см. l'Art de vѣrif. les dates). — Нынѣшнее село Болгары (не далеко отъ Теплюшъ) основано на самыхъ развалинахъ древняго Болгарскаго города. Тамъ видны ровъ, валъ и даже каменные зданія, еще не совсѣмъ разрушенныя временемъ; семь палашъ, четыре башни, два сполба. Былая шамъ мечеть Таипарская обращена въ церковь Св. Николая. Жишелі называютъ остатки другаго зданія Греческою палатою и судейскимъ домомъ. — Арабскій Географъ X вѣка, Ибнъ Гаукаль (Geographie Orientale d'Ebn-Haukal par Silvestre de Sacy) пишетъ о городѣ Болгарѣ и другомъ сопѣтственномъ, сказывая, что въ нихъ около десяти тысячъ жишелей.

(199) Эрбелони. Biblioth. Orient. по ч словомъ Bulgar, и Миллер. Samml. R. G. VII, 428.

(200) То есть, отъ 619 до 742 г. Эгиры (см. Палласа I, 195). Всѣхъ Арабскихъ надписей 47, изъ коихъ 22 одного 625 или 1226 г.: Палласъ заключаетъ, что въ семъ году было шамъ моровос повѣшіе. Приведемъ здѣсь одну надпись: «Господь есть «Богъ живый и безсмертный. . . Гробъ Владѣтеля «Шахима, Мамякова сына. Мамякъ Маршуловъ сынъ, «Маршулъ Суваровъ. Всеышний да успокоитъ его

«Своимъ милосердіемъ. Умеръ въ году опѣ Магомета 625» (см. Лепех. *Записки I.* 274).

(201) См. выше, стр. 84.

(202) См. Т. II, стр. 175, Саксон. Граммат. стр. 271, и въ Сартор. *Gesch. des Hanseat. Bund.* I, 191, гдѣ приведено слѣдующее мѣсто изъ грамоты Императора Фридриха, писанной въ 1187 г.: Ruteni, Goti, Normanni, et ceterae gentes orientales ad civitatem sepium dictam (Любекъ) veniant et recedant. То же сказано въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Нѣмцами: см. ниже. Адам. Бременскій (въ *Линденбр.* стр. 58) около 1070 г. пишетъ, что въ его время Даны чаде доплывали иногда до Новагорода въ 4 недѣли. О церкви Русской въ Готландіи см. *Nov. Act. Societ. Upsal.* II, 101, и ниже. — Королевскіе Шведскіе чиновники, посланные въ XVII вѣкѣ на островъ Готландскій, привезли опипуда слѣдующее извѣстіе: Ex India, Persia, Arabia, Graecia devchebantur merces Derbendam, Caspii portum maris, hinc per mare istud et Wolgae fluvium ad urbem Moscuae, tum porro terrestri primum itinere non longo, et aquis dein variorum fluminum mariumque Wisbyam usque, utpote in centro sitam Baltici oceani, et in qua, sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque convenientis ac permutandis mercibus propriam. См. Сарт. *Gesch. des Hans.* B. I, 581.

(203) Въ Любекскомъ Архивѣ нашелся Лаппинскій списокъ договора Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новымъ городомъ, напечатанный Дрееромъ въ книгѣ *Specimen juris publici Lubecensis*, стр. 177, съ нѣкоторыми выпускками и даже грубыми ошибками: что доказано вѣрныемъ, новымъ спискомъ сей грамоты, недавно присланымъ изъ Любека къ Е. С. Канцлеру, Гр. Н. П. Румянцову. Напримѣръ, Дрееръ выпустилъ важныя слова въ концѣ трактата: *Via a cuius Gothenium trans curiam Regis usque ad forum libera erit et edificiis inoccupata, libertate, quam Rex edidit Constantinus;* а въ началѣ вмѣнио *Rex, Borchraivius* (то есть, Посадникъ) *Dux (Тысячскій) et Nogardienses*

discretiores, поставилъ: *Rex Borchartus*. Еще не видавъ сего нового списка (который будешь скоро изданъ), Лербергъ угадалъ истину (см. его *Untersuchungen*, стр. 259—272).—Предложимъ содержаніе грамоты.

«Во имя Бога Всемогущаго . . . Аминь , и проч.
«Купцы Нѣмецкіе и Гопландекіе да шоргуюнть сво-
«бодно въ областяхъ Новогородскихъ , какъ издревле
«бывало ; могутъ, входя въ Неву , рубить лѣсъ для
«своей надобности, и въ случаѣ кораблекрушенія жи-
«тели должны не грабить ихъ , но оказывать имъ
«всякую помошь : въ удоспованіе чего Князь и Боя-
«ре Новогородскіе цѣлюютъ священный крестъ.» (Въ под-
лишникѣ : *Cum mercatores Theutonici vel Gotenses ve-
niunt in Berko, in regno regis Nogardiensium*, и проч.
Сей *Берко* есть *Бюрко*, на Юго-Западѣ отъ Выборга. Ежели сей оспровъ принадлежалъ тогда къ Но-
вогородскимъ владѣніямъ , то предлагаемый договоръ
быль писанъ прежде 1295 г., когда Шведы овладѣ-
ли сею частию Кореліи. См. Лерберга *Untersuchun-
gen*, стр. 258).

«За всякую обиду , сдѣланную господу , оштраф-
«сствуешь Правительство. Если въ пунти украдутъ
«у Нѣмца вещь цѣпою ниже полугривны кунь , то
«воръ можетъ опкупиниться онъ наказанія двумя
«гривнами кунь ; а если она дороже , то споинъ ме-
«ниѣ полугривны серебра , по виновный долженъ
«быть наказанъ розгами и заклейменъ на щекѣ , или
«занлапитъ десять гривенъ серебра. За важайшее
«воровство казнить смертю. Преступленіе , учи-
«ченное въ Ижерской области , судится ся Тіуномъ ;
«а если онъ чрезъ два дни не явится , то старши-
«ны гостей могутъ сами наказать вора по означен-
«нымъ правиламъ.

«Когда гости зимніе , или желающіе зимовать въ
«Новѣгородѣ , будушъ на Ижерь , Тіунъ высылаєтъ
«лодошниковъ , кои немедленно оправляються съ го-
«стями , дающими каждому изъ нихъ 8 кунь или мор-
«докъ и лѣсъ салфетки , или вмѣсто оныхъ 3 мордки ,
«а гости лѣтніе съерхъ штого четыре хлѣба и со-

«судъ масла или 2 куны за хлѣбы, а за масло три «мордки.» (Въ подлинникѣ названы лодошники *vectores* и *ductores* или *Vorschkerle*, рѣка Ижора, *Vorsch*, Тіунъ *Oldermannus*. Ижерскій приставъ долженъ быть извѣстить Тіуна о прибытіи госпіей. Собравшимся лодошникамъ позволялось только однажды сварить себѣ купланье (*decoquetur eis unum caldarium, et non plus*), чтобы не задерживать купцевъ. *Куны мордки, capila Martatorum*, вообще то же, что куны: см. Т. I, примѣч. 472; по куны были различныя. Въ договорахъ Князя Тверскаго Михаила съ Новыгорodomъ упоминаются о кунахъ долгихъ (см. ниже). Собственно такъ называемая *кунья мордка* превосходила, кажется, въ цѣнѣ обыкновенную куну: ибо въ практикѣ сказано, что за печеньй хлѣбъ госпи платили 2 куны, а за сосудъ масла 3 мордки куны, то же за пару салфетокъ. Лодошники получали сюю плату дошедши съ госпіями до рыбачьихъ хижинъ). «Пошлина въ Новѣгородѣ» — платимая въ какомъ-то мѣстѣ *Gestevelt* — «установлена равная для зимнихъ «и лѣтнихъ гостей: съ каждого изъ судовъ купеческихъ гривна кунъ; съ нагруженаго мясомъ (соленымъ), мукою и пшеницею $\frac{1}{2}$ гривны, а съ другихъ «съѣстныхъ припасовъ пять никакого сбора. Госпи, взявъ Русскую ладію съ Невы, въ Новѣгородѣ даютъ «лодошнику установленную цѣну и окорокъ ветчины или 5 гривенъ кунъ; если же ладія *вспрѣшилась* имъ на Волховѣ или на Ладожскомъ озерѣ (*Alldagen*), то платятъ единственно половинную цѣну. «Буде ладія опспаненіе въ пущи опъ другихъ или «разобѣшся, то лодошникъ хоня и не опвѣшился: «спиуетъ за сіе несчастіе, однакоже не можетъ пребовать плани; но за шоваръ, испорченный имъ опъ «небреженія, платитъ купцу. Если госпи и лодошники, имѣвъ въ пущи скору, примиряются, то уже «не надобно поминать обѣней въ Новѣгородѣ. — Госпіи, по древнему обыкновенію, могутъ свободно, вхѣдя въ Неву, торговатъ съ Корелою и съ Ижерцами. — Въ Новѣгородѣ за перевозъ шоваровъ на го-

«стиной дворъ Нѣмцы платяще съ ладіи 15 купъ,
«а Гопланцы 10. Тамъ Новогородцы не могутъ
«предписывать никакихъ законовъ въ куплѣ. Сіи го-
«спинные дворы пользующиеся неограниченною свобо-
«дою. Ежели укроется въ опыхъ преступникъ, то
«иностранцы не обязаны выдавать его: ѿтъ судящихся
«единствено шамошнимъ судомъ. Герольды и Би-
«рючи не входяще ни въ Нѣмецкій, ни въ Гопланд-
«скій дворъ: одинъ Посоль Княжескій имѣеть сіе
«право. Обиженный Россіяниномъ господь жалуется
«Князю и Тіуну Новогородскому, обиженный госплемъ
«Россіянинъ Старѣйшинѣ (Oldermanno) иностранцевъ,
«который одинъ можетъ взять его подъ стражу.
«Ссоры между Россіянами и господами судятся на дво-
«рѣ Св. Иоанна Княземъ, Старѣйшиною (иностранцевъ)
«и Новогородцами. Неистовая забава, въ коей люди
«бывающи дрекольемъ, не должна быть терпима на
«улицѣ между дворами Нѣмецкими, чтобы Россіяне
«и господа не имѣли повода къ ссорамъ. Кто силою
«вломится въ господинъ дворъ и сдѣлаетъ Нѣмцамъ
«обиду, то подвергается ихъ произвольной мески,
«а начальство за него не вступаетъ; если же удейти
«и буденъ обличенъ семью свидѣтелями, долженъ
«заплатить двойную виру или двадцать гривенъ се-
«ребра, а каждый его сообщникъ 2 гривны серебра,
«сверхъ особенного убышка, причиненнаго симъ наси-
«ліемъ. Когда же виновный бѣденъ, за него платятъ
«Новогородцы. Если преступникъ буденъ задержанъ
«на дворѣ Нѣмецкомъ, то его должно наказать все-
«народно. Кто дерзнетъ ломать ворошъ или заборъ
«сего двора, или пустить въ оный стрѣлу, или
«бросить камень, то плащина десять гривенъ
«серебра. — Всѣ приходящіе на господинъ дворъ тор-
«гующе въ ономъ свободно; нѣтъ розницы между
«Россіяниномъ и Нѣмцемъ (*modica vel nulla est diffe-*
«*rentia*). Господа пользующиеся шакою же свободою вѣтъ
«сего двора. — Нѣмцы могутъ невозбранно учить
«своихъ опроковъ языку Русскому. Оппъ церкви
«Св. Николая до господинаго двора и самой улицы

«не должно заспироивать никакого мѣстца. — Клад-
«бище Св. Петра, торговые дворы Нѣмцевъ и Гоп-
«ландцевъ могутъ быть обносимы заборомъ, какъ и
«прежде. Церкви (Нѣмецкія) Св. Петра и Св.
«Николая въ Ладогѣ пользующіяся, какъ и въ спа-
«рину, особенными, описаными имъ лугами. —
«Если будешьссора между зимними гостями и Рос-
«сиянами, то лѣтними гостями пойти до оной ни
«какого дѣла, и вообще каждый иноземный купецъ,
«не смотря на сию распрю, имѣшь свободный вы-
«ѣздъ изъ Новагорода. Ежели она не будешь прекрас-
«яща ни въ годъ, ни въ два, то на шретій годъ
«Новогородцы уже могутъ поспущиши съ гостями
«какъ съ непріятелями: описать ихъ имѣніе, запо-
«чилъ, и проч.» fiet *Pandatio admittetur*. Глаголь
pandare означалъ apposer ban sur quelque chose. см.
Дюкаш. Glossar. Такъ Новогородцы поспущили съ
Нѣмцами въ 1188 году). «Россіянинъ не имѣшь шак-
«же права задержать въ домѣ у себя иностраница;
«но долженъ объявить его вину Спарѣйшинѣ, ко-
«торый предосперегаетъ своего единоземца. — Въ
«случаѣ войны между Новымгородомъ и спранами
«окрестными гостинъ Нѣмецкій или Гопландскій, ни
«мало не участвуя въ опой, воленъ тѣшашь, куда ему
«угодно. Нельзя шакже принудить его, чтобы онъ
«вооружился и шелъ въ походъ съ Новогородцами. —
«Гость Нѣмецкій, желая изъ Новагорода опира-
«вшись въ Гопландию, даетъ гривну серебра въ
«церковь Св. Пятницы» (Sti Fridach, т. е. Freitag). —
«Во всякой тяжбѣ госпя съ Россіяниномъ должны
«быть свидѣтелями два госпя и два Россіянина.
«Если Россіянинъ и госпи несогласны въ свидѣ-
«тельствѣ, то жребій решитъ, на чьей споронѣ
«испина. Новогородецъ, будучи должникомъ госпя
«и другаго Новогородца, обязанъ заплатить прежде
«госпю; а если не можетъ, то лишается свободы,
«вмѣстѣ съ жену и съ домочадцами. Заимодавецъ
«выводишъ его на торгъ, и воленъ увезти изъ Но-
«вагорода, буде никто не искупитъ сего должника. —

«Ежели — чего Боже сохрани — убієшъ кого Священника, Спарѣйшиу и Посла, то убійца плащитъ «двойную виру или 20 гривень серебра; въ другихъ «случаихъ 10 гривень; за убіение холопа 2 гривны «серебра; сполько же и за рану свободнаго человѣка, «а за рану холопа $\frac{1}{2}$ гривны; за пощечину сполько «же. — Вѣсы госпина двора могутъ быти два раза «за въ годъ повѣряемы: на нихъ должно вѣсить всѣ «товары Нѣмецкіе и Россійскіе. Госпѣ плащитъ вѣсовику 9 вѣкшей съ капи или съ двѣнадцати пудъ» (9 Schin de Cap.) См. о капи ниже. Вѣкша названа здѣсь Schin. По Смоленскому, ниже предлагаемому договору надлежало плащитъ вѣсовику съ двухъ капей одну куну: изъ чего можно заключить, чѣмъ Смоленская куна равнялась цѣною съ 18 Новогородскими вѣкшами; а какъ въ гривни серебра было въ 1228 г. Смоленскими кунами 4 гривны, а Новогородскими въ 1230 г. семь гривень, то вѣроятно, что куна вообще содержала въ себѣ десять вѣкшей (см. сей Ист. Т. I, примѣч. 475). «Избранный Новогородцами вѣсовицъ цѣлуетъ крестьян во увѣреніе, что не будетъ никого обманывать, и за вѣшаніе мешалловъ драгоценныхъ не беретъ плащпы. Узаконенный пробирщикъ, взявъ отъ гостей серебро для плавки, долженъ, возвращая имъ оное, исключить примѣсь. Иноzemецъ можетъ требовать вѣторичной повѣрки въ всѣхъ своего мешалла. За пробирщика, буде онъ не возвратитъ гостю серебра его, опѣвѣспвуюю Новогородцы. Вѣсь, называемый капъ, содержитъ въ себѣ 8 Ливонскихъ шаланповъ» (въ шаланпѣ было 60 фунпп.). «Законная мѣра для продажи и купли есть ша, которая хранится въ (Нѣмецкой) церкви Св. Непра. — Гости зимніе и лѣтніе, отправляясь изъ Новгорода, могутъ взять взяты въ Ижерѣ проводника, коему даютъ 8 мордокъ и 1 хлѣбъ. Они вольныѣ тѣхать съ тѣварами и на собственныхъ лошадахъ. — Дворъ Гопландскій съ церковию, съ кладбищемъ Св. Олава и съ окрестными лугами по древнему успаву должны быти отъ всего свободны. Мѣсто вокругъ сего

«двора на 8 шаговъ принадлежитъ Гопландцамъ: «шунгъ не спроишь никакого зданія, и не склады- «вашъ лѣсу. Они уже не обязаны моспичь и чи- «спичь московыхъ за прежній, проданный ими «дворъ. — Какими правами и выгодами пользуются «гости въ землѣ Новгородской, такими же поль- «зуются и Новогородцы въ Гопландіи. — Аминь.»

Вѣроятно, что сей любопытный трактатъ писанъ скоро послѣ временъ Константиновыхъ или около 1250 г.; но дѣйствительно ли былъ принятъ и утвержденъ Новогородцами? не думаю: ибо не находимъ въ немъ ни года, ни именъ Князя, Посадника и Тысяческаго, которыя обыкновенно означались въ Новогородскихъ грамошахъ. Вѣроятно ли также, чтобы Новгородъ далъ иноземцамъ право судить Россійскихъ преступниковъ, буде не явится Тіунъ въ установленный срокъ, и чтобы за воровство маловажное (нынѣшними деньгами отъ одного до пяти или шести рублей) клеймили, а за важнѣйшее казнили воровъ смертію, въ землѣ, где самый убийца опкупался серебромъ? Иноземные купцы, опасаясь часнаго воровства болѣе, нежели рѣдкихъ убийствъ, могли предложить сей законъ; но могло ли Новогородское Правительство согласиться на онъ? Александръ Невскій казнилъ развратниковъ своего сына, и народъ свергъ мяшежниковъ съ моспичу; но такія преступленія были уже государственные, а не частныя или не гражданскія, обыкновенно наказываемыя у насъ денежными пенями отъ временъ Ярослава до XIV вѣка. — Однакожъ во всякомъ случаѣ памятникъ нашихъ купеческихъ связей съ Германію, означенованный печатию древности, стоишь замѣчанія, изображая путь и средстивиа Нѣмецкой торговли въ сѣверозападныхъ областяхъ Россіи. Мы не усомнились внести некоторые обстоятельства сего договора въ нашу Исторію.

(204) Син краткія, по дословѣрнія извѣстія собраны г. Сарторіемъ въ его Gesch. des Hanseat. Bundes, I, 189 — 198 и II, 428 — 454. Тамъ упоминается

ся, отъ XIV до XV вѣка, о частыхъ жалобахъ Новгородцевъ на обманы Ганзейскихъ купцовъ въ добропѣ и мѣрѣ Фламанскихъ суконъ, и проч. — Справедливо сомнѣваясь о мнимыхъ несметныхъ богатствахъ тогдашняго Новагорода, Сарторій прибавляетъ, что тамъ до 1385 г. не было даже и моста черезъ Волховъ! Сей ученый Историкъ не скажалъ бы этого, если бы зналъ Новгородскую летопись.

(205) См. Т. II, примѣч. 64.

(206) См. Торфса Hist. Norveg. IV, 154, и Далина Gesch. des Schwed R. II, 144.

(207) Древній хараштейный списокъ сего важнаго договора находился въ библіотекѣ Гр. А. И. Мусина-Пушкина. Мы обязаны сообщить оный любопытныи чинпапелями отъ слова до слова:

«Князь Мстиславъ Давыдовичъ послалъ свои муки, Еремѧ Попа, Пантелей Сопыскаго, отъ Смоленя въ Ригу, а изъ Ригы на Гопъский берегъ, «упверживати миръ, а розлюбье на сторону отвѣречи, которое было межи Нѣмци и Смоленяны; а «за шошь миръ спрадаль (спарался) Рулфъ изъ Кашля (Касселя?) и Тумашъ Михайловичъ, абы до «брюсердье межъ ихъ было, абы Рускымъ купцемъ «въ Ризѣ и на Гопъскомъ березѣ, а Нѣмечкимъ купцемъ въ Смоленской волоспи любо было, какъ «миръ упверженъ, и добросердье абы въ вѣки стояло и Князю любо бы и всимъ Смоленяномъ и Рижаномъ и всимъ Нѣмчемъ, по Вепочному морю «ходящимъ, оже шакую правду вѣспали, которою «правдою быти Русину въ Ризѣ и на Гопъскомъ «березѣ, абыша шоя правды держали и въ вѣки. — «Богъ шого не дай, оже розбой по грѣхомъ пригодишись межи Нѣмци и Руси, что за что платити, «абы миръ не разрушень, абы Нѣмцю любо было. — А се починокъ правдѣ: — I. Оже убьють вольнаго человѣка, платити за готову 10 григенъ сребра по 4 гравны кунами или пѣниязи, а за холопа «гривна серебра; аже кто холопа ударить, грибна кунъ.

«Та же правда буди и въ Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и
«на Гопыскомъ березѣ. — 2. Аще око выбьюшь или
«руку отпинуть, или ногу, или иная косторая
«хромота на пѣлѣ явившися, 5 гривенъ серебра, а
«за зубъ 5 гривны серебра. Также правда буди въ
«Смоленскѣ и на Гопыскомъ берегу. — 3. А кто де-
«ревомъ ударишь человѣка до крови, полторы гривны
«серебра; аже ударишь по лицу или за волосы иметь,
«или башогомъшибеть, пластишь безъ четверти
«гривна серебра; аже послови (послу) пригодишся
«плакости или Попови, въ всякой обидѣ за два чело-
«вѣка пластиши дань. — 4. Аще кто друга ранишь,
«а хромоты на пѣлѣ не будешь, полторы гривны
«серебра пластиши. — 5. Аще Рускій гость или въ
«Ризѣ, или на Гопыскомъ березѣ извинишся (бу-
«дешь виноватъ), никакоже его всадишь въ дыбу
«(колодку), оже будешь порука попъ; не будешь ли
«поруки попъ, то лзъ всадишь въ желѣза. Или Нѣ-
«мецкій гость извинишся, не лзъ его версци въ
«погребъ; оже не будешь попъ поруки, лзъ его вса-
«диши въ желѣза. — 6. Оже Нѣмечкій гость даспъ
«свой шоваръ въ долгъ въ Смоленскѣ, а Русинъ бу-
«дешь долженъ Руси, ино Нѣмцию напереди взя-
«ши. Также правда буди Русину въ Ризѣ и на Гопы-
«скомъ березѣ. — 7. Аще Князь взверъжешъ (тиѣвъ)
«на Русина, и повелишь его разграбиши съ женово
«и съ дѣнными, а Русинъ будешь долженъ Нѣмци-
«чю, (ибо Нѣмцию) напередъ взяши, а попомъ ка-
«ко Богови любо и Князю. Также правда буди Ру-
«сину въ Ригѣ и на Гопыскомъ берегу. — 8. Или
«Нѣмечкій гость даспъ холону Княжю или Боярь-
«ску, а кто задницю (наслѣдіе) его возмешь, то у
«шого Нѣмцию шоваръ взяши. Также правда буди
«Русину въ Ригѣ и на Гопыскомъ берегу. — 9. Ру-
«сину же не лзъ веспи однаго Русина въ послушь-
«спво, ип двою. Также правда буди Нѣмцемъ въ Смо-
«ленскѣ. — 10. Русину же не лзъ пмаши Нѣмчина на
«желѣзо» (испытание посредствомъ раскаленного же-
«лѣза) «шакоже и Нѣмцию Русина; аже возлюбишъ самъ

«свою волею, по его воля. — 11. Русину же не
«изъ позвали Нѣмци на поле (поединокъ) въ Смо-
«ленскѣ, ни Нѣмчико въ Ригѣ и на Гопыскомъ бе-
«резѣ, или Нѣмечкій госпѣ бытия въ Руси межи
«совою мечи или сулицами, Князю по непадобѣ и
«никакому Русину, а правящимъ сами по своему суду. —
12. А имѣть Русигъ Нѣмцица у своей жены, ино
«за соромъ 10 гривенъ серебра; шакоже Русину въ
«Ригѣ и на Гопыскомъ берегу. — 13. Аще кошорой
«Нѣмчикъ учинишь насилие надъ вольною женю въ
«Смоленскѣ, о дотполѣ было не слышани блядкѣ
«ей, 10 гривенъ серебра за соромъ; шакоже правда
«буди Русину въ Ригѣ и на Гопыскомъ березѣ. — 14.
«А како услышашь Волоскій Тіунъ, еже госпѣ Нѣ-
«мечкій пріѣхалъ въ Смолняны на Волокъ, послати
«ему своего человѣка вборзѣ къ Волочаномъ, ань
«перевезутъ Нѣмечкій госпѣ съ товаромъ; а ни-
«кожь имѣть имъ пакосипши, занеже въ той па-
«коспи велика пагуба бываєшь Смолняномъ опь по-
«ганныхъ. И Нѣмцемъ мешани жеребы, кому пойши
«напередъ. Аще иный госпѣ будешь Рускій, то-
«му пойши позади. — 15. А како будешь госпѣ Нѣ-
«мечкій въ городѣ, дапи имъ Княгиши поспавъ ча-
«шины, а Тивуну Волочному рукавичъ перъспаша-
«шый Гопыскій» (рукавицы съ перспами или пер-
«чашки). — 16. «А кошорой Волочанишъ вскладывашь
«товаръ Нѣмечкій или Смоленскій на кола своя
«чересъ Волокъ везши, а чпо погынешь того
«товара, всимъ Волочаномъ плашиши. Также прав-
«да буди Русину и на Гопыскомъ березѣ. — 17.
«А како будешь Нѣмечкій госпѣ въ Смоленскѣ
«городѣ, шако ему продали свой товаръ безо вся-
«кія борони (препяшспвія); а какъ будешь Рускій
«госпѣ въ Ризѣ и на Гопыскомъ березѣ, вольножь
«ему продали безо всякой борони. — 18. Аще кошор-
«кой Нѣмчикъ хочешь пойши съ своимъ товаромъ въ
«иный городъ, Князю не борониши, ни Смолняномъ;
«или кошорой Русинъ всходочешь съ Гопыскаго бере-
«га въ Нѣмечкую землю въ Любокъ (Любекъ), Нѣм-

«цемъ не боронити» пущи того. — 19. Аще копо-
«рый Русинъ возмепъ товаръ у Нѣмцица, а понесепь
«товаръ изъ двора, шый товаръ не ворочається; или
«копорый товаръ купилъ у Русина и понесепь изъ
«двора, шый товаръ не ворочається. — 20. Русину
«же не лзъ позвати на опцій (общій) судъ, развѣ
«на Смоленскаго Князя; аже возлюбить Нѣмчикъ на
«опчій судъ, то его воля. А Нѣмчику не лзъ по-
«звати Русина въ Ригъ или на Гопъскомъ берегѣ на
«опчій судъ; всхочеть ли Русинъ на обчій судъ,
«то его воля. — 21. Русину же не лзъ приспавши
«Дѣчкаго» (Дѣшкаго, Опрока, Госпнаго приспава)»
«къ Нѣмчику въ Смоленськѣ, но прежде обвѣспинь
«спарѣйшему ихъ: оже спарѣйшина его не умовиши,
«то лзъ ему приспавши. Такоже и Нѣмчику въ
«Ригѣ и на Гопъскомъ березѣ, ое лзъ ему приспа-
«виши Дѣшкаго. — 22. Оже будешъ Русину товаръ
«имати на Нѣмчици или въ Ригѣ, или на Гопъскомъ
«березѣ, въ копоромъ городѣ въ иномъ Нѣмечкомъ:
«пойти испытую къ испѣчу, и езяти ему шая прав-
«да, копорая въ шомъ городѣ; а рубежа имть не дѣя-
«ши; а Нѣмчицу таже правда взяши въ Руси.» Сло-
во *рубежъ* употреблено здѣсь въ смыслѣ насиль-
ственного захваченія. — 23. «Нѣмчику плашиши вѣ-
«цю опъ двою капью (съ 24 пуд.) куна Смоленская.—
«24. Оже купиши Нѣмчику гривну золота, дапи
«ему ногата вѣсцю, или продаспь, не дапи ему ни
«векши.» — 25. «Или копорый Нѣмчикъ купишъ судъ
«(сосудъ) серебряный, дапи ему опъ гривнѣ куна
«вѣсцю, или продаспь, ни дапи ему ни векши. — 26.
«Аще купишъ Нѣмчикъ гривну сребра, дапи вѣсцю
«2 векши, или продаспь, не дапи ему.» — 27. «Оже
«Нѣмчинъ даспь серебро плашиши, дапи ему куна
«Смоленская гривень (съ гривны).» — 28. «Аще вощный
«пудъ (вощаю вѣсъ или 12 пуд.) исказишися,
«лежитъ кань во святѣй Богородици на горѣ, а дру-
«гая въ Нѣмечкой Богородици: шо пышъ пудъ из-
«вѣряче, право учиниши. Таже правда буди Руси-
«ниу въ Ризѣ и на Гопъскомъ березѣ. — 29. Нѣмчи-

«чю же всякой товарь вольно купити безъ борони
«въ Смоленскѣ, шакоже и Русину вольно купити
«всякий товаръ безъ борони въ Ризѣ и на Гопы-
«скомъ березѣ. — 30. Нѣмчию же не падобѣ никое
«мытио изъ Смоленска до Ригѣ, а изъ Ригы до Смо-
«ленска; шакоже и Русину не падобѣ мытио съ Гопы-
«скаго берега и до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленска.
— 31. Аще Смоленскій Князь пойдесть на войну,
«не падобѣ ему (Нѣмцу) ткаши; оже всходецть съ
«Княземъ, то своя ему воля; шакоже буди и Ру-
«сину воля въ Ризѣ и на Гопыскомъ березѣ. — 32.
«Аже Русинъ или Нѣмчикъ имети шапя у своего
«товара, въ томъ его воля, чио хочеть учинити.
— 33. Русину же не дати пересуда (судной пошли-
«ны) ни въ Ригѣ, ни на Гопыскомъ берегѣ, ни Нѣмчи-
«чю же платити пересуда въ Смоленскѣ или у
«Князя, или Тіуна, или урядили будунъ добріи муз-
«жи; болѣ же того не поимания ни въ Ригѣ, ни на
«Гопыскомъ березѣ. Таке правда буди Нѣмечкому
«гостю въ Смоленскѣ. — 34. А пудъ (весъ) дали Нѣм-
«чи Волочаномъ, иже имъ товарь возити всякому
«гостю, и коли исказитися, а подругъ (шакой же)
«его лежити въ Нѣмечкай божницѣ, а другой кова-
«ши извѣривше шими. — 35. Епископъ же Рижскій,
«Фолкунъ Масперъ *Божіихъ Дворянъ* (Рыцарей Хри-
«стовыхъ), и вси волоспели по Рижеской земли дами
«Двину волену опѣ успѧ до верху по водѣ, и по
«берегу всякому гостю Рижскому и Нѣмечкому хо-
«дящимъ впизъ и верхъ. Богъ ишого не дай, аще кого
«прилица прїимешь, или ладыя уразитися Руская, или
«Нѣмечкая, вольно ему свой товаръ привезити къ
«берегу безъ всякой борони. Аще буденъ въ посо-
«бленіе людій мало буденъ, а къ тому принаймали
«людій въ помочь; то, чио буденъ сулилъ найма,
«черезъ то болѣ не взяти. Таке правда буди Ру-
«сину въ Ризѣ и на Гопыскомъ березѣ, и Нѣмчию
«въ Смоленской волосни и въ Полицкой и въ Ви-
«шебской. А си грамоты написана бысінь при По-
«ппѣ Иванѣ и при Масперѣ Фулкинѣ и при Рижѣ-

«скихъ мужехъ, и при многихъ купчехъ Рижскаго «Царства, еже есть шѣхъ печать на сей грамотѣ. «Л се сушь сему послуси (свидѣтели) Регембодъ, «Тепарпъ, Адамъ, горожане на Гопъскомъ березѣ; «Мемеберъ, Вередрикъ Домомъ изъ Люпка (Любека); «Индрикъ, Тонліеръ: шаже сушь изъ Южата (Дан- «цига?) — Кондратъ кривый, Еганъ Кинотъ: ши «сушь изъ Мунспера (Минспера) — Берникъ и Фол- «киръ, шиже сушь изъ Глугли (Грепингена?) — Яремъ, «Брахпъ: шиже сушь изъ Дротмины (Дорпмунда) «— Индрикъ, Чижикъ: шиже изъ Дрямъ (Бремена?) «— Альбрехъ Слукъ, Бернарь Велетперъ, Алеберь «судья Рижскій: тоже сушь Рижане. Аще который «Русинъ или Нѣмцицъ пропившился всхочеть сей «правдѣ, да топтъ пропивенъ Богу и сей правдѣ.»
(208) См. Т. II, стр. 57.

(209) Вотъ древнѣйшее извѣстіе о судебныхъ по- дникахъ въ Россіи, о коихъ сиоль много говорится въ законахъ Царя Иоанна Васильевича.

(210) Здѣсь называется *волокомъ* пространство между Двиною и Днѣпромъ, чрезъ которое надле- жало сухимъ путь везти товары.

(211) Во всѣхъ нашихъ спаринныхъ Ариѳемпи- кахъ сказано о вѣсахъ шакъ: «берковецъ 10 пудъ, че- стверть вощаная (или капь) 12 пудъ, ансырь $2\frac{1}{2}$, «гравенки и 8 золотниковъ (или 128 золотин.), а ны- «нѣпній ансырь фунтъ или 96 золотин., а въ лип- «рѣ $1\frac{1}{2}$ гравенки, а золотин. 72,» и пр. Нашъ древ- ній вѣсъ *Капъ* содержалъ въ себѣ 8 Ливонскихъ шаланцовъ, какъ сказано въ заключенномъ между Нѣмцами и Новогородцами трактантѣ, (выше, прим. 202): *Stalera, quae dicitur Cap, debet in gravitate continere VIII Livonica talenta.* Здѣсь именно озна- чаются куны *Смоленскія*: слѣдствіено между сими, Новогородскими и другими кунами была розница.

(212) См. Liefländ. Chron. II, 23. Тамъ сказано, что онъ заключенъ въ 1128 г., на Лайпциг. и Русск. языкахъ, и что Мстиславъ Смоленскій подписался за Князей Полоцкихъ и Россіянъ Витебскихъ.

(213) Если бы при Ярославѣ гривна серебра содержала въ себѣ, на примѣрь, не болѣе двухъ гривенъ кунами, то вѣроятно ли, чтобы Князь Смоленскій вдвое уменшилъ пенио за убийство цѣною серебра, опредѣляя взыскывать съ убийцы тѣ же сорокъ гривенъ кунами? Количество драгоценныхъ металловъ безъ сомнѣнія увеличилось въ Россіи съ XI до XIII вѣка. — О Новогор. гривнѣ 1250 г. см. Т. I, пр. 475.

(214) Церковь Софіи, Киевская и Новгородская, также Соборная въ Владімірѣ, построенная Андреемъ; безъ сомнѣнія и другія ибо Лѣтописецъ сказываетъ за рѣдкость, что Сузdalльская была оздѣлана одними Русскими художниками.

(215) См. Воскр. Лѣт. II, 118. О Милонѣ см. въ Кіев. Лѣт. подъ год. 1198. Сей же Милонъ, лу-
маю, въ 1185 г. построилъ Новгородскую церковь Св. Вознесенія (см. Новог. Лѣт. г. 6695).

(216) Кіевск. Патерикъ, 120, 125.

(217) Я видѣлъ не сколько такихъ расписанныхъ листовъ въ древнихъ Евангеліяхъ и другихъ церковныхъ книгахъ. Наименую изъ нихъ двѣ: Исаакирий XII вѣка въ библіотекѣ Московск. Профессора, Г. Баузе, и весьма же древнѣЕ Евангеліе въ библіотекѣ Гр. А. И. Мусина-Пушкина. — Счишаю за нужное упомянуть здѣсь о славныхъ, иакъ называемыхъ *Капоніановыхъ доскахъ* (*Tabulae Capronianaæ*), о коихъ споль многіе Ученые писали и спорили (см. Ассеман. Kalend. Eccles. Univ. I, 1 и слѣд.). Священникъ Герасимъ Фока, уроженецъ Кефалопскій, будучи въ Москвѣ Духовникомъ (какъ увѣряють) Государя Петра Великаго, въ дарь отъ него получилъ живописное изображеніе всѣхъ Россійскихъ Святыхъ (въ маломъ видѣ) на пяти доскахъ, съ означеніемъ мѣсяцевъ и дней, когда торжествуеши ихъ память. Герасимъ скоро умеръ отъ язвы въ Константинополѣ; а братъ и наследникъ его за 300 червонныхъ уступиши сіи картины Маркизу Александру Капонію, оставившему ихъ, какъ безцѣнное произведеніе древнаго Русскаго искусства, въ библіотеку Ва-

ионіанскую. Необыкновенный блескъ, иѣжность или
ионікость красокъ, и даже правильность рисунка удиви-
ли итальянскихъ художниковъ. Самъ Каппоній напи-
салъ о томъ цѣлую книгу въ 1751 г., и думалъ, что
黯акія краски могли быть составлены единственно изъ
соку неизвѣстныхъ правъ или какого нибудь хими-
ческаго смѣшанія. Игн. Кульчинскій, Авторъ книги
Specimen Ecclesiae Ruthenicae, угадывалъ, что сіи
картины писаны во время Владимира Святаго. Ас-
семани считали опыт памятникомъ XIII вѣка: ибо
на нихъ изображены иѣконостасы Святые, признан-
ные Греческою Церковью послѣ Владимира, по иѣпъ
ни одного, жившаго въ XIV столѣтіи. заключеніе
вѣроятное для однихъ иностраницъ! И нынѣ пи-
шутъ у насъ на доскахъ такія Сляпцы съ изобра-
женіемъ единственно древнихъ Святыхъ Греческихъ.
Глаукость и ионікость красокъ, сполъ удивитель-
ная для Каппонія, происходяща отъ того, что
наши иконописцы, разводя опыт личнымъ бѣлкомъ,
послѣ обыкновенно лощатъ одежду и лица на обра-
захъ зубомъ или другимъ подобнымъ веществомъ.
Однимъ словомъ, Каппоніевы Сляпцы могли быть
произведеніемъ XVII вѣка. Внизу на доскахъ (сдѣ-
ланныхъ, по мнѣнію Каппонія, изъ Ливанскаго кед-
ра!), живописцы означили имена свои; на одной: *пи-
салъ Андрей Плынъ*; на другой: *писалъ Никита
Ивановъ*; на третьей: *писалъ Сергий Васильевъ*.
Ассемани хотѣлъ нась даже увѣриТЬ, что сіи жи-
вописцы были Лѣпнскіе Монахи, и Греки!

(218) См. выше, стран. 153. Увидѣвъ шелковыя,
золотомъ шитыя перчатки въ гробѣ Папы Ионо-
ненсія IV. погребеннаго въ 1254 г., Итальянцы хва-
ляются изобрѣтеніемъ въ Европѣ сего искусства, не-
извѣстнаго во Франціи до XV вѣка. Впрочемъ еще
въ Біблії упоминается о виссонѣ *швенномъ*, и пр.

(219) См. *Патерикъ* л. 125, 126, 127, 178.

(220) См. Т. II, стр. 24, примѣч. 142, 528, и
выше, примѣч. 23, 157; см. также *Патерикъ* Кіев-
скій и *Степенъ*. Кн. I, 270, 272.

(221) Сочинитель именуетъ Князей *своего времени*, Ярослава Галицкаго и другихъ, жившихъ въ концѣ XII вѣка. А. С. Шишковъ въ примѣчаніяхъ на *Слово о полку Игоревъ* утверждаетъ, что сочинитель не отъ себя величаетъ сихъ Князей, но именемъ Святослава: гордый Владѣтель Киевской не могъ называть ихъ своими *Господами*, или *Государями*, какъ шамъ сказано (спр. 29, 50): «вспушиша, Господина, въ златый спремень... спрѣляй, «Господне, Кончака,» и проч.

(222) О семъ происшествіи 1185 года см. выше, спр. 61.—Борисоглѣбъ, хваля свою Курскую дружину, говоритъ (*Слово о полку Игоревъ*, спр. 8): «а мои Куряни свѣдоми кѣмети:» *кѣметами* назывались слуги и дружины: см. ниже, примѣч. 250. Въ спишу слово *полкъ* употреблено въ смыслѣ *битвы*.

(223) Сочинитель хочетъ сказать, что Россіяне, обогатившись золотомъ и Греческими шканиями, бросили оспальное, менѣе драгоценное.

(224) «Се бо *Готскія* красныя дѣвы... звоня Ру-
сскимъ златомъ,» и проч. Со временемъ славнаго Германариха жили Готы (см. Т. I, примѣч. 86) въ Тавридѣ, гдѣ власились тогда Половцы.

(225) *Слово о полку Игоревъ*, спр. 51. Здѣсь рѣчь о Романѣ Мстиславичѣ Волынскомъ или Владимірскомъ (который сдѣлался послѣ Галицкимъ) и двоюродномъ братѣ его, Мстиславѣ, сыне Ярослава Луцкаго. Авторъ говоритъ ниже: «Ингварь, «Всеволодъ» (братья Мстислава Ярославича) «и вси «шли Мстиславича, не худа гиѣзда шестокрилци.» Сравнивая сихъ трехъ братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ *шестокрылыми* для того, что у трехъ птицъ *шесть* крыльевъ; а Мстиславичами именуетъ по ихъ прадѣду, Мстиславу Великому.

(226) Въ штомъ смыслѣ, кажется, что его одинъ умъ замѣнялъ восемь умовъ. «Отверзаешь пупъ къ «Киеву:» т. е. кого хочешь, пускаешь въ Киевъ.

(227) См. Т. II, спр. 70. О смерти Изяслава I, убишаго въ 1078 г. вмѣстѣ съ Борисомъ Вячесла-

вичемъ (Т. II, стр. 85), Сочинитель говоритъ (стр. 16): «съ той же Каялы Святополкъ (или Михаиль, сынъ Изяславовъ) по спѣти я опца своего междю Угорьскими иноходыци ко Св. Софії къ Киеву.» Издатели не угадали испиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: «по велѣ я,» вместо: «ио «спѣти я» то есть, взялъ. Сочинитель хочеть сказать, что Святополкъ взялъ на мѣстѣ битвы и повезъ въ Киевъ тѣло опца своего на Венгерскихъ иноходцахъ; но современный Несторъ пишетъ, что Изяславъ убиша не далеко отъ Чернигова.

(228) О семъ счастливомъ походѣ Святослава см. выше, стр. 60.

(229) То есть, Хану, у коего Игорь былъ пленникомъ.

(230) Сія церковь была построена Мстиславомъ Великимъ (см. Т. II, примѣч. 225). Въ той же книжѣ, въ коей находится *Слово о полку Игоревѣ* (въ библиотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще двѣ повѣсти: *Синагрипъ*, *Царь Адоровъ*, и *Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человикъ*. Они безъ сомнѣнія не Русское сочиненіе, но доспойны замѣчанія по древности слога. Первая сказка начинаяется такъ:

«Въ то время азъ Акыръ книжній (книжникъ) бѣ, и речено ми есть опъ Бога: отъ тебе чадо не родится. Имѣніе же имѧ паче всѣхъ человѣкъ; «пояхъ жену и устроихъ домъ, и жихъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чида, и създахъ пребитки (жерипы-венники) и възгнѣши огнь, и рѣхъ: Господи Боже мой! аще умру, и не будешь ми наследника, и ркупъ человѣци: Акыръ праведенъ бѣ, и Богу истинно служаше; аще умретъ и не обрящетъся мужескѣ плѣ (полъ), иже постоитъ на гробѣ его, ини дѣвическѣ плѣ, иже бы его оплакала; ни иже по немъ задницу (наследство) вѣзметъ... И ины прошу у тебе, Господи Боже мой! дажь ми мужескъ полъ: гдѣ преставлюся, да вѣспиши ми прѣстѣ (перстѣ) на очи мои.» Сія самая повѣсть переведена

съ Арабскаго на Французскій языкъ и напечатана въ Продолженіи *Тысячи одной ночи*. Какимъ образомъ она сдѣлалась извѣстною въ древней Россіи? — Впоправа повѣсть изображаетъ богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы, и племянника ихъ, Девгения. Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Греческой. Сочиненіе не богато спиходорными вымыслами: храбрецы бываютъ людей какъ мухъ и скучить головы тысячами. Однакожъ сообщимъ нѣкоторыя описания. «Спа Амера на сумежкѣ Гречкѣ земли и рече: «Боярство мое великое, сынове Аравитъстіи! имѣеши ли дрѣзость на Гречкую землю, прошиву тъ «(той) силѣ плки поставиши? И единъ Аравитънинъ «велегласно рче... устны у него пяди; на конецъ «устенъ висяху многы жуковины, и по конецъ «12 замка замчена.» О Девгениѣ сказано: «двѣнадца- «ти лѣпъ мечомъ играєшъ, а на 13 лѣпо копіемъ, «а на 14 лѣпо похуваешся (покушаешься) всякий звѣрь «побѣдиши.» Онь ъдѣлъ къ славной красавицѣ Страпиғовнѣ, брешчишъ подъ окномъ ея на гусяхъ се- «ребряныхъ съ золотыми спрунами, и говоришъ: «Кажи ми отца своего и братію, каковы суть? И «нача дѣла ему глаголати: на отцѣ моемъ брони «златы и шеломъ златы съ каменiemъ драгымъ и «жемчугомъ саженъ, а конь у него покрытъ паво- «локою зеленою; а братія моя суть въ сребреныхъ «бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ «чрвленою павлокою покрыты.» Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгений говоритъ имъ: «азъ спаро- «спи твою дѣля, пожалую дамъ ти свободу, и съ- «помъ твоя; толико (только) знаменіе свое хощу «възложиши на вась... И бѣ на Страпиғъ златы «кредитъ праѣда его многоцѣнны, и у сыновъ его «жуковины многоцѣнны съ драгымъ каменiemъ; по- «взя у нихъ за знаменія мѣсто.» Онь женится на Страпиғовнѣ, и шесть предлагаетъ ему дары: «По- «да Страпиғъ своему зяню 30 фаревъ (коней), а по- «крыши драгими павлоками, а сѣда и узды зла- «помъ кованы; пода ему кошюхъ 20, парусовъ и

«соколовъ 30 съ кръмилици своими, и даспь ему ко-
«жуховъ 50, сухымъ злапомъ шипы, и паволокъ ве-
«ликихъ 100; шаперь великъ единъ шинть весь зла-
«шомъ: вмѣщауся вонь многы писуща (пысящи)
«вой, и ужица бяху шапра шого шолькова, а колца
«сребренъ; и подаспь ему икону злашу Св. Феодоръ,
«и копія Аравитъская, и мечъ даспь прадѣда сво-
«его. А шеща подаспь ему драгыхъ паволокъ зеле-
«ныхъ 50, кожуховъ 20, сухымъ злапомъ шипыхъ
«съ драгымъ каменьемъ и съ жемчугомъ; прѣвый
«шуринъ уноша подаспь ему 50 поясовъ злапокован-
«ныхъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъ же
«нѣсть числа.» — Замѣтимъ нѣкоторыя древнія сло-
ва въ силъ двухъ повѣстяхъ: хорекъ называється
дѣхоръ (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 63), рога-
тина *рогвица*, тощие *вѣтниче*, куфшинъ *кнея*, слу-
ги *кмети* (у Славянъ Иллірическихъ сметії значиши
быть въ подданіи). *Жуковина* или *жиковина* есть
перспеніе: сіе слово часто употребляется въ гра-
мопахъ XV и XVI вѣка, особенно въ Крымскихъ.

Въ пой же книгѣ находится еще *Сказание о Ин-
дии богатой* или мнимое письмо *Священника Иоанна*
къ Мануилу, Греческому Императору. О семъ Царь
Священникъ см. ниже, примѣч. 259. Иоаннъ сказы-
ваетъ Мануилу, что ему повинується въ Индіи 72
Царя; что въ его земляхъ рождаются *потамы* (полче-
ловѣка и полпса), *урши* или медвѣди, Фениксы, ры-
бы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ, и
Сапиры; что люди тамъ не лгутъ, ибо отъ вся-
кой лжи блѣднѣютъ какъ мерцвецы; что улицы на-
мощены драгоценными камнями, и проч.

(231) Такъ Епископы убѣждали Святополка II не
мучить Василька, а Долгорукаго освободить Бер-
ладника: такъ Мишрополіппъ удерживалъ Новгород-
цевъ опѣй войны междуособной; такъ Архіепископъ
Мишрофанъ примирилъ народъ съ Княземъ (см. выше,
стр. 171), и проч.

(232) См. Т. II, спран. 68. Въ самыхъ монасты-
ряхъ бывали иногда пиры, осуждаемые Мишрополи-

томъ Іоаниомъ въ его *Церковномъ правилѣ* (см. Т. II, примѣч. 442).—О Всеволодѣ I говорить Несторъ (въ печат. спр. 155): «бѣ же вздержалъ опѣ пыни-«спва.»—О дѣпяхъ побочныхъ см. *Русскую Правду* (сей *Ист.* Т. II) отдѣленіе XXXVII; см. также въ договорѣ Князя Смоленскаго съ Нѣмецкими городами станицю I.

(255) При Всеволодѣ I (Т. II, спр. 98), Ярополкѣ II, (Т. II, спр. 185), при Игорѣ II (Т. II, спр. 205), послѣ Андрея Боголюбскаго (выше, спр. 26), и проч.

(256) См. *Воскресен. Лѣтн. I*, 69.

(255) См. Т. II, примѣч. 528, въ опицѣахъ Иифонша на вопросы Кириковы.

(256) Не говоря о Святославѣ, который, будучи слабымъ опрокомъ, уже мешалъ копья въ Древлянъ, замѣнимъ, что Всеволодъ III, осаждая Проискъ, имѣлъ съ собою двухъ сыновей, Георгія десятилетнаго и Владимира пятилетнаго.

(257) См. въ Бержерон. собраніи, Томъ I, *Voyage de Benjamin*, спр. 65. Веніаминъ именуетъ городъ *Пинъ* или *Финъ*: думають, что надобно читать *Хиве*, т. е. Кіевъ (смотри Шпренгеля *Gesch. der Entdeck. 278*).

Достойно замѣчанія, что Персидскій Спичотворецъ XII вѣка, Низами, въ своей Поэмѣ Александра Великаго, упоминаетъ о Россіянахъ какъ о союзникахъ сего Героя: озлобясь на нихъ за опустошеніе сплошны Королевы Арменской, онъ плѣнилъ Россійскаго Царя именемъ Кайтала (см. въ Гаммер. *Fundgruben des Orients*, о твореніяхъ Низами, спр. 119). Это сказка; но свидѣтельствуетъ, что Россіяне въ XII вѣкѣ уже славились могуществомъ въ Персіи.

(258) Дегиша *Hist. génér. des Huns*, Т. III, кн. XV, спр. 2 и слѣд.; также Абульгази-Байдуръ-Хана *Hist. génér. des Tatars*, Гобилев. *Hist. des Mongous*, Пепи де-ла-Круа *His. du grand Gengiskhan*, и въ Эрбелоши. *Bibl. Orient.* станицы *Genghis Khan*, *Mohammed*, и проч. Все, что говорю здѣсь о Моголахъ или Таипарахъ, взято изъ сихъ исщочниковъ.

(259) Дегинт пипепъ (H. des Huns кн. XV, спр. 20), чи то сей Ташарскій Ханъ, обращенный въ Христианство Неспоріанскими Миссіонаріями, былъ шотъ Священникъ и Царь Іоаннъ, кошорый вель переписку съ Папами и Государями Европейскими. Онъ славилъся въ Европѣ во время пушпешественниковъ Карпіїа и Рубруквица (см. Бержерон. Voyages etc. T. I). Фишеръ думаль, чи то Священникомъ Іоанномъ называлъся Патріархъ Несторіанскій (Сибирск. Исторія, спр. 15 и слѣд.). Другіе искали сего романического Царя Пресвітера въ Абіссінії. Межу бумагами, полученными мною изъ Кенигсбергскаго Архива, находятся два письма Великаго Магистра Нѣмецкаго, Конрада фонъ Юнгингена, опъ 20 Генв. 1407 г. къ Королямъ Арменіи и Абассійскому или Священнику Іоанну (Regi Abassiae sive Presbitero Iohanni). Здѣсь Abassia означаетъ ис Абіссінію, но Кавказскую Абазу или Авхазію. Вопъ новое открытие для объясненія шемной сказки о Священникѣ Іоаннѣ! .

(240) Они прислали въ даръ Чингисхану пищу кречепа, называемую по-Турецки Шунгаръ (см. Абульгази Hist. des Tatars, спр. 205). Сибирскіе Моголы или Мунгалы разсказываютъ, чи то Чингисханъ имѣлъ главное свое жилище при рѣкахъ Онопѣ и Курюлюмѣ, изъ коихъ первая впадаетъ въ Шилку, а другая въ озеро Далай (см. Миллер. Истор. Сибирскую, спр. 3); чи то вельможи, избравъ сего бывшаго Царевича въ Ханы, совѣтовались, какое дать ему новое имя; чи то въ ту минуту какая-то птица закричала, Чингисъ! и Вельможи назвали его симъ именемъ.

(241) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, спр. 24, и нашей Исторіи T. I, примѣч. 42.

(242) Ташары, Турки и Россіяне называютъ Имперію Хинскую Кипаемъ опъ имени народа Ташарскаго, Кипаевъ или Кипановъ, владѣвшихъ ея съверною частию въ X вѣкѣ, но испребленныхъ во XII столѣтіи Ташарами Ніучами, покорившими сю же часть Кипаи. Ушедши въ Малую Бухарію, Кипаны основали тамъ особенную Державу, названную Ка-

Кишай или Черный Кишай, для отличия отъ ихъ прежней восточной стороны. Сии Кипчаны, спасаясь бѣгствомъ отъ Ніучей, жили нѣсколько времени на берегахъ Иртыша и Оби, какъ до-нынѣ разсказываютъ Сибирскіе Татары, прибавляя, что шамошные дремучіе лѣса казались имъ рогами и привели ихъ въ ужасъ (см. Фишер. *Сибирск. Исторію*, стр. 9).

(243) Т. I, стр. 21.

(244) См. ихъ Исторію въ Дегин. *Hist. des Huns*, I, 241, и III, 174 — 251. Сельчуки разрушили владычество Турковъ-Газневидовъ, которыхъ Государь въ XI вѣкѣ первый именовался Султаномъ. Прежде Цари Магометанскіе назывались Малеками (Дегин. III, 162).

(245) На картахъ пишется сія земля Харазмъ, Kharasm; называется также Ховарезмомъ, у насть же Хивою (см. Рычкова *Топографію Оренбургск.* стр. 19).

(246) См. Абульгази *Hist. des Tatars*, стр. 257.

(247) См. Дегин. *H. des Huns*, кн. XV, стр. 51.

(248) См. Баеров. *Opuscula, de miro Caucaseo*, стр. 122 и слѣд. Когда Пепръ Великій взялъ Дербентъ, то начальникъ сего города вручилъ ему любопытное Арабское сочиненіе о древностяхъ Дагестана. Между бумагами Миллера нашелъ я также рукопись подъ заглавіемъ: *Извѣстіе о городѣ Дербентѣ, переведенное съ Арабскаго языка въ Кизляръ 1758 году, ста-раніемъ Генерал-Майора и Кизлярскаго Обер-Ком-менданта фонъ Фрауэндорфа*. Та и другая рукопись согласны въ главныхъ обстоятельствахъ; сообщаю извлеченіе изъ Миллеровой: «Кубапъ Шахъ «царствовалъ въ Персіи около временъ Магомето-«выхъ (еще въ VI вѣкѣ) и безпрепанно воевалъ съ «Царемъ Каганомъ Туркомъ (Козарскимъ). Каганъ «владѣлъ нагорною спороною рѣки Волги, имея «шамъ богатую столицу, близъ моря Каспійского, и «до 400,000 воиновъ. Наконецъ они помирились. Ка-«ганъ выдалъ дочь свою за Кубапова сына Нуширвана «(или Хозроя I), и дозволилъ Персидскому Шаху

«построить на границѣ каменную стѣну, чтобы «ихъ поданные могли жить спокойно. Шахъ возобо- «ви гъ древнюю Каспійскую стѣну Александра Вели- «каго (см. нашей Исторіи Т. I, спр. 40), сдѣлалъ «въ ней многія желѣзныя ворота и шакъ укрѣпилъ, «что 100 воиновъ могли защищать ону пропивъ «100,000 непріятелей (Баеров. Opuscula, спр. 125). «Сынъ его, Нуширанъ, еще при жизни отца осно- «вала Дербенітъ съ другими городами и провѣль опѣ «него стѣну до Аграхани, гдѣ жилъ Царь Изфенди- «яръ, дашникъ Кагановъ, въ богатомъ мраморномъ «дворцѣ, наполненномъ драгоценными металлами. — «Аравіяне, завладѣвъ Персіею, побѣдили Кагана, «и начальникъ ихъ (будто бы самъ Магометъ) совѣ- «шовалъ Персіянамъ еще болѣе укрѣпить Дербенітъ, «ключъ ихъ Государства. Чрезъ нѣкоторое время сей «городъ опложился опѣ Персіянъ и поддался Кага- «ну: Аравіяне при Калифѣ Великѣ (или Валидѣ, «царствовавшемъ опѣ 705 до 714 года) взяли его и «разорили до основанія, но снова построили, успра- «шенные набѣгами Каспійскихъ народовъ. Абу-Абенітъ «Джерра, Визирь Персидскій, завоевалъ весь Даге- «станъ, укрѣпилъ Дербенітъ, построилъ тамъ семь «мечетей и семь желѣзныхъ воротъ. Преемникъ сего «Визиря освободилъ гражданъ Дербенійскихъ опѣ дани «и велѣлъ, чтобы невѣрные, прѣѣзжая туда для ку- «печества, жили за городомъ въ особенномъ Караванъ- «Сараѣ, и чтобы пословъ чужеземныхъ вводили въ «скрѣпить всегда съ завязанными глазами. Визирь «Мерванъ снова наложилъ дань на Дербеніцевъ и на «всѣхъ окрестныхъ жителей. Кумыки давали ему 50 «рабочниковъ, 50 женщинъ и 20,000 горшней пшени- «ци; Кубичинцы 50 рабочниковъ, Хайданъ 500 «рабочниковъ и 20,000 горшней пшеницы, мѣстечко «Кура, Ахты, Мискинъ по 20,000 горшней пшеницы «и по 400 рублей деньгами, а Ханъ Шамаханскій «12,000 башмановъ пшеницы. Хлѣбъ изъ всѣхъ мѣстъ «привозили въ Дербенітъ, и клали въ большомъ каменномъ аштарѣ. Сей городъ прославился въ самыхъ

«далыкѣйшихъ Государствахъ ; но злодѣй , именемъ «Джіулъ , шайный другъ Кагановъ , овладѣлъ Дербен- «комъ , упѣснилъ народъ и довелъ до нищеты : жи- «тели разбѣжались въ Берды и въ Шамаху . Знаме- «нийский Калифъ , Гарунъ Алъ-Рашидъ (современникъ «Карла Великаго) самъ былъ въ Дербенитѣ и спараб- «ся снова привести его въ цвѣтущее состояніе . На- «конецъ окрестные народы пересилили свозить дань «въ сей городъ , коіорый упалъ совершенно ; жите- «ли обѣдняли , не захотѣли уже заниматься воинскимъ «искусствомъ и начали торговатъ въ чужихъ зем- «ляхъ . — — Замѣтимъ , что Моисей Хоренскій (см. его *Geograph.* спр. 356) упоминаетъ о *стѣнѣ Дер- бенитской* (*murus Darbandius*) .

(249) См. Абульгази *Hist. des Tatars*, спр. 310; такжѣ нашей *Исторіи*, Т. I, примѣч. 40. Лѣтописцы Русскіе говорятъ , что Татары побѣдили Ясовъ : Абульгази же именуетъ Аланъ .

(250) *Воскр. Лѣт.* II, 176, *Новог. Лѣт.* 99 и слѣд.

(251) См.: *Волын.* и *Новогород.* *Лѣт.* — Чингис- ханъ былъ , какъ мы сказали , роду Могольскаго ; но какъ большая часть его войска состояла изъ Ордѣ Татарскихъ , имъ покоренныхъ , то имя Татаръ сдѣлалось общимъ . Между нынѣшними Моголами , или Мунгалами , и нашими Татарами есть великая разница въ языке и въ самой наружности : первые сходствуютъ съ Калмыками , виторые съ Турками . Абульгази производитъ пѣхъ и другихъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ сына Гафѣрова , Турка , сказывая , что Аланца-Хаигъ имѣлъ двухъ сыновей , Татара и Могола (*Hist. des Tatars*, гл. II и III) , и что пращуръ ихъ , Таунакъ , началъ первый употреблять соль (уронивъ печально кусокъ мяса на соляную землю) . Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ народовъ Татарскихъ не именуетъ себя Татарами , но каждый называющіяся особеннымъ именемъ земли своей , утвержая , что все они происходяще отъ Турка ; но какъ Абульгази пишетъ , что Татары составляли многолюдѣйшее

племя между Турецкими народами, что можно заключить, что прежде какаянибудь сильная Орда действительно такъ называлась (Фишер. *Сибир. Ист.*, спр. 86 и далѣе). Сие мнѣніе утверждается еще и шѣмъ, что Якупы въ числѣ боговъ своихъ поклоняются идолу *Татару*. Персидскіе и Арабскіе Историки не знаютъ сего имени, обыкновенно называя Чингисхана Царемъ народа Могольского. Нѣкопорые Ученые думали, что оно есть Кипайское: ибо Кипайцы называютъ всѣ народы сосѣдственныя Та-па. По сказанію Карпина (его *Voyage въ Бергерон.* спр. 58), имя Татаръ произошло отъ рѣки Тапара.

(252) Сей Мспиславъ Святославичъ названъ здѣсь *Козельскимъ*. — Юный браунь Даниловъ, Василько, оспадался тогда въ Владимірѣ Волынскомъ. Въ *Воскресенск.* и *Волынск.* *Лѣт.* сказано, что Даниилу Романовичу было тогда около 18 лѣтъ; но Романъ убиенъ въ 1205 г., а Даниилъ оспался послѣ него четырехъ лѣтъ. О Всеволодѣ Мспиславичѣ см. выше, спр. 169.

(253) См. древн. лѣтописи, и *Волынск. Лѣт.*

(254) Въ *Воскр.* и другихъ лѣтописяхъ поставлено здѣсь 16 Июня; по въ хараш. *Новог.* 31 Маія; и въ *Троицкой* то же число. Въ нѣкопорыхъ лѣтописяхъ прибавлено: «Въ Пятокъ» шакъ и было въ 1224 г., какъ означено въ *Новог.* и *Волын.*

(255) Въ наименованіи Князей, (коихъ родъ не означенъ въ лѣтописяхъ), слѣдуя харамп. *Новогородской.* Яновка и Шумскъ суть города Волынскіе, а Нѣсвижъ въ Минской Губ.—Изяславъ былъ сынъ Ингваря Луцкаго (выше, прим. 129).—А въ *Никон.* *Лѣт.* прибавлено: «Убиша Александра Поповича и слугу его Токрона и Добрыни Рязанича, Златаго пояса»— и вмѣсто десяти тысячъ убитыхъ Киевлянъ поставлено 60,000.

(256) См. Т. II, примѣч. 269. Дубровина есть мѣстечко въ Могил. Губ. въ Орш. Округѣ. Вѣроятно, что Князь Дубровецкій былъ изъ рода Кривскихъ или Полоцкихъ. — На рѣкѣ Нижней Горыни есть

также мѣсто Дубровицы: оно у Поляковъ долго называлось Княжествомъ.

(257) Абулгази Hist. des Tatars, спр. 515, 514. — Въ лѣтописи: «Ташаромъ же не дошедшими до Новагорода Святополчскаго, Русь же не вѣдяху злобы и лести Ташарские, ислождаху пропиву имъ со кресты; они же избиваху всѣхъ.» Здѣсь говорится о Святополѣ, бывшемъ на Днѣпрѣ ниже Киева близъ Виничевъ (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 155).

(258) См. Абулгази Hist. des Tatars, спр. 514.

(259) См. Новогород. спр. 99.

(260) Сія комета была примѣчена и въ другихъ земляхъ Европейскихъ (Cométopraphie I, 400).

(261) См. Нов. и Пушкин. Лѣт.

(262) См. Пушкин.

(263) См. Пушкин. въ описаніи 1227 года.

(264) См. Райнальд. Annales Ecclæses. XIII, 571. Письмо начинается такъ: *Universis Regibus Russiae. Gaudemus in Domino, quod sicut audivimus nuntii vestri ad venerabilem fratrem nostrum Mutinensem Episcopum A. S. L. a latere nostro transmissi, eum humiliter rogaverunt, ut partes vestras personaliter visitaret, quia cupientes sana doctrina salubriter instrui, parati estis omnes errores penitus abnegare.* Можетъ быть, чиновники Псковскіе дѣйствительно изъявляли готовность къ соединенію Вѣръ Греческой и Лапинской, чтобы Римскій посолъ и Ливонскіе Рыцари пѣмъ усерднѣе защищали ихъ. Въ Ливон. Хроникѣ (I, 205) сказано, что послы Новогородскіе и другіе въ 1224 г. приѣзжали къ Епископу Моденскому въ Ригу, по единству для того, чтобы онъ именемъ Папы утвердилъ заключенный ими миръ съ Орденомъ.

(265) Въ Смоленскѣ княжилъ тогда Мстиславъ Да-видовичъ.

(266) См. Пушкин.

(267) Въ древнемъ Богемскомъ нарѣчи слово *удам-ный* означало и *храбраго*. — Далѣе см. Волынск. Лѣт. Въ Длутош. Hist. Polon. кн. IV, спр. 604: Mscislaus, ob præstantiam Chrobri appellatus.

(268) См. *Пушкин.*

(269) См. *Иушкин.* Солнечное запмѣніе 14 Маія означено въ астрономическихъ таблицахъ.

(270) О постригахъ см. выше, спр. 133; о Твердиславѣ спр. 168. Посадникъ Водовикъ былъ въ 1229 г. избранъ на мѣсто Ioanna.

(271) См. *Пушкин.*

(272) Водовикъ умеръ въ 1231 г. Ярославъ прїѣхалъ въ Новгородъ Дек. 30, а черезъ двѣ недѣли опять уѣхалъ.

(273) «Купляхомъ» — въ харашейной *Новогородской* — «по гривнѣ хлѣбъ;» но во всѣхъ другихъ спискахъ: полугривнѣ хлѣбецъ — «и поболши; а ржи «четвертую часть кади по гривнѣ серебра» — а во всѣхъ другихъ спискахъ: по семи гривенъ, то есть, кунаами: слѣдѣвшенно семь гривенъ Новогородскими кунами соспавляли тогда гривну серебра, или нынѣшними деньгами 10 рублей серебряныхъ, если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 рублей. См. *Троицк., Арх. и Воскр.*

(274) Вѣроятно, что хлѣбъ привезли Гопландцы изъ Бизби; а можетъ быть и дѣйствительные Нѣмцы изъ Любека и другихъ городовъ. Тащищевъ пишетъ, что Болгары возили тогда хлѣбъ по Окѣ и Волгѣ во всѣ города Россійскіе, и прислали Вел. Князю Георгию 30 судовъ съ жипомъ: за что Георгій отдалилъ ихъ золотомъ, серебромъ и коспями рыбными.

(275) См. *Пушкин. и Новогород.*

(276) Ярославъ былъ женатъ впорымъ бракомъ на дочери Мстислава Мстиславича Галицкаго; но, можетъ быть, онъ женился послѣ въ третій разъ.

(277) Сей Владіміръ Мстиславичъ умеръ, кажется, во Псковѣ; а сынъ его, Ярославъ, долженъ былъ опшуда выѣхать.

(278) *Новогород. Лѣт.* спр. 137. Гробница сей Княгини Евпраксіи и нынѣ стоящъ въ Псковскомъ монастырѣ Св. Ioanna, гдѣ показываютъ древній мѣдный подсвѣчникъ, на коемъ вырѣзано описание упомя-

иупаго чуда; то же сказано и въ надгробной надпиши. — Сочинитель *Степен. Ки.* описяся, назвавъ Ярослава Владимировича Псковскаго внукомъ Рюрика Кіевскаго (Т. I, спр. 353). Объ немъ еще упоминается въ описании дѣйствій 1245 года. Къ нему, думаю, писано письмо Григорія IX, Папы Римскаго, напечатанное въ Райхальд. *Annal. Eccles.* подъ годомъ 1251. Узнавъ отъ Епископа Пруссскаго, что онъ желаетъ присоединиться къ Лапинской церкви, Григорій спрашался упвердить его въ семъ намѣреніи. Ярославъ Владимировичъ, по сказанію Ливонской Хроники, въ 1245 году отказалъ Дерптской церкви половину своего законнаго наслѣдства, то есть, Псковской земли (см. Арилл. *Liefländ. Chr.* II, 47).

(279) См. *Новогород. Лѣт.* спр. 122.

(280) По сказанію Алберта Спадскаго сіе сраженіе было въ 1256 г. (Арилл. *Liefl. Chr.* II, 37), а по нашимъ лѣтописямъ въ 1237 или 1238. См. *Новогород. Лѣт.* спр. 127. Въ Псков. Архив. лѣтописи, л. 159: «Избираша Липца (въ 1237) на Камъ Песко-свичъ засадою Сенц. 25;» а въ Псковской Синодальн. № 349, л. 169, поставлены годъ 1238 и 25 Октября. — Не говорю о невѣрномъ лѣточислѣніи Руссова и Кельха. — Мѣсто Камень было въ области Псковской за рѣкою Великою (см. *Псков. Лѣт.*).

(281) См. *Воскр. Лѣт.* II, 191. Въ сіе время уже все главные Удѣльные Князья — то есть, Кіевскіе, Черниговскіе, Смоленскіе — назывались *Великими* (см. *Новогород. Лѣт.* спр. 45 и 122).

(282) Въ *Волын. Лѣт.* (по *Ипатьев.* списку въ 1229 г., а по Длугош. въ 1227): «Времени минувшу, «ъха Василько Суждью на свадбу шурина своего ко «Вел. Князю Юрью» (въ 1230 г. женился спаршій сынъ Вел. Князя, Всеволодъ).

(283) *Новогород. Лѣт.* спр. 115. Хотя въ *Ростов.*, *Воскр.* и *Никон.* *Лѣт.* Изяславъ, союзникъ Михайловъ, названъ *Мстиславичемъ*, (внукомъ *Романа Ростиславича Смоленскаго*); но онъ, по всемъ обстоятельствамъ, долженъ быть сынъ того Владимира

Лгоревича, который съ братьями господствовалъ въ Галичѣ и спасся бѣгствомъ отъ ихъ жалкой участии вмѣстѣ съ сыномъ *Изяславомъ*. О немъ упоминается не сколько разъ въ *Волынск.* *Лѣт.* — Въ *Пушкин.*, *Троицк.* и *Новогород.* *Лѣт.* сей Михайловъ сподвижникъ, книжившій послѣ въ Каменцѣ, именуемся просто *Изяславъ* безъ отчества. — Въ Родосл. Книгахъ сказано, что Владимиръ Рюриковичъ умеръ въ Смоленскѣ; а *Исков.* *Лѣт.* упоминаетъ о кончинѣ его подъ 1259 годомъ.

(284) См. Тулоц. *Chron. Hung.* гл. 74. — Длугошъ пишетъ (*Hist. Pol. кн. VI*, стр. 655), что по смерти Венгерскаго Королевича, Коломана, Даліль овладѣлъ Галичемъ, а Изяславъ, союзникъ Половцевъ, скоро завоевавъ сию область, уступилъ ону Михаилу.

(285) См. *Пушкин. Лѣт.*

(286) См. *Троицк. Лѣт.*

(287) См. *Пушкин. Лѣт.*

(288) Дегин. *Hist. des Huns*, кн. XV, стр. 72, и Карпин. *Voyage*, стр. 44. Карпинъ пишетъ, что Чингисханъ убилъ громомъ; а Сибирскіе Мунгалы рассказываютъ, что онъ, силою опиявъ у Тангутскаго Хана молодую жену, былъ ночью зарѣзанъ ею, и что она, боясь казни, утопилась въ рѣкѣ, названной по плому Хатпунь-Голь, или *женскою* (см. Миллер. *Сибирск. Ист.* стр. 6).

(289) Абульгази *Hist. des Tatars*, стр. 367. Близъ дворца Угадаева находился прекрасный колодезь: вода лилась изъ челюстей серебрянаго пигра. Знамѣнитѣе чиновники жили въ особенныхъ домахъ, и сіе мѣстечко, называемое Каракарумъ, было окружено большимъ звѣринцемъ. Сie описание Каракарума въ *Voyage de Rubruquis*, стр. 106.

(290) См. *Пушкин. Лѣт.*

(291) См. *Новог. Лѣт.* 127. — Въ другихъ нов. лѣтописяхъ (*Рус. Времен.*, I, 95) названы здѣсь Давидъ Ингоревичъ Муромскій, Глѣбъ Ингоревичъ Коломенскій, Всеяводъ Пронскій; но Давидъ Муромскій (и не Ингоревичъ, а Юрьевичъ) умеръ еще въ

1228 г., какъ означено въ *Пушкин.*; наследникомъ же его былъ сынъ Юрій. Кн. Всеволодъ Глебовичъ Пронскій умеръ за долго до пашеспвія Ташаръ. Въ Родосл. Книгахъ споль же несправедливо описано, чибо сынъ его, Киръ Михаилъ, княжилъ при Батыѣ въ Пронскѣ: сей Михаилъ убиша еще въ 1218 г. (выше, стр. 166).

(292) См. *Русск. Временникъ*, I, 93 и слѣд. Тупъ и Кн. Юрій Рязанскій наименованъ въ числѣ убийщихъ; но другіе лѣтописцы говоряшъ, чибо онъ погибъ въ городѣ Рязани. Олегъ Ингворовичъ, бывъ долго пленникомъ, умеръ въ 1258 г. (см. ниже). Лѣтописи современныя суть Новгородская, Волынская, Сузdalльская, или Пушкинская.

(293) См. *Русск. Временникъ* и *Волын. Лѣт.*

(294) Въ *Русск. Временникѣ*: «и не бѣ спонюща-
го, ни плачущагося.... по вси вкупѣ мерпви лежа-
щѣ.» *Никонов. Лѣт.* прибавляєшъ о жестокости
Ташаръ слѣдующее: «груди возрѣзываху и желчь выни-
маху, и съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и
«щепы за ногти бѣаху,» и проч.

(295) См. *Русск. Времен.* 101-103. Вообщѣ по-
вѣстъ сія основана, кажеся, на одномъ преданії:
хопя не доспівѣра, однакожъ доспойна замѣчанія.
Я имѣю подлинникъ *Русскаго Временника* или Ко-
спромской лѣтописи: онъ писанъ (кромѣ новѣйшихъ
прибавлений) въ XVII вѣкѣ, и принадлежитъ Графу
А. И. Мусину-Пушкину.

Въ Зарайскѣ при Соборной церкви Св. Николая,
построенной во время Царя Феодора Алексѣевича въ
1681 г., есть другая церковь Иоанна Предтечи, осно-
ванная, какъ сказываюшъ, на гробахъ Князя Феодора,
Княгини Евпраксіи и сына ихъ Иоакима. Въ семъ Со-
борѣ спошъ образъ Николая Чудотворца, окован-
ный золотомъ и серебромъ въ царевование Василія
Іоанновича Шуйскаго, въ 1608 году, и привезеній
изъ древніяго Херсона. Въ упомянутой Коспромской
лѣтописи или *Временникъ* (I, 77) находяится слѣдую-
щія обспоятельства: «Въ 1224 г. Св. Николай явил-

ся во сне Херсонскому Іерею Евспафію и сказалъ ему: возьми мой Чудотворный образъ, жену свою Феодосію, сына швоего, Евспафія, и гряди въ землю Рязанскую. Іерей не зналъ, где сія земля. Св. Николай впорично ему явилъся, шокалъ его въ ребра и велъль ему иппи на Востокъ (развѣ на Сѣверъ). Евспафій еще медлилъ, и въ наказаніе ослѣпъ; но снова прозрѣль, когда рѣшился исполнить волю Угодника. Св. Николай не велъль ему иппи чрезъ землю Половецкую, а сѣсть на ладію въ устьѣ Днѣпра, плыть до Варяжского моря, въ обласць Нѣмецкую, или Ригу; ошпуда же щахать сухимъ пушнемъ въ Новгородъ и Рязань. Евспафій шакъ и сдѣла г. Жена его хотѣла осіашься въ Новгородѣ, и за то едва не умерла отъ жесපокой болѣзни. Увѣдомленный во сновидѣніи о шесчвіи образа, Кн. Рязанскій Феодоръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и съ изумленіемъ увидѣль его лучезарное сіяніе. Отецъ Феодоровъ, Георгій, или Юрій, взявъ съ собою Рязанскаго Епископа, Ефросина Святогорца, прїѣхалъ шакже поклонитъся святої иконѣ, для коей они заложили особенную церковь. Св. Николай чудеснымъ образомъ предвѣстилъ тогда Феодору славную его кончину,» и проч. Упомянемъ еще о другой достопамятности Рязанской. Въ 36 верстахъ отъ нынѣшней Рязани есть древний шакъ называемый Богословскій монастырь. Въ немъ хранилась какая-то золотая печать Баптиева, копорью Архіепископъ Михаиль около 1653 г. взяль въ Соборную церковь, боясь, чтобы Мордовские разбойники не похищили сей драгоценности, чрезъ нѣсколько лѣтъ употребленной на позолоту водосвятої чаши и другихъ церковныхъ ушварей. Разсказываютъ, что образъ Иоанна Богослова въ семъ монастырѣ писанъ Русаремъ, наученнымъ живописи отъ самого Апостола, и присланъ Іерусалимскимъ или Цареградскимъ Патріархомъ въ даръ Князю Рязанскому.

(296) Абульгази Hist. des Tatars, 479) разсказываетъ басню, что Россіяне вмѣстѣ съ друзьями своими, Нѣмцами, окопались близъ Москвы, и 3 мѣсяца про-

тивались Тапарамъ; что Шейбани, братъ Башыевъ, подкрѣпленный шестью тысячами новыхъ воиновъ, напалъ на окопы съ одной стороны, а Башый съ другой, и что Россіи не наконецъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 70,000 человѣкъ.

(297) См. *Пушкин. Лѣт.*

(298) «Взяша (Тапары) Сужданль и Св. Богородицю разграбила, и дворъ Княжъ огнемъ пожгоша, и монастырь Св. Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбилиша, а Чернцы и Черници спараши и Попы, слѣпые и хромые, и глухие, и прудоваша, и люди всѣ изъѣхали; а что Чернецъ уныхъ, и Черницъ, и Поповъ, и Попадій, и Дьяконы, и жены ихъ, и дочери, и сыны ихъ, что все ведоша въ спаны.» Въ *Русскомъ Временникъ*: «церкви и монастыри пожгоша; «точію сохрани Господь Дѣвичь монастырь Положенія Ризы Богоматери, въ немъ же иноческое борение проходаше спрадально блаженная Феодулія со своими съ поспищими, даи Вел. Кн. Михаила Черниговскаго и Мученика, нареченная въ иноческомъ чину Евфросинія.» Вѣримъ, что дочь Михайлова и супруга Василька Ростовскаго, по смерти его, скончала дни свои Инокинею въ семъ монастырѣ; по тогда Василько бытъ еще живъ.—Далѣе въ *Новог. Лѣт.*: «и спригоша вси (Владимір. Вельможи) въ образъ, «также въ Скиму опъ Владыки Митрофана, Князь (Всеволодъ) и Княгини, даи и сноха (Георгіевы) и добрыи мужи.» Въ *Церк. Ист. Российской* несправедливо сказано, что одни Новгородскіе Епископы назывались тогда Владыками. — Въ *Волын. Лѣт.*: «Увидѣвъ Кн. Всеволода, яко крѣпчае брань належитъ, «убояся — бѣ бо младъ — и изыде изъ града съ маломъ дружины, несий дары многы, надѣяше бо ся «опъ него живошъ пріяши. Онъ же (Башый) яко звѣрь свирѣпый повелъ предъ собою зарѣзаніи и.» — Въ *Пушкин.*: «Въ Субботу Масопустную почаша «наряжати лѣсы, и порокы ставиша до вечера, а на ночь огородища шиномъ около всего города. Въ *Недѣлю мясопустную* по заупрени приспущиша къ

«городу Февралия въ седмый, на память Феодора Стратилата, и бысть плачь великъ въ градѣ.» Мясопустъ быль Февр. 7 въ 1258 г.; а выше сказано, что Татары обступили Владіміръ Февр. 5, во Вторникъ: развѣ Февр. 2? — Супруга Георгіева, Агаѳія, погребена въ Успен. Соборѣ Владімірскомъ. Въ спарыхъ рукописныхъ Свяницахъ названы спохи ея Марію и Хриспиною (см. Главу о Святыхъ града Владіміра). Далѣе: «Всѣ иконы одраша; а иныя изъ съкоша, а иныя поимаша, и кресты и ссуды (сосуды), и книги одраша, и портны блаженыхъ первыхъ Князій, еже баху повѣшали въ церквахъ на память собѣ . . . И шу убѣнь бысть Паҳомій, Архим. монастыря Рождества С. Богородицы, и Данило, Игумень Успенскій, Феодосій Спасскій и прочіи.... «Всеволода съ брашочъ въ града убиша» и проч.

(299) См. Новогород. Лѣт.

(300) См. Пушкин.—О супругѣ Василька см. выше, примѣч. 298. Никон. Лѣт. называетъ ее Марію.

(301) Въ Новогород. Лѣт.—Далѣе: «гоняшаяся опь Торжку оли до Игнача креспа, за 100 верстъ до «Новагорода.» Надобно вспомнить, что спарыя версты были вдвое болѣе нынѣшихъ.

(302) Въ Родосл. Книгахъ сказано, что у Михаила Черниговскаго быль сынъ Мстиславъ Каравеевскій, у Мстислава сынъ Тишъ, у Типа Иванъ, у Ивана Василій, убитый Башыемъ въ Козельскѣ: возможно ли, чтобы Михаилъ въ сіе время имѣть уже пропрапрунука, когда большой сынъ его, Роспиславъ, въ 1229 или 1230 г. быль еще младенцемъ или опрокомъ? Подобныхъ нелѣпостей довольно въ нашихъ Родосл. Книгахъ. Татищевъ сказываетъ, что Кн. Василій прозвывался Козля.

(303) А не изъ Новагорода (Воскресен.).

Предлагаемъ маловажныя извѣстія Лѣтописцевъ сего времени. — Въ 1227 г., Март. 14, Мишроп. Кирилль, находясь тогда въ Владімірѣ съ 4 Епископами, пославши Мишрофана Игумена Богородицкаго въ санъ Свяпицельскій, при В. Князѣ и дѣпляхъ его, брашь-

яхъ Святославъ, Іоаннъ, Боярахъ и народномъ мно-
жествѣ; въ числѣ зрищелей быль и самъ Лѣпо-
писецъ Суздальскій. Маія 1 (въ другихъ спискахъ :
Маія 11 и 15) сгорѣлъ городъ Владиміръ, 27 церк-
яей и дворецъ Константиновъ съ бывшею въ немъ
церковю Св Михаила. Въ 1228, Генв. 6, преставил-
ся Схимникомъ Кн. Владиміръ-Димитрій Всеиводо-
вичъ и положенъ въ Соборной церкви Владимірской
Богоматери. На Св. недѣлѣ умеръ сынъ Давида Му-
ромскаго и самъ Давидъ, принявъ Симу (не сынъ ли
сего Давида признанъ Святымъ подъ именемъ Пеп-
ра, коего память бываєтъ 15 Іюня ? см. Прологъ.
Мощи сего Князя и супруги его Февроніи лежашъ
въ Муромскомъ Соборѣ). Кн. Святославъ Всеиводо-
вичъ опипустиль опь себя жену съ великимъ награж-
дениемъ, ибо она захотѣла быти Монахинею; сія дочь
Муромскаго Князя уѣхала въ Муромъ до Борисова
дня и тамъ посприглась. Племянникъ В. К. Георгія,
Всеиводъ Константиновичъ, женился въ Переяслав-
ль на дочери Олега Святославича Курскаго. Септ.
21 родилась у В. Кн. Георгія дочь Феодора. — Въ
1229, Генв. 5, сгорѣлъ въ Владимірѣ Княжескій дво-
рецъ и 2 церкви. Еписк. Роспов. Кирилъ оставилъ
Епископію. — Въ 1230 г. «Василько, Всеиводъ и Во-
«лодимеръ (Константиновичи) послаша къ опцю свое-
«му Гюргю и къ Епископу Мишрофану по Кирила
«Игумена и Архимандрита монастыря Св. Богоро-
«дицы Рождеспва, дабы и пущилъ на Епископство
«Роспову, и опипуши. Изыдоша на срѣщенье Кири-
«лово Князи и Княгини, и Боляре, и вси мужи, и
«введоша и въ Св. Зборную церковь.» В. К. Георгій
жениль сына своего спарѣшаго, Всеивода, на доче-
ри Владимира Рюриковича Кіевскаго. Въ Новогород.
Лѣт.: «той же зимѣ введоша съ Хушина опь Св.
«Спаса Арсенія Игумена, мужа крошка, Князь Яро-
«славъ, Владыко Спиридонъ и въсъ Новгородъ, и даша
«ему Игуменство у Св. Георгія, а Саву лишиша,
«посадиша въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль,
«и преставися Маріа 15, въ Субботу предъ обѣд-

«иею . . . А дай Богъ молитва его свяшая вѣсмъ «Крестъяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею Попомарю» (а въ другомъ спискѣ, напечатанномъ въ *Продолженіи древ. Вивліоѳики*: «Іоанну Попови»). — Въ 1231 г. Февр. 2, по лѣтописи Кирилловской (Син. библ. № 351), перенесены мощи Св. Леонтия Ростовскаго изъ церкви Иоанна въ Собор. Св. Богомашери. Князь Василько послалъ избраннаго имъ Епископа Кирилла въ Киевъ. Минипрополитъ и Епископы окрестные, Порфирий Черниговский, Олекса (Алексій) Полоцкий, Бѣлогородскій и Юрьевскій, съ Архимандр. Печерскимъ Акициномъ и съ Игуменами Михаиломъ Выдубецкимъ, Петромъ Спасскимъ, Симсономъ Андреевскимъ, Корнилиемъ Феодоровскимъ, Афанасиемъ Васильевскимъ, Симеономъ Воскресенскимъ, Климентомъ Кириловскимъ, Иоанномъ Мученическимъ изъ Чернигова, посвятили Кирилла Апрѣля⁶, при Князѣ Владимира Рюриковичѣ и шогдашнемъ Воеводѣ Кіевскомъ Иоаннѣ Славновичѣ. «Бяхущъ же ини Князи Русії на сонмѣ въ Кыевѣ : Михаилъ Черниговский, сынъ его «Росписта», Мешиславичъ Мешиславъ, Ярославъ, «Ізяславъ»,» (см. выше, примѣт. 285.) «Роспиставъ «Борисовичъ» (пл.смѧнникъ Владимира Рюриковича) «и «иини мпози Князи.... И бысть Намѣщникъ прежде «бывшихъ въ Ростовѣ Леонтия Свяшаго, священнаго «Епископа Исаїи и Несперса и всѣхъ, яже почиша. Не «оспа ихъ ничемъ, вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью; «ис покмо бо словомъ уча, но и дѣломъ кака....вся приходящая изъ окрестныхъ градъ въ Св. Зборную церквь, ово послушающе ученья его, ово же хотяще «видѣши украшенья церкви Владычицы нашей Бого-«родицы; бысть бо украшенье ея чудно, ако же не «бысть у прежбывшихъ Епископъ... Ученю же и «пищанью дивлься (самъ Лѣтописецъ) сего Кирила, съ «спирахомъ и кокореньемъ, послушая въ уздѣ мѣстѣ «иѣкоемъ».... Юл. 24 род. у Кн. Василька сынъ Борисъ. — Въ 1232 г. женился Кн. Владимиръ Константиновичъ (а Тапищевъ прибавляетъ: «взялъ дочь «Игоря Рязанскаго, Надежду»). Въ 1255 скончался

Митроп. Кирилль. — Въ 1256 г. род. у Василька
сынъ Глебъ. Въ шу зиму В. К. Георгій женилъ сы-
новей своихъ Владимира и Мстислава. Въ 1257 г.
прибылъ лѣпомъ изъ Никеи въ Кіевъ Митроп. Іо-
сифъ, родомъ Грекъ.

Конецъ Примѣчаній III Тома.

ОГЛАВЛЕНИЕ

III TOMA.

F A A B A I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Спран.

Обласпі Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Киевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новынгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владимира. Киевъ оштранъ Смоленскому Князю. Сайгапъ или профей Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новынгородѣ. Война съ Болгарами. Скора Андрея съ Роспиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мяшежъ въ земль Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойство его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вяшки.

Г. 1169—1174.

1.

Γ Λ Α Β Α ΙΙ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Вѣче въ Владимирѣ. Добродушіе Михаила. Гор-
дость Росповцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Тор-
жество Михаила. Кончина и свойства сего
Князя. Междуусобіе въ южной Россіи . . . 32.

Γ. 4474 - 4476.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЪ.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеиволоду. Великодушіе Мономахова пощомства. Осада Торжка. Полипика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владимира. Герой Всеиволодъ. Торки и Берендеи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владимира. Власополюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владимиръ въ Германии. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Времениая независимость Киева. Добродѣтели Владимира Глебовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новгородѣ. Скора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Киевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гибель Романа. Бишва въ Польшѣ. Мягкий духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Полипика Всеиволова. Спроголосъ и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеиволодъ подчинилъ себѣ Новгородъ. Слава и ширанство Романа. Опустошеніе Киева. Поспѣщеніе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Опѣваніе Романа. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолъ. Происшествія въ Галичѣ. Кон-

Справ.

спанпинъ въ Новѣгородѣ. Сѣверскіе Князья
господствують въ Галичѣ. Бѣгство Романова
семейства. Коварство Всеволода Чернаго. Бѣд-
ствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода.
Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мстисла-
ва. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ.
Неповиненіе Константина. Кончина и ха-
рактеръ Всеволода Великаго. Мудрость Вели-
кой Княгини. Поспѣхи. Князь Россійскій въ
Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятие Царяграда.
Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ
Мечепосцевъ. Духовная власість въ Новѣго-
родѣ.

41.

$$\Gamma A A B A \rightarrow V,$$

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ,
КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Междоусобіє. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Спрогость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епіскопъ Симонъ 142

Γ. 1212 - 1216.

Gamma A B A V.

**КОНСТАНТИНЪ, В. К. ВЛАДИМІРСКІЙ
и СУЗДАЛЬСКІЙ.**

Добросердечіе Константина. Дѣла Лівонскія.
Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость

Спран.
юнаго Даниила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ.
Убийства въ Рязани. Смерть Константина . 159.
Г. 1216 — 1219.

ГЛАВА VI.

**ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ II
ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.**

Безпокойства въ Новгородѣ. Великодушіе Попадника. Дѣла церковныя. Войны. Успiюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича. Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Липвы. Слухъ о Татарахъ . . . . . 168.
Г. 1219 — 1224.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНИЕ РОССИИ съ XI до XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съезды. Право наследственное. Враги виновные. Правленіе. Обряды и чины двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнійшее пурпурошествіе въ Россію . . . . . 192.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ГЕОРГІЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о

Справа.

Татарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе пословъ Татарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междуусобія. Набѣги Липовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ земль Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ Южной Россіи. Льготы грамоты Вел. Ярослава. Землемѣрясеніе. Зашмѣніе солища. Мяшежъ въ Новгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Лишвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даниловы. Война съ Мордою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Авраамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашесствіе Татаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятие Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятие Владимира. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сипи. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отвѣтъ Батыево . . . . . 225.

Г. 1224 — 1238.

